

В. Н. КАРАЗИНЪ.

*Императорскому
Харьковскому Университету
къ предстоящему
его столѣтнему юбилею
(17 Января 1805—17 Января 1905 г.)*

этотъ трудъ посвящаетъ

признательный авторъ.

Проф. Д. И. Багалый.

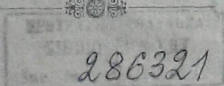
ОПЫТЪ ИСТОРИИ

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ).

Томъ 1-й (1802—1815 г.).

Издание иллюстрировано портретами выдающихся деятелей.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія Зильбербергъ.

(Рибная улица, домъ № 30-й).

1893—1898.

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ свѣтъ
разрѣшается. Сентября 12 дня 1898 года.

Ректоръ Университета *М. Алексѣенко.*

24

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.
1—12

Предисловіе 1—12

Обзоръ печатныхъ пособій по исторіи Харьковскаго университета. Обзоръ ;
изданныхъ источниковъ. Архивные матеріалы. Характеръ труда. Pro domo sua.

1-я глава. Культурное состояніе Харьковскаго края до открытія университета. 12—52

Вопросъ о культурномъ состояніи Харьковскаго края передъ открытіемъ университета. Г. Харьковъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.—его незначительность, неблагоустройство, торговля. Торговля въ Харьковскомъ краѣ и экономическая связь его съ Новороссіей. Умственное состояніе украинскаго общества: стремленіе къ духовному просвѣщенію, вынесенное всей массой населенія изъ Задунайскія; связь мірянъ съ церковью—пожертвованія, церковныя братства, шпитали; статистика народныхъ школъ по даннымъ 1732 г.; украинскій философъ Григорій Савиичъ Сковорода и его нравственно-просвѣтительное вліяніе; Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный-центръ въ Слободской украинѣ до открытія университета; западно-европейская просвѣтительная стихія и литературный кружокъ А. А. Палицына; новыя харьковскія училища—“прибавочные классы“, главное и малыя народныя училища, проэктъ кадетскаго корпуса въ г. Харьковѣ и мысль о замѣнѣ его университетомъ. Общее заключеніе о значеніи всѣхъ перечисленныхъ выше образовательныхъ средствъ.

2-я глава. Основаніе Харьковскаго университета (1802—1805 г.) 53—202

1-я мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ. Жалованная грамота харьковскому дворянству. „Предназначеніе о Харьковскомъ университетѣ“, составленное В. Н. Каразиннымъ. Общее дворянское собраніе 31-го авг. и 1-го сентября 1802 г.; пожертвованіе на университетъ 400,000 руб. Пожертвованіе харьковскаго купечества, гражданъ и войсковыхъ обывателей. Пожертвованіе екатеринославскаго и херсонскаго дворянства, а также частныхъ лицъ. Рескрипты государя. Оппозиція Захарашевича-Капустянскаго. Дѣятельность В. Н. Каразина на пользу университета въ Харьковѣ. Съѣздъ уѣздныхъ предводителей дворянства 21 апрѣля 1803 г. Оппозиція въ средѣ дворянства. Дѣятельность на пользу университета проф. И. Ѳ. Тимковскаго въ Харьковѣ и В. Н. Каразина въ Петербургѣ. Учрежденіе комитета и принятія имъ мѣры къ скорѣйшему открытію университета. Сборъ пожертвованій до открытія университета. Послѣдующая судьба пожертвованій. Одѣлка заслугъ, оказанныхъ въ дѣлѣ основанія университета В. Н. Каразиннымъ, И. Ѳ. Тимковскимъ, С. О. Потоцкимъ и др. Открытіе университета: приготовленія къ открытію, церковная церемонія и рѣчи епископа Христофора Сулимы и ректора коллегіума о. Андрея Проконовича; университетское торжество и рѣчи попечителя С. О. Потоцкаго, проф. Рижскаго и Беленъ де-Баллю.

3-я глава. Университетское самоуправленіе 203—404

Просвѣтительное движеніе въ началѣ царствованія Имп. Александра I-го. Характеръ университетскаго устава 1804 г. Дѣятельность совѣта: выборы должностныхъ лицъ; выборы преподавателей на вакантныя кафедры; избраніе почетныхъ членовъ; важнѣйшія дѣла, рассмотрѣныя въ совѣтскихъ засѣданіяхъ съ 1805 по 1815 годъ; борьба партій въ совѣтѣ и ея причины; выговоръ министра народнаго просвѣщенія (1812 г.); ректорство Рижскаго и Стойковича; незаконная торговля ректора Стойковича и борьба съ ней университетскаго совѣта; расширеніе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Характеристика дѣятельности факультетовъ. Обзоръ дѣятельности правленія въ первое десятилѣтіе его существованія; судебныя и цензурныя функціи правленія.

4-я глава. Матеріальныя средства университета и его учебно-вспомогательныя учрежденія 405—484

Матеріальныя средства университета въ первое десятилѣтіе его существованія. Его учебно-вспомогательныя учрежденія: университетская бібліотека; типографія; минцъ-кабинетъ, кабинетъ рѣдкостей и изящныхъ искусствъ; физическій кабинетъ; астрономическій кабинетъ; хирургическая лабораторія; технологическій кабинетъ; зоологическій кабинетъ; минералогическій кабинетъ; ботаническій садъ; анатомическій театръ; хирургическая клиника; классъ рисованія и живописи; музыкальный классъ; фехтовальный классъ; манежъ; три неосуществившіяся учебно-вспомогательныя учрежденія: проэктъ проф. Пильгера объ учрежде-

ии ветеринарнаго института; прозкъ проф. Нельдегена объ устройствѣ очитнаго поля; мысль проф. Делявина объ открытіи университетскаго ботаническаго сада въ Крыму.

5-я глава. Преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ . . . 485—778

Профессора-иностранцы, прїѣхавшіе въ Харьковъ изъ заграничья — ихъ образовательный цѣль и научные труды; біографическія свѣдѣнія о профессорахъ русскаго происхожденія до ихъ назначенія въ Харьковскій университетъ. Полнота преподаванія и вакантныя катедры; мысль объ упраздненіи медицинскаго факультета; курсы, читанные профессорами и адъюнктами; пріготовительный классъ, педагогическій институтъ и институтъ для гражданскихъ чиновниковъ; отзывы слушателей о лекціяхъ университетскихъ преподавателей; вопросы о магистерскихъ и докторскихъ промоціяхъ; ученые командировки молодыхъ кандидатовъ для пріготовленія въ профессорскому званію. Общій характеръ ученыхъ трудовъ тогдашнихъ профессоровъ: труды проф. Гижскаго, Успенскаго, Рейта, Белень де-Баллю, Роммеля, Тимковскаго, Шада, Якова, Осиповскаго, Стойковича, Гизѣ, Пилгера; диссертанціи на ученые степени; актыны рѣши; мѣстныя изслѣдованія; рецензіи, погребальныя рѣчи, правила для студентовъ и т. п. сочиненія, составлявшіяся по официальнымъ порученіямъ университета; распространеніе профессорскихъ трудовъ въ публикѣ; „Общество наукъ“; труды почетныхъ членовъ университета; первая харьковская газета „Ежедневникъ“, издававшаяся университетскимъ книгопродавцемъ Дангеномъ; изданная словесность: сочиненія Срезневскаго, Нахимова, Масловича и Пилицына.

6-я глава. Студенты . . . 778—836

Недостаточное число студентовъ и мѣры къ привлеченію ихъ въ университетъ. Статистическія данныя о числѣ студентовъ въ первое десятилѣтіе существованія Харьковскаго университета. Ихъ подготовка и поступленіе въ университетъ. Студенческіе экзамены. Число окончившихъ курсы и вышедшихъ изъ университета до окончанія курса. Цѣли, которыми руководилась тогдашняя молодежь, поступающая въ университетъ. Научно-литературные опыты студентовъ.

7-я глава. Бытъ и нравы университетской среды . . . 836—1073

Соціальное положеніе членовъ профессорской коллегіи. Матеріальный бытъ профессоровъ—жалованья и доплатительные источники доходовъ; пенсіи; финансовый кризисъ и прошеніе на Высочайшее имя. Положеніе своекоштныхъ студентовъ. Частный и семейный бытъ, характеръ и нравственность профессоровъ—Успенскаго, Белень де-Баллю, Роммеля, Шада, Стойковича, Дегурова, Паки де-Соляныи, Делявина, Пилгера, Умлауфа, Нельдегена, Рейта, Гамперле, Гижскаго, Осиповскаго, Тимковскаго, Васильева и янк. др. Правила для студентовъ; ихъ частный бытъ и нравы. Взаимодѣйствіе между университетскою и мѣстною средою: санитарія и гігіеническія условія харьковской жизни и вопросъ о переводѣ университета въ другой городъ; харьковское общество въ началѣ XIX вѣка и его представители—губернаторъ, чиновники, номѣщичій кругъ, отношеніе дворянства къ университету; реакція противъ иностранныхъ профессоровъ, вызванная Наполеоновскимъ нашествіемъ; столкновенія представителей мѣстнаго общества съ университетскими дѣятелями вообще; благотворное вліяніе университета на мѣстную среду.

8-я глава. Роль университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія . . . 1074—1204

Школы Екатерининскаго времени—ихъ устройство и недостатки. Училищный уставъ 1804 г. императора Александра I. Его оцѣнка и дѣтели. Третій типъ школъ—народныя, церковно-приходскія; ихъ распространеніе и характеристика. Обязанности училищнаго комитета въ школьномъ дѣлѣ. Дѣятельность проф. П. Ф. Тимковскаго по части устройства школъ до открытія училищнаго комитета. Обзоръ дѣятельности училищнаго комитета за 1806 годъ; общая характеристика его дѣятельности. Важная роль въ школьномъ дѣлѣ профессоръ-визитаторовъ; подробное изложеніе отчета П. Ф. Тимковскаго о его визитаціи по Воронежской губ. въ 1806 году; отчеты другихъ визитаторовъ. Статистическія данныя о числѣ школъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ до открытія училищнаго комитета и въ 1813 г. Отзывы современниковъ и историковъ о важномъ значеніи дѣятельности Харьковскаго университета въ дѣлѣ устройства училищъ.

Объясненіе къ портретамъ.

Въ настоящемъ 1-мъ томѣ „Опыта“ помѣщены: 2 портрета виновника основанія Харьковского университета Василя Назарьевича Каразина; видъ его надгробнаго памятника въ г. Николаевѣ; портреты 1-го ректора Ивана Степановича Рижскаго, 1-го попечителя округа графа Северина Осиповича Потоцкаго, проф. Ивана Евсеевича Срезневскаго, студента 1-го десятилѣтія, а впослѣдствіи академика Петра Ивановича Кеппена и, наконецъ, профессора Христофора Роммеля. Портретъ В. Н. Каразина въ старческомъ возрастѣ вырѣзанъ на деревѣ съ современнаго дегерротипа, любезно предоставленнаго въ наше распоряженіе вмѣстѣ съ видомъ надгробнаго памятника въ Николаевѣ академикомъ Н. А. Лавровскимъ. Они отпечатаны также въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Портретъ В. Н. Каразина въ 30-ти лѣтнемъ возрастѣ воспроизведенъ былъ въ „Рус. Старинѣ“ 1875 года, апрѣль, извѣстнымъ граверомъ академикомъ Сѣряковымъ съ портрета, снятаго съ натуры на слоновой кости въ 1803 г. въ Петербургѣ французскимъ эмигрантомъ гр. Де-Шатобуромъ. Такой же портретъ, исполненный маслянными красками, имѣется въ музеѣ Харьковского университета. Портреты Рижскаго и Потоцкаго сняты съ большихъ портретовъ ихъ, исполненныхъ маслянными красками, и принадлежащихъ университетскому музею. Оригиналъ портрета проф. И. Е. Срезневскаго хранится въ фамиліной коллекціи семьи Срезневскихъ; съ него намъ была сдѣлана фотографія, съ любезнаго разрѣшенія Всеволода Измайловича Срезневскаго. Портретъ проф. Роммеля мы получили, въ отвѣтъ на свое обращеніе, изъ Марбургскаго университета, которому приносимъ глубокую благодарность какъ за этотъ цѣнный даръ, такъ и за рядъ выписокъ и указаній касательно біографіи Роммеля. Портретъ Кеппена воспроизводится нами изъ печатнаго изданія. Выражаю искреннюю признательность прив.-доц. Харьковского университета Е. К. Рѣдину за то содѣйствіе, которое онъ мнѣ постоянно оказывалъ въ розыскахъ портретовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Безъ сомнѣній и боязни приступаю я къ печатанію своего труда. Одно время я даже хотѣлъ ограничиться только отдѣльными курсами, чтобы впоследствии собрать, дополнить, переработать ихъ и составить уже подробную систематическую исторію нашего университета. Но теперь я рѣшилъ все таки дать то, что имѣю. Быть можетъ, обстоятельства позволятъ мнѣ современемъ самому расширить свой трудъ: если же этого не случится, то во всякомъ случаѣ онъ явится первою попыткою связнаго историческаго очерка нашего стараго университетскаго быта.

Всякому, сколько нибудь интересовавшемуся исторіей нашего университета, извѣстно, какъ мало мы имѣемъ работъ въ этой области и какъ неравномѣрно онѣ распредѣлены: большая часть ихъ относится къ первоначальной эпохѣ исторіи университета. Перечислимъ важнѣйшія изъ нихъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что сдѣлано въ этой области и что остается сдѣлать впереди.

На первомъ планѣ, конечно, нужно поставить выдающіеся монографіи академикомъ М. И. Сухомлинова и Н. А. Лавровскаго. Статья пифагора Харьковскаго университета М. И. Сухомлинова „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I“ появилась еще въ 1865 году, а теперь перепечатана въ I-мъ томѣ его „Изслѣдованій“¹⁾, вышедшихъ въ 1889 г. Здѣсь академикъ Сухомли-

¹⁾ Изданіе 2-е, 1-я часть, относящаяся къ Харьковскому университету, перепечатана отсюда въ Харьковскомъ Сборникѣ 1889 г. № 1, стр. 1-12.

новъ даетъ между прочимъ очеркъ первоначальной ученой дѣятельности Харьковскаго университета и превосходную характеристику первыхъ его дѣятелей: попечителя Потоцкаго и профессоровъ—русскихъ и иностранныхъ. Высокое научное значеніе этого очерка обусловливается тѣмъ, что авторъ въ основу его положилъ первоисточники и при томъ преимущественно архивные ¹⁾. Кромѣ того здѣсь „академикъ М. И. Сухомлиновъ не только дѣлится съ читателями плодами своей громадной начитанности, своего наблюдательнаго свѣтлаго ума“ ²⁾, но и устанавливаетъ оцѣнку этихъ лицъ по дѣламъ и результатамъ ихъ дѣятельности для русскаго просвѣщенія.

Академикъ Н. А. Лавровскій, въ бытность свою профессоромъ Харьковскаго университета, не мало потрудился для выясненія первоначальной его исторіи; ему принадлежатъ слѣдующія статьи: 1) Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета ³⁾; 2) Воспоминаніе о Василіѣ Назарьевичѣ Каразинѣ ⁴⁾; 3) Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета ⁵⁾; 4) Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета ⁶⁾; 5) Педагогъ прошлаго времени А. А. Дюгуровъ ⁷⁾; 6) О сношеніяхъ Н. М. Каразина съ Харьковскимъ университетомъ ⁸⁾; 7) Опытъ русской исторіи Рейта ⁹⁾. Всѣ перечисленные труды Н. А. Лавровскаго отличаются богатствомъ фактическаго содержанія, осторожностью въ приговорахъ и критическимъ отношеніемъ къ вопросу. Наиболѣе важное значеніе имѣетъ 1-я статья, содержащая въ себѣ подробный разсказъ объ основаніи Харьковскаго университета (въ связи съ дѣятельностью В. Н. Каразина) и характеристику первыхъ его профессоровъ. Матеріаломъ для этой работы послужили автору главнымъ образомъ дѣла Харьковскаго университетскаго архива и отчасти (для біографій профессоровъ) записки Т. Селиванова; 4-я статья посвящена біографіямъ двухъ выдающихся профессоровъ Харьковскаго университета Шада и Стойковича; 3-я и 5-я содержатъ любопытный

¹⁾ Авторъ пользовался архивными дѣлами Харьковск. унив. и Мин. Нар. Просвѣщенія.

²⁾ Употребляемъ выраженіе проф. Н. Θ. Сумцова въ его статьѣ о Сухомлиновѣ (См. 4-й т. Сборника Харьк. Ист. Фил. Общ., стр. 242).

³⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1872 г., № 1, стр. 57—106, № II-й, стр. 197—247.

⁴⁾ Ibidem, 1873 г., февраль, стр. 294—311.

⁵⁾ Ib., 1869 г., ч. CXLV, № 10, стр. 235—260.

⁶⁾ Чтенія Моск. Общ. Ист. и древн., 1873 г., кн. 2-я, 1—58.

⁷⁾ Русск. Архивъ 1869 г., стр. 1541—1553.

⁸⁾ Русск. Архивъ 1869 г., стр. 2017—2021.

⁹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, янв., 87—105.

матеріалъ о педагогической дѣятельности первыхъ профессоровъ по части устройства и управленія училищъ Харьковскаго учебнаго округа; 7-я носитъ бібліографическій характеръ и посвящена обзорѣню содержанія „Опыта русской исторіи“, составленнаго Харьковскимъ профессоромъ Рейтомъ; 2-я посвящена больше В. Н. Каразину, чѣмъ исторіи Харьковскаго университета; наконецъ, 6-я касается маленькаго, но характернаго эпизода о приглашеніи нашего знаменитаго исторіографа на должность профессора Харьковскаго университета.

Проф. Рославскому-Петровскому принадлежитъ богатая фактами статья „Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія“ ¹⁾. Сухія и не особенно подробныя, но систематическія данныя обо всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета собраны въ книгѣ бывшаго помощника попечителя *Фойта* „Ист. стат. записки объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г.“. Х. 1859. Бывшему помощнику бібліотекаря *Чирикову* принадлежитъ біографія извѣстнаго проф. математики *Осиповскаго*. О томъ же дѣятелѣ и о противникѣ его попечителѣ *Зах. Корнѣевѣ* писалъ въ послѣднее время въ *Ж. М. Н. Пр.* бывший ректоръ Харьковскаго университета *И. П. Щелковъ* ²⁾. Чрезвычайно важную монографію напечаталъ въ послѣднее время г. *Шугуровъ* — „*Илья Федоровичъ Тимковскій педагогъ прошлаго времени*“ ³⁾; тутъ мы найдемъ новыя данныя и соображенія объ основаніи Харьковскаго университета и о роли въ этомъ дѣлѣ *Тимковскаго*. Проф. *А. С. Лебедевъ* составилъ біографію одного изъ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета *Дегурова* и любопытную исторію Харьковскаго коллегіума, которая является какъ бы введеніемъ въ исторію университета ⁴⁾. Такимъ же введеніемъ можно признать монографіи *Г. П. Данилевскаго* о *Гр. С. Сковородѣ* и харьковскихъ школахъ ⁵⁾; прямое отношеніе къ исторіи основанія университета имѣетъ его же монографія

¹⁾ *Ж. М. Н. Пр.* 1855 г. № 7, стр. 1 — 36; имъ же напечатано еще „Краткое историко-статистич. обзорѣніе Имп. Харьк. унив.“ (*Ibidem*), а также критико-публицистическая статья „Русскіе университеты и универс. вопросъ *Г. Пирогова*“. Х. 1864 г. (Изъ Харьк. Губ. В.).

²⁾ *Русск. Старина* 1876, ноябрь стр. 463—490; *Ж. М. Н. Пр.* 1890, октябрь, стр. 358—385 „Изъ исторіи Харьк. университета“.

³⁾ *Кіев. Стар.* 1891 г. августъ стр. 212—236, сентябрь 375—406, октябрь 82—97.

⁴⁾ *Вѣст. Евр.* 1876 г., мартъ, стр. 135—176; Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтителъный центръ Сл. Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета (*Чт. Моск. Общ.* 1886 г. кн. 1-я и отдѣльно).

⁵⁾ *Украинская Старина*. Х. 1866 г.

о В. Н. Каразинѣ ¹⁾. Г-жа С. Р. напечатала любопытную статью, посвященную старой харьковской журнальной литературѣ, стоявшей, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ университетомъ и его дѣятелями ²⁾; продолженіемъ ея можно считать статью П. Вс. Срезневскаго „Объ украинскомъ Альманахѣ“ 1831 г. ³⁾. Мнѣ также принадлежатъ нѣсколько статей и замѣтокъ: 1) Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета (актовая рѣчь); 2) Характеристика просвѣдательной дѣятельности Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія ⁴⁾; 3) рѣчь о В. Н. Каразинѣ ⁵⁾ и нѣсколько мелкихъ статей въ „Харьв. Губ. Вѣд.“ ⁶⁾.

Почти всѣ эти сочиненія касаются перваго десятилѣтія въ жизни Харьковскаго университета и только очень немногія (труды гг. Щелкова, Чирикова, Лебедева) захватываютъ и вторую половину царствованія Александра I-го. Изъ монографій, относящихся къ царствованію Императора Николая Павловича и Александра II-го отмѣтимъ труды 1) Де Пуле о Д. И. Каченовскомъ ⁷⁾, 2) проф. А. Н. Стоянова о немъ же ⁸⁾, 3) Сухомлинова объ уничтоженіи диссертациі Костомарова ⁹⁾, 4) проф. Иконникова „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія“ ¹⁰⁾ 5) А. Н. Деревницкаго—о М. Н. Петровѣ ¹¹⁾, 6) цѣлый рядъ некрологовъ и оцѣнокъ ученыхъ трудовъ А. А. Потебни ¹²⁾, 7) нѣсколько статей о Ценковскомъ и др. Наконецъ болѣе обширный періодъ времени обнимаетъ названное выше сочиненіе Фойгта и „Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по

¹⁾ Украинская Старина. X. 1866 г.

²⁾ „Харьковская журналистика начала девятимаго столѣтія“ (Кіев. Стар. 1892 г., августъ, 168—198).

³⁾ Кіев. Стар. 1893 г. январь, стр. 20—33.

⁴⁾ Русская Школа, 1892, октябрь, стр. 9—23 и ноябрь, стр. 10—26.

⁵⁾ Зап. Императ. Харьк. универ. 1893, № 1, Харьк. лѣт., стр. 5—35.

⁶⁾ Напримѣръ, Харьковскія университетскія торжества и др.

⁷⁾ Харьковскій Университетъ и Д. И. Каченовскій (Вѣстникъ Европы 1874. № 1, стр. 75—115, № 2, стр. 565—588).

⁸⁾ Воспоминанія о Д. И. Каченовскомъ. Біографическій очеркъ (публ. лекція) X. 1874.

⁹⁾ Древняя и Новая Россія 1877, т. I, стр. 42—55.

¹⁰⁾ Вѣст. Евр. 1876, № 9—11; тутъ есть кое какія данныя и изъ исторіи Харьк. универ.

¹¹⁾ М. Н. Петровъ. X. 1887 г.; сюда же нужно присоединять краткій некрологъ Петрова, составленный В. П. Бузескуломъ (въ Харьк. Губ. Вѣд. 1887 г., № 33).

¹²⁾ См. сборникъ „Памяти А. А. Потебни“, изданный Харьковскими Ист. Фил. Обществомъ.

1879 годъ¹⁾, составленный трудолюбивымъ изслѣдователемъ Харьковской старины Чириковымъ¹⁾.

Не перечисляемъ, конечно, разныхъ мелкихъ замѣтокъ, некрологовъ, разбѣланныхъ въ мѣстныхъ и общихъ изданіяхъ.

Во всякомъ случаѣ они не измѣняютъ вывода, что по исторіи Харьковскаго университета въ царствованіе Императора Николая и Александра II-го не сдѣлано почти ничего; все вниманіе немногочисленныхъ изслѣдователей этого періода было сосредоточено на біографіяхъ выдающихся университетскихъ дѣятелей, но и ихъ составлено въ общемъ весьма немного.

Входить въ объясненіе этого печальнаго явленія я не буду. Замѣчу только, что не послѣднюю роль играли тутъ недостатокъ печатныхъ данныхъ для подобныхъ трудовъ.

Переходимъ теперь къ обзорѣнію матеріаловъ. Есть два вида источниковъ для нашей работы—официальныя и частныя данныя. Весьма важнымъ матеріаломъ могли бы служить отчеты о состояніи и дѣятельности университета. Но къ сожалѣнію они стали печататься съ довольно поздняго времени. Неблагопріятнымъ условіемъ является также то обстоятельство, что Харьковскій университетъ цѣлые десятки лѣтъ не имѣлъ своего ученаго органа, гдѣ печатались бы извлеченія изъ протоколовъ и другія данныя, касающіяся университетской жизни. Въ послѣднее десятилѣтіе прекратились было и тѣ „Записки“, которыя стали издаваться съ 1872 года, замѣнивъ собою прежнее изданіе (Протоколы), которое впрочемъ и само появилось только въ началѣ 60-хъ годовъ. Богатѣйшей сокровищницей официальныхъ документовъ является университетскій архивъ, но имъ пользовались очень немногіе, а систематическимъ извлеченіемъ изъ него матеріаловъ для отдѣльнаго изданія не занимался никто²⁾.

Нѣсколько лучше (но все-таки очень печально) обстоитъ дѣло съ источниками частнаго характера—записками, мемуарами, письмами и т. п.

¹⁾ Харьк. Сбор. на 1890 г. и отдѣльно. Краткія біографическія и бібліографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ профессорахъ Харьк. у—а мы найдемъ въ извѣстномъ трудѣ Генвади „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“. 2 тома. Критико-біографическій словарь С. А. Венгерова къ сожалѣнію едва ли будетъ законченъ.

²⁾ Здѣсь слѣдуетъ только отиѣтити документы, извлеченные Устиновымъ изъ архива Городской Думы („Харьковская старина“ въ X. Г. В. 1878, №№ 19, 20, 22, 23, 37, 38, 39, 40, 41 и 47).

Назовемъ важнѣйшіе изъ нихъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить драгоцѣнныя „Воспоминанія“ Роммеля ¹⁾; затѣмъ почти къ той же эпохѣ относятся Воспоминанія Розальонъ-Сопальскаго и Записки о проф. Г. Успенскомъ (его сына) ²⁾; къ 20-мъ и началу 30-хъ годовъ относятся воспоминанія бывшаго студента г. Н. ³⁾; весьма важныя свѣдѣнія о Харьковскомъ университетѣ въ 30-хъ годахъ содержатся въ „Автобіографіи“ знаменитаго питомца нашего университета Н. И. Костомарова ⁴⁾; гораздо менѣе интересны воспоминанія о Костомаровѣ въ Харьковѣ А. А. Корсунова ⁵⁾; вокругъ личности Н. И. Костомарова сосредоточиваются главнымъ образомъ и замѣтки Неслуховскаго и Гвоздиковъ ⁶⁾. Обстоятельную характеристику университетскихъ дѣятелей 40-хъ годовъ мы находимъ въ названной выше статьѣ Де Пуле, который въ то время былъ студентомъ Харьковскаго университета; дополненіемъ къ нимъ могутъ служить непритязательные рассказы его современника чистаго „идеалиста“ Пашкова ⁷⁾. Къ концу 40-хъ и началу 50-хъ го-

¹⁾ Оригиналъ ихъ напечатанъ въ 5 томѣ историческаго сборника Бюлау подъ заглавіемъ „Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit“ (р. 421—600). Извлеченіе изъ нихъ въ русскомъ переводѣ было помѣщено въ „Южномъ Сборникѣ“ Максимова (издававшемся въ Одессѣ). Новое изданіе этого извлеченія сдѣлано въ Харьковѣ почтеннымъ бібліотекаремъ Харьк. универ. Я. О. Балиснымъ подъ заглавіемъ „Пять лѣтъ изъ жизни Харьковскаго университета“. Воспоминаніе проф. Роммеля о своемъ времени, о Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ. Х. 1868.

²⁾ Мои воспоминанія (Харьк. Губ. Вѣд., 1869, №№ 43 и 44). Воспоминанія сына объ отцѣ (Ворон. Губ. Вѣд. 1863 г., № 27, 28, 30—32).

³⁾ Южный Край, 1883 г. № 711, 712, 718, 722, 730.

⁴⁾ Литературное наслѣдіе Н. И. Костомарова Спб. 1890 г., 2 глава.

⁵⁾ Рус. Архивъ, 1890 г., № 10, стр. 199—221.

⁶⁾ Истор. Вѣстникъ 1890 г. № 4, стр. 116—153; Рус. Стар. 1890 г. № 4, стр. 207—209.

⁷⁾ Отрывки изъ воспоминаній В. Пашкова о г. Харьковѣ, Харьковскомъ университетѣ и Харьковскомъ краѣ печатались въ мѣстныхъ изданіяхъ; „Изъ воспоминаній о Д. И. Каченовскомъ“ (Харьк. Губ. Вѣд. 1874 г. № 7; „Изъ прошлаго здѣшняго края“ Харьк. Губ. Вѣд. 1876 г. № № 1—8, 10, 12, 14, 16, 19, 21, 23, 25; Южный Край 1884 г. №№ 1275, 1315, 1318, 1327, 1356; 1885 г. №№ 1420 и 1425); отрывки изъ университетскихъ воспоминаній напечатаны были въ газетѣ „Харьковъ“, въ болѣе подробномъ видѣ они должны были появиться въ „Кіевской Старинѣ“, но къ сожалѣнію при переходѣ журнала въ руки другого издателя доставленная мною рукопись затерялась въ редакціи какъ это видно изъ слѣдующаго ея объявленія: „Редакція „Кіевской Старины“ покорнѣйше проситъ лицо, у котораго находятся Воспоминанія Пашкова о Харьковскомъ университетѣ, доставить ихъ въ редакцію“ (Кіев. Старина. 1891, январь, стр. 208).

довъ относятся записки Толчіева ¹⁾. Краткія свѣдѣнія найдемъ мы также въ зам. Сбитнева (относятся къ 1832 г.) ²⁾, воспоминаніяхъ г. А. Ш. (о Гулакѣ Артемовскомъ) ³⁾, Лапшина ⁴⁾, Рейнгарда ⁵⁾.

Въ самое послѣднее время пр. Н. Θ. Сумцовъ началъ печатать свои воспоминанія о попечителѣ Воскресенскомъ ⁶⁾ и проф. А. А. Потебнѣ. Можно только пожелать, чтобы примѣръ его нашель продолжателей среди членовъ нашей коллегіи и бывшихъ питомцевъ Харьковскаго университета. Изъ русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, оставившихъ свои замѣтки о г. Харьковѣ и Харьк. у—ѣ, слѣдуетъ отмѣтить кн. Долгорукаго, акад. Коля и барона Гакстгаузена ⁷⁾. Вотъ и все болѣе важное. Его очень мало; остаются огромные пробѣлы: многое требуетъ провѣрки документальными данными; многое изображено въ самыхъ общихъ чертахъ; о многомъ, очень важномъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. *Однимъ словомъ, писать исторію университета по наличному печатному матеріалу невозможно.* Необходимо пользоваться неизданными документами университетскаго архива: въ этихъ хартіяхъ, мирно почивающихъ на полкахъ архива, заключается подробная исторія Харьковскаго университета. Говоря это, мы нисколько не отрицаемъ важнаго значенія частныхъ матеріаловъ; мы только опредѣляемъ относительное достоинство тѣхъ и другихъ и при томъ не вообще, а примѣнительно къ данному случаю. Внимательное изученіе тѣхъ и другихъ привело меня къ убѣжденію, что въ основу своего „Опыта“ я долженъ положить документы университетскаго архива. Только они даютъ полную картину *оффиціальной* дѣятельности университета, съ хронологическими датами, съ точными свѣдѣніями о служебной, преподавательской и научной дѣятельности профессоровъ, со

¹⁾ Южный Край, 1883 г., №№ 874, 879, 882, 886, 889, 893, 900, 903, 906, 909, 915, 922, 923.

²⁾ Кіев. Стар., 1887, февраль—май.

³⁾ *Иб.*, 1889, № 2. 499—503.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр. 1890, май, стр. 124—128.

⁵⁾ Харьк. Сбор. на 1887 годъ.

⁶⁾ Любопытныя данныя о попечителѣ З. Я. Карнѣвѣ появились на дняхъ въ Рус. Архивѣ, май 1893 г. (Переписка кн. А. Н. Голицына съ З. Я. Карнѣвымъ); ср. Рус. Архивъ 1892, № 12.

⁷⁾ Кн. Долгорукаго. Славны бубны за горами (Чтенія Моск. Общ., 1869, кн. 2-я, стр. 45—56). *Reisen im Inneren von Russland und Polen von Kohl.* 2 Theil 1841, p. 135—178. *Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von A. F. Haxthausen* 2 Theil 1847, p. 114—163.

статистическими данными о состоянии учебно-вспомогательных учреждений, о количествѣ студентовъ, ихъ происхожденіи, мѣстѣ рожденія и первоначальнаго воспитанія, занятіяхъ, экзаменахъ и т. п. Мало того: въ университетскомъ архивѣ мы найдемъ много данныхъ, рисующихъ намъ и частную жизнь профессоровъ и студентовъ, ихъ нравы и обычаи. А объясняется это тѣмъ, что сфера университетскаго суда въ прежнее время была гораздо шире, чѣмъ теперь: онъ разбиралъ не только проступки студентовъ, но и столкновенія членовъ профессорской коллегіи между собою, обиды, нанесенныя ихъ семьями и даже нѣкоторые споры между профессорами и посторонними лицами. Наконецъ, въ томъ же университетскомъ архивѣ мы найдемъ драгоценный матеріалъ для характеристики отношенія университета ко вѣдъ университетской педагогической средѣ; это — документы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія объ устройствѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Харьковскаго учебнаго округа; училища эти находились въ первое время въ заведываніи училищнаго комитета, а этотъ послѣдній состоялъ изъ профессоровъ университета. Впрочемъ даже и въ болѣе позднее время среди официальныхъ бумагъ можно перѣдко встрѣтить такіа, которыя прекрасно характеризуютъ нравственную сторону личности ихъ составителей.

Но нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что частные матеріалы являются необходимымъ дополненіемъ къ официальнымъ. Нерѣдко одна мѣтная характеристика современника даетъ намъ больше, чѣмъ груда официальныхъ документовъ: она является подчасъ ключемъ къ разгадкѣ всего характера дѣятеля, его отношенія къ другимъ членамъ коллегіи и т. п. Только одиѣ записки современниковъ могутъ оживить сухія данныя архива, возсоздать живые образы старыхъ дѣятелей съ ихъ индивидуальными особенностями, съ ихъ достоинствами и недостатками, представить картины стараго быта въ его реальной обстановкѣ. Даже анекдотическая сторона въ подобныхъ разсказахъ имѣетъ свое значеніе, если, конечно, ею одною не исчерпываются характеристики. Я постараюсь изучить и эксплуатировать этотъ матеріалъ по возможности тщательно, такъ какъ съ одной стороны онъ долженъ быть отнесенъ къ разряду первоисточниковъ, которыми почти никто не пользовался для научныхъ цѣлей, а съ другой его такъ мало, что приходится дорожить даже и менѣе важными замѣтками.

Но въ основу своего труда я все-таки положу неизданные документы университетскаго архива, — этотъ почти нетронутый и неисчерпаемый рудникъ драгоценныхъ матеріаловъ. Такимъ образомъ, недостатка въ источникахъ я ощущать не буду. Скорѣе является опасность другого рода — что я воспользуюсь этимъ хранилищемъ въ слишкомъ

незначительной степени. И я заранее предупреждаю, что не буду разрабатывать бумаг его *систематически*; для этого мнѣ пришлось бы перервать весь архивъ, что, конечно, абсолютно невозможно, въ особенности, если принять во вниманіе огромное количество документовъ и отсутствіе ихъ научнаго описанія. Это обширное хранилище заключаетъ въ себѣ собственно 4 архива—дѣла Совѣта, Правленія, Попечительской канцеляріи и Училищнаго комитета. Огромное большинство ихъ представляетъ въ настоящее время исключительно историческій интересъ и имъ необходимо было бы сдѣлать ученое обозрѣніе, чтобы сгруппировать матеріалъ для составителей „Біографическаго словаря“ и „Исторіи университета“. Для настоящаго тома мнѣ удалось, кромѣ того, открыть еще цѣлую серію *новыхъ* и чрезвычайно важныхъ документовъ—въ Архивѣ Харьк. двор. депутат. собранія; они касаются капитальнаго вопроса объ *основаніи* Харьк. университета и послужатъ главнымъ источникомъ для 2-й главы моего сочиненія.

Кромѣ этого въ моемъ распоряженіи имѣются еще и нѣкоторые неизданные *частные* матеріалы. Хотѣлъ бы думать, что подобные источники будутъ поступать ко мнѣ и впредь, по мѣрѣ печатанія моего труда. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы обратиться съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ тѣмъ, у кого имѣются какіе либо (хотя бы самые незначительные) документы, относящіеся къ исторіи Харьк. университета, его учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ и біографіямъ его дѣятелей, сообщить ихъ мнѣ для снятія копій (имѣю въ виду мемуары, записки, письма, рукописныя мнѣнія, отзывы, курсы, характеристики, юмористическія стихотворенія и сатиры и т. п.). Еще удобнѣе было бы жертвовать все это въ нашъ Харьк. историческій архивъ, въ которомъ недавно заведено особое отдѣленіе бумагъ и писемъ мѣстныхъ университетскихъ дѣятелей. Нужно надѣяться, что, въ виду приближенія столѣтняго юбилея Харьк. университета, тѣ лица, которымъ хорошо извѣстно его прошлое, напечатаютъ о немъ свои воспоминанія; эти послѣднія явятся съ одной стороны интереснымъ литературнымъ чтеніемъ для обширнаго круга читателей, а съ другой—желаннымъ подаркомъ для историковъ Харьк. университета и Харьковскаго края.

Само собою разумѣется, что къ своимъ источникамъ мы будемъ относиться критически, въ предѣлахъ допускаемыхъ характеромъ труда. Тамъ, гдѣ будутъ спорные вопросы, мы ихъ постараемся разрѣшать или на основаніи критическаго анализа прежнихъ мнѣній, или введеніемъ *новаго матеріала*, дающаго прямое и вѣрное рѣшеніе сомнительнаго случая; второй путь, конечно, всегда прямѣе и надежнѣе перваго. Желая дать *систематическій* очеркъ исторіи Харьк.

университета и предназначая его для болѣе или менѣе широкаго круга образованныхъ читателей, я не могу совершенно опускать и того, о чемъ говорили уже мои предшественники въ специальныхъ статьяхъ и замѣткахъ, если содержаніе ихъ заслуживаетъ вниманія по важности вопроса или по связи съ общимъ ходомъ старой университетской жизни; къ сожалѣнію количество пособій, какъ мы видѣли, весьма недостаточное и при томъ большинство ихъ касается только исторіи основанія университета. Такимъ образомъ, болѣею частью мнѣ придется идти „неготовыми путями“ — и самому находить матеріалъ, создавать планъ, дѣлать характеристики и обобщенія. *Документальный* характеръ моего труда является важной гарантіей достовѣрности его содержанія. Содержаніе это будетъ отличаться воплѣ *фактическимъ* характеромъ; въ большинствѣ случаевъ факты сами будутъ говорить за себя; моя обязанность будетъ заключаться главнымъ образомъ въ группировкѣ и освѣщеніи ихъ; выводы же должны являться, какъ необходимое логическое послѣдствіе этихъ фактическихъ данныхъ. Я не буду уклоняться отъ оцѣнки событій и сужденій о дѣятельности лицъ, такъ какъ безъ нихъ историческій трудъ теритъ большую часть своего значенія. Но при этой оцѣнкѣ буду стараться соблюдать большую осторожность. Во многихъ случаяхъ я просто не буду себя чувствовать достаточно компетентнымъ (напр., въ отзывкахъ о специальныхъ трудахъ по математикѣ, медицинѣ и т. п.); въ другихъ — для этого не будетъ достаточно данныхъ (напр., для характеристики нравственной стороны различныхъ личностей). Во всякомъ случаѣ въ своихъ приговорахъ я буду принимать во вниманіе условіе времени и среды. Критеріемъ для нихъ будутъ мнѣ служить пользы того учрежденія, для котораго работали всѣ эти лица, а также интересы науки и просвѣщенія вообще. Мое сочувствіе будетъ на сторонѣ тѣхъ, кто способствовалъ своею дѣятельностью прогрессу въ тѣхъ или иныхъ сферахъ университетской жизни, и чѣмъ больше кто сдѣлалъ, тѣмъ большаго вниманія заслужить въ моихъ глазахъ его личность и дѣятельность; перспектива также нужна въ исторіи, какъ и въ живописи. Конечно, я, какъ историкъ, не могу закрывать глазъ и на темныя стороны нашей старой университетской жизни; иначе моя картина не будетъ соответствовать дѣйствительности. Но главное вниманіе мое будетъ все-таки обращено на свѣтлыя положительныя черты, ибо важнѣйшей задачей всякаго подобаго труда нужно признать рѣшеніе вопроса — что сдѣлалъ тотъ или иной университетъ для развитія науки и просвѣщенія въ русскомъ обществѣ. Относительно же провинціальныхъ университетовъ въ частности получаетъ огромное значеніе во-

прось о взаимодействии между университетскою средою и мѣстнымъ обществомъ. Харьковскій университетъ занимаетъ въ этомъ отношеніи даже вѣсколько особенное положеніе: онъ возникъ, какъ извѣстно, благодаря общественной инициативѣ, матеріальной и нравственной поддержки мѣстнаго общества. Поэтому необходимо касаться и положенія этого общества, чтобы выяснить причину сочувственнаго отношенія его къ университету съ одной стороны и результатъ ихъ взаимнаго вліянія съ другой. Предметомъ особеннаго вниманія съ моей стороны будетъ служить поэтому проявленіе научно-литературнаго движенія, стоявшаго въ тѣснѣйшей нравственной связи съ университетскою жизнью. Неудивительно, что, при такой широкой постановкѣ темы, мой „Опытъ“ приметъ значительныя размѣры, хотя я и буду стараться по возможности ограничивать себя въ этомъ дѣлѣ, чтобы довести его до благополучнаго конца. Исторіи Харьк. университета въ царствованіе Имп. Александра I-го я предполагаю посвятить два тома: 1-й томъ будетъ обнимать одно десятилѣтіе въ жизни университета (1805—1814 годъ), 2-й—другое (1815—1824 г.). Такое дѣленіе оказывается необходимымъ между прочимъ и потому, что самое отношеніе правительства къ университетамъ въ 1-ю половину царствованія Александра I отличалось однимъ характеромъ, а во 2-ю—другимъ, совершенно противоположнымъ; сообразно съ этимъ рѣзко измѣнился и общій характеръ университетскаго быта.

Въ заключеніе два слова pro domo sua. Взяться за настоящую работу меня побуждаетъ между прочимъ чувство глубокой признательности къ Харьковскому университету, избравшему меня 10 лѣтъ тому назадъ въ преподаватели по предмету русской исторіи. Я былъ тогда совсѣмъ молодымъ начинающимъ специалистомъ; за мною, можно сказать, не было ученаго прошлаго. Вѣсть объ этомъ избраніи я принялъ не какъ заслуженную награду, а какъ осуществившуюся счастливую мечту, дававшую мнѣ возможность предаваться любимымъ занятіямъ. Перейдя въ Харьковъ, я рѣшилъ познакомиться съ мѣстной исторіей, но оказалось, что сдѣлано въ этой области очень мало; такъ открылось мнѣ благодарное поле для самостоятельныхъ изслѣдованій по мѣстной исторіи, въ основу которыхъ были положены мною архивныя документы.

Десять лѣтъ занимаюсь я изслѣдованіемъ мѣстной старины—внимательно слѣжу за текущими явленіями въ этой области, разыскиваю новые архивныя матеріалы, пишу самостоятельныя изслѣдованія. Интересуюсь преимущественно культурною стороною нашего прошлаго быта, я, естественно, не могъ обойти въ своихъ занятіяхъ и исторіи Харь-

ковскаго университета, такъ какъ съ его судьбою самымъ тѣснымъ образомъ связана судьба просвѣщенія значительной части „полуденнаго“ края Россіи.

Неудивительно, что я рѣшился ввести его въ кругъ своихъ историческихъ разысканій. У меня явилась потребность потрудиться по мѣрѣ своихъ силъ и способностей для уясненія мало извѣстнаго прошлаго того просвѣтительнаго учрежденія, которое сдѣлалось для меня роднымъ, въ которомъ счастливая судьба поставила меня на высокую ступень наставника и руководителя молодого поколѣнія. Мнѣ казалось, что тутъ пригодятся мнѣ и знаніе архивнаго дѣла, и мои изслѣдованія въ области харьковской бытовой старины, и внимательное изученіе всѣхъ тѣхъ печатныхъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ, которые имѣютъ какое либо отношеніе къ мѣстной исторіи. Быть можетъ, у меня не окажется другихъ данныхъ, необходимыхъ для историка университета, но чтоже дѣлать! *Quod potui, feci, faciant meliora potentes!* Пусть мой трудъ послужитъ матеріаломъ для другого болѣе совершеннаго изслѣдованія: и буду счастливъ, если мнѣ удастся собрать кирпичи для будущаго грандіознаго зданія — подробной, систематической исторіи Харьковскаго университета.

І-я ГЛАВА.

Культурное состояніе Харьковскаго края до открытія университета.

Харьковский университетъ (и въ этомъ наиболѣе характерная особенность его исторіи) былъ основанъ благодаря сочувствію и матеріальной поддержкѣ Харьковскаго общества. Но откуда въ этомъ степномъ захолустьѣ явились люди, собравшіе въ своей средѣ такую громадную сумму для открытія университета? Скажутъ, б. м., что обществу, ни причесть, что единственнымъ виновникомъ основанія университета въ Харьковѣ былъ В. Н. Каразинъ. Но насколько не отрицая огромной заслуги въ этомъ дѣлѣ Каразина, мы тѣмъ не менѣе уже на основаніи обществено-историческихъ соображеній не можемъ допустить, чтобы въ самой мѣстной средѣ не было никакихъ благопріятныхъ условій для воспріятія этой мысли, чтобы она ничѣмъ не была подготовлена къ ней; вѣдь если сѣмя падаетъ на каменную, безплодную почву — то не приноситъ плода и засыхаетъ. Между тѣмъ прежніе историки совершенно игнорировали вопросъ о культурномъ состояніи Харьковскаго края передъ открытіемъ университета, или ограничиваясь нѣсколькими мѣстами, не приводя въ подтвержденіе своихъ мнѣній никакихъ фактическихъ данныхъ.

Н. А. Лавровскій говоритъ, что Харьковскій университетъ единственною свѣтящеюся точкою „на этомъ безпредѣльномъ пространствѣ“, по которому только кое гдѣ мелькали едва заметныя свѣтлыя точки, такъ называемыя главныя народныя убогости, что онъ „осѣлъ на почти не початой и не совсѣмъ при-

почвъ" ¹⁾. Де Пуле говорить о Харьковѣ нач. XIX в., какъ о глухомъ степномъ городѣ, уступавшемъ далеко даже Бѣлгороду ²⁾.

Дѣйствительно Харьковъ въ к. XVIII и самомъ нач. XIX в. представлялъ изъ себя незначительный по величинѣ и количеству жителей городокъ. Размѣры его ограничивались главнымъ образомъ нынѣшнею центральною частью (гдѣ теперь соборъ, присутственные мѣста, университетъ); о недавнемъ военномъ бытѣ напоминали остатки валовъ и вообще земляныхъ укрѣпленій; нынѣшнія улицы назывались просто *дорогами* (Екатеринославская, ведшая въ г. Екатеринославъ, Московская—въ г. Москву, Сумская—въ г. Сумы). Залопанская часть города не доходила и до Дмитріевской церкви. Тамъ, гдѣ теперь красуются Екатеринославскіе скверы, было озеро съ очень хорошею водою, а берега его были обсажены деревьями, черезъ него былъ устроенъ мостикъ. За Дмитріевской церковью до Холодной горы тянулось по правую сторону кладбище, а по лѣвую *слобода* Гончаровка. Нынѣшняя Ключковъ улица представляла изъ себя *хуторъ* Ключки ³⁾. Харьковъ имѣлъ евевскій видъ, какъ это можно замѣтить и на картинѣ, изображающей его въ началѣ нынѣшняго вѣка ⁴⁾.

По количеству жителей онъ ничѣмъ почти не выдѣлялся изъ за нынѣшнихъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи, а двумя чухъ, именно Ахтыркѣ и Валкамъ, если только насъ не обманули цифры, даже уступалъ: въ Харьковѣ въ 1802 году числилось 4. муж. пола, въ Валкахъ—5392, а въ Ахтыркѣ—6309 ⁵⁾. Но что особенно непріятно должно было поражать свѣжаго человѣка, такъ это городское неблагоустройство. Въ статьѣ г. Устинова, на основаніи документальныхъ данныхъ, подробно разсказана исторія мѣропріятій мѣстной администраціи, старавшейся о замощеніи улицъ фашиникомъ. Въ распутицу проѣздъ даже по главнымъ улицамъ былъ очень опасенъ; самъ губернаторъ Бахтинъ, проѣзжая однажды въ 1804 г. по городу, въ яму, изъ которой едва освободился. Харьковскія рѣчки зацвѣтши служили постояннымъ источникомъ лихорадочныхъ заболѣваній. Въ это то внѣшнее неблагообразіе, простота патріархальной нетронутой почти никакими вліяніями культурности, и должны

Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета (Ж. М. Н. Пр. № 10, стр. 238).

Вѣстникъ Европы. 1874 г., № 1.

Устинова. Харьковъ въ нач. нын. столѣтія (Харьк. кал. на 1886 годъ, 100).

Винюкъ съ этой картины былъ приложенъ къ Харьк. кал. на 1886 г. могли издавное мною „Описаніе слоб. укр. губ. 1802 года“, стр. 16—17.

были производить (въ особенности на иностранцевъ) впечатлѣніе чего-то ультразаколустаннаго, некультурнаго и непривѣтливаго. Эти стороны общественной жизни и подмѣтили прежде всего первые иностранные профессора Харьковскаго университета. Роммель сильно жалуется въ своихъ запискахъ на весеннюю Харьковскую грязь, побудившую университетъ учредить для студентовъ „грязные капикулы“ (feneas luti) ¹⁾. Среди иностранныхъ профессоровъ возникъ даже было, какъ извѣстно, проектъ о переводѣ университета въ Кіевъ въслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій г. Харькова ²⁾. Русскіе профессора относились къ этому гораздо спокойнѣе стчасти, конечно, по привычкѣ къ неблагоустройству русскихъ городовъ, а отчасти и потому, что вѣрили въ возможность помочь бѣдѣ энергичными, но вмѣстѣ съ тѣмъ разумными полицейскими мѣрами. Гимковскій, напримѣръ, на долю котораго выпала между прочимъ забота о первоначальномъ устроеніи Харьковскаго университета, впервые увидѣвъ Харьковъ, отзывался о немъ такъ: „городъ стоитъ частью на горѣ, но большею частью въ мѣстахъ низменныхъ, около двухъ стекающихся рѣчекъ; онъ только лишь выходитъ изъ состоянія дикой необразованности. Если обстроится, будетъ пріятный городъ: окрестности его богаты красотой; почва земля способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпична, есть довольно лѣсу, коего вывѣшенная дорогавина происходитъ отъ множества прилежащихъ винокуренныхъ заводовъ—это удобообратимое“ ³⁾.

Да и возможно ли было быстро поднять городское благоустройство, когда сумма городскихъ доходовъ равнялась всего 10000 р. въ годъ.

Но было одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое ставило Харьковъ въ привилегированное положеніе не только среди другихъ уѣздныхъ городовъ Слоб. укр. губ., но и среди городскихъ поселеній соседнихъ областей, которое нево свѣдѣтельствовало, что онъ идетъ по пути матеріальнаго прогресса—это его ярмарки и вообще торговля. Еще въ 60, 70 и 80 годахъ прошлаго вѣка Харьковскія ярмарки достигли значительнаго развитія и имѣли перевѣсъ надъ Сумскими, которыми до этого времени повидимому пользовались наиболѣе важнымъ значеніемъ въ край. Въ связи съ движеніемъ русской колонизаціи къ югу, увеличивалось значеніе Харькова, какъ торговаго центра. Вотъ причина, почему центральное положеніе заняли въ Харьковщинѣ не Сумы, а Харьковъ. Важное вліяніе на развитіе въ немъ ярмарокъ

должна была также оказать сравнительная безопасность, которою онъ пользовался въ XVIII в. Во 2-й пол. XVIII ст. за нимъ окончательно упрочивается значеніе административнаго центра. О торговомъ значеніи Харькова въ самомъ началѣ XIX в. даютъ понятіе слѣдующіи данныя. Въ одномъ статистическомъ документѣ 1802 г. прямо говорится, что „главнѣйшее мѣсто *всѣгдашней* торговли есть г. Харьковъ; товары получаютъ Харьковскіе купцы изъ Петербурга, Москвы, Таганрога, Валахін, изъ-за границы и многихъ великороссійскихъ губерній“ ¹⁾. По словамъ того же источника, въ Харьковѣ тогда было 4 ярмарки, изъ коихъ важнѣе другіхъ Крещенская и Успенская, ибо сюда съѣзжается много купцовъ изъ Великороссіи (особенно Москвы) и югозападнаго края; продажа товаровъ преимущественно оптовая; идутъ они на Донъ, въ Новороссію, Крымъ и нѣкоторые малороссійскіе города; кромѣ иностранныхъ товаровъ сюда привозилось множество произведеній московской мануфактуры ²⁾.

Обороты Крещенской ярмарки въ Харьковѣ, по словамъ г. Устинова, доходили тогда уже до 10 мил., Успенской—8 мил. ³⁾. Обыкновенно принято думать, что вся эта ярмарочная торговля была въ рукахъ великорусскаго купечества, ибо малороссіяне были совершенно неспособны къ такого рода дѣятельности. Но это положеніе требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій и поясненій. Инородное купечество *осѣдало на постоянное* жителство только въ Харьковѣ да Сумахъ.

При томъ въ составѣ его нужно различать два элемента—великороссовъ и иностранцевъ. Въ 1773 г. въ Харьковѣ было 100 иностранцевъ и 213 чел. великорусскихъ купцовъ (считая женъ и дѣтей); въ Сумахъ—29 иностранцевъ и 36 великорусскихъ купцовъ ⁴⁾. Въ самомъ, вѣч. XIX ст. число великорусскихъ купцовъ въ Харьковѣ замѣтно возрастаетъ: всѣхъ купеческихъ фамилій было тогда 166, изъ коихъ только ок. 25% мѣстнаго малорусскаго происхожденія; остальные ³/₄ были великоруссы или иностранцы ⁵⁾. Но кромѣ этихъ *ильдейскихъ* купцовъ и въ постоянной, и особенно въ ярмарочной торговлѣ г. Харькова принимали участіе мѣщане и войсковые обыватели; а въ другихъ городахъ

¹⁾ Опис. Слоб. укр. губ. 1802 г. стр. 14.

²⁾ Подробное перечисленіе ихъ см. тамъ же, стр. 21.

³⁾ Устинова. Харьковъ въ нач. нын. стол. (Харьк. кал. на 1886 годъ, стр. 108).

⁴⁾ См. вѣдомость слоб. укр. губ. канцеляріи, составленную для акад. Гильденштедта (мои „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьк. и отчасти Курской и Воронежской губ.“; т. 2-й, стр. 319, 348).

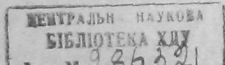
⁵⁾ Харьк. календарь на 1886 годъ, стр. 107—108.

и селеніяхъ вовсе не имѣли постоянного жительства великорусскіе и иностранные купцы; между тѣмъ торги и ярмарки были и тамъ. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ вспомнить соціальный составъ населенія Слоб. укр. губерніи. Въ Слободской украинѣ, какъ поныне зывается и самое названіе ея, слободы, т. е. селенія, пользовавшіяся извѣстными льготами, преобладали надъ городами. Эти послѣдніе представляли изъ себя первоначально почти исключительно *военные* пункты. Въ послѣдствіи и по составу своего населенія, и по его занятіямъ они ничѣмъ почти не отличались отъ селеній. Въ Слободской украинѣ не было даже такой дифференціаціи общественныхъ классовъ (по ихъ занятіямъ), какую мы замѣчаемъ въ сосѣднихъ великорусскихъ областяхъ, гдѣ, въ Курскѣ напримѣръ, или Воронежѣ былъ весьма видный классъ купцовъ-спеціалистовъ. У насъ же, въ Харьковщинѣ, торговля не сконцентрировалась въ одной какой либо общественной группѣ, а какъ то разлилась въ общей массѣ населенія. Слобожане играли видную роль въ торговлѣ съ Великороссіей, Новороссіей, Дономъ, Малороссіей, Польшей и даже Западной Европой, частію въ качествѣ продавцевъ производимыхъ ими продуктовъ (съ особенності хлѣбнаго вина), а частію и посредниковъ (имѣемъ въ виду чумаковъ, покупавшихъ на свои собственные средства рыбу и соль и продававшихъ ихъ на мѣстныхъ ярмаркахъ). Произведенія мѣстнаго ремесленнаго труда находили себѣ широкое распространеніе въ сосѣднихъ губерніяхъ; среди харьковскихъ ремесленниковъ выдѣлялись „рымари“, сбывавшіе ремни и кожи своихъ издѣлій и въ сосѣднія Екат. и Малорос. намѣстничества, „кушверы“, отпавлявшіе свои шубы въ Великороссію, „коцарки“, отпускавшіе многія тысячи своихъ ковровъ въ великороссійскія селенія и даже за границу и т. п. ¹⁾.

Малороссъ, котораго мы привыкли считать лѣнивымъ домохозяиномъ, отличался въ это время какою то страстью къ передвиженіямъ: „мандровали“ дѣтки-учители, монахи, чумаки. [Харьковская губ. находилась на прямой торговой дорогѣ изъ Москвы въ Новороссію.]

Съ паденіемъ Крыма (съ 1783 г.), заселеніе Новороссіи пошло еще болѣе быстрыми шагами чѣмъ прежде, а торговая дѣятельность ея расширилась, потому что нашла себѣ выходъ въ Черноморско-Азовскихъ портахъ. Въ Новороссійскомъ краѣ тогда (въ самомъ нач. XIX в.) было уже нѣсколько городовъ, не отличавшихся правда многолюдствомъ, но развившихъ значительную торговлю. Самымъ бойкимъ торговымъ

¹⁾ См. подробности въ моей актов. рѣчи „Засел. Харьк. края и общій холъ его кулът. развитія до открытія у—а“, стр. 18—20.

центромъ была Одесса. Въ 1802 г. изъ нея, наиримѣрь, было вывезено товаровъ болѣе чѣмъ на 1½ мил., а привезено на 719982 р. Жителей въ ней было тогда 9 тыс. чел., а городскихъ доходовъ собрано 40 тыс. руб. Для того чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, нужно вспомнить, что Одесса была основана только въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Съ воцареніемъ Имп. Александра I-го, во время управленія Дюка де Ришелье, начался быстрый чисто американскій ростъ ея. Въ 1814 г. торговые обороты уже достигли 20 мил. Въ Таганрогѣ въ началѣ XIX ст. было отъ 8 до 10 тыс. жителей, въ Екатеринославѣ въ 1804 г.—6389; въ Николаевѣ еще меньше; тоже самое нужно сказать относительно Херсона, Елисаветграда, Ростова, Мариуполя, Дубоссаръ; все это были городки съ небольшимъ количествомъ жителей, недавно передъ этимъ основанные, но обладавшіе задатками болѣе счастливой будущности. Часть ихъ была расположена непосредственно на Черноморско-Азовскомъ побережьи, другая связана была съ нимъ водными рѣчными путями. Торговые обороты ихъ все болѣе расширялись, потому что къ нимъ тянула изобиловавшая различными богатствами Новороссія, привлекавшая все новыхъ и новыхъ колонистовъ. Если хлѣбный экспортъ г. Одессы и Таганрога дѣлалъ такіе гигантскіе шаги, то это объясняется, конечно, тѣмъ, что Новороссійскіе земледѣльцы производили гораздо больше хлѣба, чѣмъ нужно было для собственнаго потребленія жителей. И дѣйствительно: въ 1803 г. въ Екатеринослав. губ. осталось за продовольствіемъ и посѣвомъ на продажу 446468 четвертей, а въ 1804 г.—даже 1079017 четв.; въ Херс. губ. въ 1804 г.—644207 четв. Не говоримъ о скотоводствѣ и другихъ видахъ добывающей промышленности. Она доставляла массу сырыхъ произведеній, которыя нуждались въ обмѣнѣ. Обмѣнъ шелъ по двумъ главнымъ направленіямъ: съ юга на сѣверъ, изъ Черноморско-Азовскихъ портовъ двигались европейскіе товары съ сѣвера на югъ, изъ центральной Россіи—произведенія великорусской обрабатывающей промышленности. Наша Харьковщина играла роль посредника между Москвою и Новороссіей; Харьковъ сдѣлался складочнымъ пунктомъ для товаровъ, направлявшихся съ сѣвера на югъ; естественно, что сюда стали являться въ значительномъ количествѣ великорусскіе купцы не только на ярмарки, но и на постоянное жительство.

Въ концѣ XVIII вѣка, по справедливому замѣчанію И. С. Аксакова, „Новороссійскій край еще не вполне организованъ, еще не жилъ тою дѣятельною жизнью, какою жилъ потомъ, и Харьковъ имѣлъ значеніе скорѣе пограничнаго склада, чѣмъ центрального

пункта“ ¹⁾. Но дѣятельную посредническую роль игралъ не одинъ Харьковъ, а вся Харьковщина, находившаяся въ тѣсныхъ связяхъ съ Новороссіей.

Такимъ образомъ, и Харьковщина, и Новороссія (вошедшая потомъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа) стояли на довольно высокой (конечно, относительно) ступени матеріальной культуры. Это не были безлюдныя и безмолвныя степи средней Азіи; наоборотъ здѣсь происходило постоянное движеніе и передвиженіе населенія и пульсъ жизни былъ довольно высокъ. Во многихъ мѣстахъ плугъ начиналъ уже бороздить извѣстную цѣлину; на широкомъ привольѣ степей вездѣ можно было встрѣтить „отары“ овецъ, табуны лошадей, стада крупнаго рогатаго скота; а въ нѣкоторыхъ точкахъ этихъ степей и нашего Харьковскаго предстепья по временамъ (въ городахъ во время ярмарокъ) жизнь была ключемъ; происходилъ не только обмѣнъ товаровъ, но и обмѣнъ мыслей; встрѣчались другъ съ другомъ люди изъ различныхъ, нерѣдко отдаленныхъ мѣстностей, различныхъ народностей, классовъ, состояній, характеровъ; такъ было между прочимъ и въ Харьковѣ. Полная внѣшняя безопасность, которою стало пользоваться населеніе съ конца XVIII и начала XIX вѣка, сравнительная матеріальная обезпеченность его, явившаяся результатомъ развитія культуры, сдѣлала возможнымъ появленіе потребности въ грамотности и образованіи. Естественно, что впереди всѣхъ въ этомъ отношеніи стоялъ высшій слой украинскаго общества—бывшая казацкая старшина, превратившаяся теперь въ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и вошедшая такимъ путемъ въ ряды русскаго дворянства. Она владѣла подчасъ обширными помѣстьями, а недавно передъ тѣмъ права ея расширены были и на крестьянъ, жившихъ на принадлежавшихъ ей земляхъ. Затѣмъ идутъ мѣщане и самая обширная группа войсковыхъ обывателей; эти послѣдніе представляли изъ себя прежнее сословіе слободскихъ казаковъ, перешедшихъ теперь на мирное положеніе и обратившихся, по насмѣшливому выраженію одного литературнаго сатирическаго памятника, въ „гречкосіевъ“. Крѣпостныхъ крестьянъ считать нельзя, хотя прошло всего только десятка два лѣтъ съ того момента, какъ они попали въ зависимость, такъ что и они еще не успѣли забыть о прежней вольности. Но самымъ просвѣщеннымъ слоемъ было, конечно, духовенство (черное и бѣлое), стоявшее, какъ увидимъ, во главѣ народнаго образованія.

¹⁾ Изсл. о торговлѣ на укр. ярм., стр. 52.

Образовательная струя замѣтна въ украинскомъ населеніи съ самыхъ давнихъ поръ, съ перваго появленія его въ Слободскую украйну. Слободская украйна, какъ извѣстно, заселилась главнымъ образомъ малороссіянами, пришедшими изъ заднѣпровья. Переселенцы являлись на новыя мѣста съ извѣстными культурными зачатками, совокупность коихъ въ московскихъ актахъ носить характерное названіе „черкасскихъ“¹⁾, „старо-черкасскихъ обыкностей“, т. е. старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ южно-русское населеніе Рѣчи посполитой далеко не чуждо было интересовъ образованія и просвѣщенія, при чемъ эти послѣднія были самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ православною вѣрою. Со времени Люблинской уніи и Брестскаго собора, малорусскому народу приходилось вести упорную борьбу съ поляками за свою вѣру и народность. Борьба противъ церковной уніи, всяческими средствами распространяемой среди православныхъ, естественно объединяла духовенство и мірянъ; къ этому же сближенію приводилъ и самый строй западно-русской церкви, всегда предоставлявшій значительную роль въ церковныхъ дѣлахъ свѣтскимъ лицамъ. Католицизмъ выступилъ противъ православія, вооружившись всѣми средствами западной богословской науки и призвавъ на помощь себѣ такого опаснаго союзника какъ іезуиты. Православная церковь, естественно, конечно, должна была прибѣгнуть къ тому же самому оружію, какое пускалось противъ нея—богословской наукѣ. Но этой послѣдней у насъ въ то время, можно сказать, не существовало: ее приходилось создавать.

Такъ возникъ въ юго-западной Руси цѣлый циклъ литературныхъ памятниковъ полемики православныхъ южноруссовъ съ латинянами; скоро къ нимъ присоединились еще и полемическія сочиненія противъ лютеранъ. Такимъ образомъ, западно-русская наука, не смотря на свой схоластическій характеръ, служила главной опорой южно-русскому народу въ его борьбѣ за вѣру и народность. Эта же борьба вызвала къ жизни еще одно замѣчательное проявленіе общественнаго духа среди южноруссовъ—церковныя братства, изъ коихъ нѣкоторые (напримѣръ Львовское, Кіевское, Виленское) успѣли развить свою дѣятельность до чрезвычайно широкихъ размѣровъ и притомъ не только въ отношеніи

¹⁾ Вопросъ объ этихъ черкасскихъ обыкновенияхъ заслуживаетъ вниманія историка и этнографа. Полное перечисленіе и оцѣнка ихъ дадутъ намъ отчетливое представленіе *о бытовыхъ* особенностяхъ малорусскаго населенія Харьк. губ., особенностяхъ, существовавшихъ уже въ XVII в.; это, слѣдовательно, довольно древній историко-этнограф. матеріалъ, обнимающій всѣ стороны народнаго быта.

благотворительности, но и просвѣщеніи. Въ церковныхъ братствахъ, стоявшихъ на стражѣ вѣры и народности, міряне, безъ различія сословій, принимали такое же горячее участіе, какъ и духовенство; простой ремесленникъ тамъ чувствовалъ духовно-правственную связь съ какимъ нибудь княземъ Конст. Острожскимъ. Братства имѣли школы (одна въ вихъ, Кіевская, превратилась впоследствии въ академію), типографіи, печатали полемическія сочиненія противъ латинянъ и т. п. Понятно, что при такихъ условіяхъ, при живомъ дѣятельномъ участіи въ братствахъ мірянъ и духовенства, — могло мало по малу создаться традиціонное уваженіе къ духовному просвѣщенію, наукѣ и литературѣ во всѣхъ слояхъ тогдашняго западно-русскаго общества. Это-то уваженіе вмѣстѣ съ другими обычаями, вмѣстѣ съ церковно-богослужебными книгами Кіевской и Львовской печати, съ церковными колоколами и священною утварью переселенцы перенесли и въ Слободскую Украину, куда они должны были бѣжать отъ уни, соціально-экономическаго гнета и разорительныхъ военныхъ опустошеній. Перенесли они духовную связь съ представителями церкви и, какъ результатъ этой послѣдней, церковныя братства, шпитали (т. е. богадѣльни) и церковно-приходскія народныя школы. Въ Харьковскомъ краѣ церкви строились или на средства отдѣльныхъ лицъ — помѣщиковъ, или на добровольныя пожертвованія всѣхъ прихожанъ; эти послѣдніе постоянно заботились потомъ о своемъ храмѣ, о содержаніи причта и очень часто сами выбирали себѣ священника, который только утверждался потомъ въ своей должности высшею епархіальною властью. Иногда священниками бывали лица, принадлежавшія къ свѣтскому обществу. Въ с. Шелудовкѣ стрователемъ храма былъ сотникъ Корзень, а священникомъ его сынъ, въ м. Соколовѣ — бывший полковой судья. Что же касается дячковъ, то они представляли изъ себя какъ бы посредствующее звено между духовенствомъ и мірянами: несли свои причетническія обязанности только на основаніи договора съ прихожанами. Слободско-украинскіе монастыри были обязаны своимъ происхожденіемъ большею частию усердію казацкой старшины. Куряжскій монастырь былъ основанъ Харьковскимъ полковникомъ Григоріемъ Ерофѣевичемъ Дондомъ-Захаржевскимъ и другими старшинами того же полка, Сумской Успенскій и Сумской Предтечевъ — полковникомъ Герасимомъ Кондратьевымъ, Михайловская пустынь — полковникомъ Михаиломъ Васильевичемъ и т. п.; масса лицъ разныхъ состояній жертвовала въ монастыри движимое и недвижимое имущество. Интересны нѣкоторые надписи на пожертвованныхъ священными книгахъ: „почитати ю и внимати“, читаемъ мы на одномъ сочиненіи Автонія Радивиловскаго; „книгу сію купилъ отецъ

Михайло за свои гроші, за 2 талара у Перекопѣ, щобъ унією не вспоминався ни́хто“—такова надпись на требникѣ 1681 года; естѣ даръ съ надписью отъ простой ткачихи. Нѣкоторые строители монастырей дѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми игуменами ихъ; таковы были полковникъ Штена (строитель Краснокутскаго монастыря) и сотникъ Григорьевъ (строитель Сѣвнянскаго Покровскаго монастыря). Кромѣ того можно еще назвать и представительницъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ, вступившихъ въ ряды чернаго духовенства; таковы были Ковалевская, Квиткина, Дунина и др. Церковныя братства также получили широкое распространеніе въ Слободской украинѣ и при томъ не только въ городахъ, но и селеніяхъ. Конечно, устройство ихъ не вызывалось такою необходимостью, какъ въ предѣлахъ юго-западной Руси; они устраивались здѣсь по благочестивому обычаю, унаслѣдованному отъ заднѣпровскихъ предковъ, и передававшемуся отъ одного поколѣнія къ другому по старой черкасской „обычности“. Поддерживала ихъ кромѣ того та связь мірянъ съ церковью, примѣры которой мы привели выше и которая организовала въ каждомъ церковномъ приходѣ три симпатичнѣйшихъ проявленія общественнаго духа—братство, шпиталь и школу.

Цѣлью этихъ учрежденій была общественная благотворительность и просвѣщеніе. Конечно, размѣры ихъ дѣятельности были очень скромные; но важно было то, что эта послѣдняя явилась результатомъ инициативы или, правильнѣе сказать, живой внутренней потребности самого населенія, безъ различія классовъ, состояній и половъ. Пришедшіе въ Корочу черкасы (еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича) просили дозволить имъ „по ихъ вѣрѣ медъ ставить къ праздникамъ и варить для себя вино, пиво и бражку на поминновеніе родителей“; кромскіе черкасы просили о дозволеніи имъ сытить медъ и собирать воскъ, чтобы „свѣща всегда стояла передъ образомъ за государево многолѣтнее здоровье“. Въ Харьковѣ были братства при Соборной, Благовѣщенской и Рождественской церквяхъ. Братства ставили своею цѣлью вообще поддержаніе церквей; вотъ почему въ пользу ихъ многіе жертвовали имѣнія. Въ храмовой праздникъ старшій братчикъ собиралъ отъ прихожанъ добротинныя подаянія и готовилъ братскій столъ и медъ, который покупали присутствующіе; выручка шла въ пользу братства. Братства разсѣяны были по всему Харьковскому краю и имѣли преимущественно религіозно-нравственное значеніе—служили выраженіемъ общественной заботы о церкви и нравственности; для поддержанія этой послѣдней учреждены были братскіе суды.

Въ тѣсной связи съ братствами стояли госпитали, т. е. богадѣльни, гдѣ находили себѣ пріютъ старики, дряхлые, больные, безпріютные свроты; всѣхъ ихъ было въ Слободской украинѣ въ 1732 году 68, а постоянно призрѣвалось въ нихъ болѣе 150 человѣкъ; для того чтобы достойно оцѣнить эти учрежденія, нужно помнить, что они обязаны были своимъ происхожденіемъ исключительно общественной инициативѣ и существовали потомъ безъ всякой регламентаціи и поддержки со стороны.

Наконецъ, третьимъ общественнымъ учрежденіемъ приходивъ являлась церковная народная школа. Стремленіе къ устройству такихъ школъ при церквяхъ слобожане опять таки вынесли изъ задвѣпья. Мы имѣемъ свѣдѣніе о существованіи школы при Ахтырскомъ Николаевскомъ храмѣ еще въ 1675 году. Почтенный изслѣдователь украинской старины Григорій Петровичъ Данилевскій думаетъ, что школы эти были специальными училищами для приготовленія къ священно и церковно-служительскимъ должностямъ дѣтей мѣстнаго духовенства. Но для этой цѣли были заведены особыя специальные училища, хотя, кажется, только въ Екатерининское время. Такова была, напримѣръ, средняя школа въ слободѣ Новыхъ-Водолагахъ (о которой мы скажемъ далѣе). Но церковно-приходскія школы были не духовными училищами, какъ думалъ Г. П. Данилевскій, а народными или, точнѣе говоря, всесословными. Уже одно число этихъ церковно-приходскихъ школъ говоритъ противъ предположенія автора „Украинской старины“. По его вычисленію, въ 1732 году было у насъ 46 такихъ школъ, а по найденной и напечатанной мной переписи Хрущова, ихъ оказывается болѣе 129; говорю болѣе, потому что часть Хрущовской переписи до насъ не дошла. Школы эти по полкамъ ¹⁾ распредѣлялись такъ: въ Харьковскомъ полку было 18, Ахтырскомъ—28, Изюмскомъ—36 и Сумскомъ—47 ²⁾. Они были не только въ казачьихъ, но и во владѣльческихъ селеніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ (даже селахъ) было по нѣскольку школъ (напримѣръ, въ Новыхъ Водолагахъ, Лиманѣ, Куряжѣ и др.). Общее число жителей обоого пола во всѣхъ четырехъ полкахъ въ 1732 году можно опредѣлить въ 306112 д.; такимъ образомъ, одна школа приходилась тогда на 2373 д., а въ 1884 году, въ наши дни одна школа приходится на 4270 д. Къ сожалѣнію намъ не извѣстно число учащихся въ шко-

¹⁾ Слоб. украиня дѣлилась въ то время въ административномъ отношеніи на военные округа, называвшіеся полками.

²⁾ Ясное указаніе, что въ 1-й пол. XVIII в. Сумы и его округъ стояли въ культурномъ отношеніи выше Харькова и его округа.

лахъ прежняго времени. Оно, конечно, было менѣе значительно, чѣмъ теперь. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, тогда оно равнялось въ среднемъ 20—30 чел. на школу, а теперь 50. *Въ такомъ случаѣ процентное отношеніе учащихся къ населенію въ 1-й половинѣ XVIII вѣка и теперь будетъ почти одинаковое.* Учителей тогда во всѣхъ полкахъ было приблизительно 372 человѣка; нерѣдко въ одной школѣ было по нѣсколько душъ; въ 4-хъ церковно-приходскихъ школахъ г. Харькова было 19 учителей (школы были при Соборной, Благовѣщенской, Троицкой и Воскресенской церквахъ). Дѣти духовенства составляли, конечно, довольно видный элементъ среди учащихся; объ этомъ свидѣлствуютъ между прочимъ многочисленныя автобіографіи учителей, происходившихъ изъ духовнаго званія. Научившись церковно-славянской и русской грамотѣ и пѣнію въ церковно-приходской школѣ, одни изъ нихъ поступали въ Харьковскій коллегіумъ, а другіе въ учителя дьячки. Такъ выработался оригинальный типъ „мандрованнаго“ дьяка-учителя.

Но кромѣ дѣтей духовнаго званія въ церковно-приходскихъ школахъ того времени обучались дѣти казаковъ и крестьянъ, составлявшіе главный контингентъ учащихся. Приведемъ въ доказательство этого одинъ характерный примѣръ. Нѣкоторая часть нынѣшней Воронежской губерніи въ прежнее время принадлежала къ Слободской украинѣ и составляла въ ней особый острогжскій полкъ, населеніе котораго *во всѣхъ* отношеніяхъ (по своему быту, привычкамъ) походило на слобожанъ Харьковской губерніи. Однимъ изъ древнѣйшихъ селеній, основанныхъ здѣсь переселенцами малороссіянами, была слобода Ендовище и тутъ существовала церковно-приходская школа уже въ XVII вѣкѣ. „Школу эту посѣщали дѣти казаковъ черкасъ; выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ въ этой школѣ былъ въ 1703 году дьячекъ мѣстной церкви Романъ Прокофьевъ. По своей „черкасской обыкновенности“, учитель дьячекъ со своими выростками въ опредѣленные дни ходилъ по домамъ Ендовищенскихъ гражданъ воспитывать“; такъ говоритъ изслѣдователь Воронежской старины Л. Б. Вейнбергъ, основываясь на архивномъ документѣ. И конечно, такъ было не въ однихъ Ендовищахъ, а вездѣ. Во владѣльческой слободѣ Бѣлокуракиной, населенной подданными малороссіянами, по мысли владѣльца, открыта была школа—и въ нее сразу же добровольно было отдано жителями 17 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ; былъ также приглашенъ временный учитель, котораго рѣшено было впослѣдствіи замѣнить специалистомъ изъ Харькова. Полный комплектъ предполагался въ 30 мальчиковъ; наблюденіе за школой было поручено мѣстному священнику.

Учителями въ школахъ были тѣ самые „мандрованные“ дьяки, о которыхъ мы говорили выше. Нѣкоторые изъ нихъ переходили изъ одной школы въ другую чуть-ли не цѣлую жизнь; одинъ, напримѣръ, ходилъ въ дьячковскомъ званіи 27 лѣтъ; другой—Козьма Порадинъ—цѣлыхъ 50 лѣтъ (отъ 20-ти до 70-ти лѣтняго возраста); въ особенности интересна автобіографія послѣдняго. Скитальчество, очевидно, вошло у него въ привычку; даже женитьба и рожденіе сына не измѣнили его образа жизни и онъ на 70-мъ году предсталъ передъ судомъ какъ безпаспортный. Гдѣ только онъ не перебивалъ: и въ Харьковской, и Воронежской губерніяхъ и на Донѣ, то въ должности дьяка и учителя церковной школы, то въ качествѣ наставника въ частныхъ домахъ.

Намъ извѣстно, что въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было постоянной школы, обыватели приглашали временными преподавателями тѣхъ-же „мандрованныхъ“ учителей. Даже дѣти простыхъ казаковъ иногда не ограничивались низшею школою и поступали для продолженія своего образованія въ Харьковскій коллегіумъ. Если среди низшаго слоя общества существовало извѣстное стремленіе къ образованію (хотя бы въ формѣ грамотности), то еще въ большей степени оно должно было быть присуще лицамъ привилегированнаго сословія, которыя имѣли больше досуга, средствъ, сознательнѣе относились къ явленіямъ общественной жизни и самими условіями своего существованія были поставлены въ необходимость ознакомиться съ наукой; я имѣю въ виду шляхетство, которое въ качествѣ правшаго класса должно было усвоить хотя бы начатки школьнаго образованія для службы. А нѣкоторые ясно созвали пользу ученія. Таковъ былъ представитель старой Харьковской казацкой старшины сотникъ Изюмскаго полка Д. Данилевскій. Его очень огорчали лѣность и нерадѣніе дѣтей и одному сыну онъ завѣщалъ наслѣдство только въ томъ случаѣ, если онъ исправится и будетъ хорошо учиться. Замѣтимъ, что приведенный фактъ относится къ самому началу XVIII вѣка (1716 г.), когда Харьковскаго коллегіума еще не было; этотъ послѣдній былъ открытъ только 10 лѣтъ спустя и, очевидно, долженъ былъ удовлетворять существовавшей въ населеніи потребности въ такого рода учебномъ заведеніи. Такимъ образомъ, во всѣхъ слояхъ слободско-украинскаго общества мы замѣчаемъ стремленіе къ духовно-нравственному просвѣщенію.

Вѣрнымъ выразителемъ идеаловъ мѣстнаго общества, носителемъ знаний и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныхъ началъ былъ знаменитый украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. Если бы въ самомъ обществѣ не существовало извѣстнаго религіозно-нравственнаго настроенія, то и проповѣдь Сковороды не имѣла бы такого успѣха, какой

выпалъ ей на долю. Онъ является типическимъ продуктомъ мѣстной среды, начинавшей тогда переходить отъ прежняго военнаго казацкаго быта къ новымъ формамъ гражданственности, наукѣ и литературѣ. Общій характеръ научныхъ свѣдѣній Сковороды и его богословско-философскихъ сочиненій опять таки опредѣляется главнымъ образомъ южно-русскою образованностью того времени, разсадникомъ которой было задѣйпровье и Кіевская духовная академія; самый способъ распространенія его религіозно-философскихъ и этическихъ воззрѣній (онъ переходилъ съ одного селенія въ другое, отъ одного помѣщика къ другому) объясняется, быть можетъ, привычкою къ скитанію, свойственной не только тогдашнему свѣтскому обществу (казакамъ и посполитамъ), но и духовенству (мандрованнымъ учителямъ, священникамъ).

Къ сожалѣнію эта своеобразная личность мало разъяснена исторіей. Онъ вышелъ изъ простаго класса населенія (хотя впрочемъ не изъ крестьянъ, а изъ казаковъ) и затѣмъ, не смотря на свое широкое образованіе, не порвалъ нравственныхъ связей съ простымъ народомъ. По характеру своего образованія Григорій Саввичъ примыкалъ къ старой западно-русской схоластической наукѣ, но эта послѣдняя, очевидно, его не совсѣмъ удовлетворяла и онъ пытался сказать новое слово въ этой области. Онъ слушалъ лекціи въ Кіевской духовной академіи; но не ограничился этимъ: страстная любовь къ знанію двинула его почти монаха, строгаго аскета за границу и онъ иѣшкомъ съ посохомъ въ рукахъ исходилъ почти всю западную Европу, познакомился съ тамошними учителями и воспринялъ отъ нихъ мистицизмъ, зародыши котораго у него должны были существовать и раньше. Въ Харьковѣ одно время онъ былъ преподавателемъ коллегіума; но и тогда онъ велъ не такую жизнь, какъ всѣ остальные. По словамъ біографа и друга его Ковалѣнскаго, „онъ для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ иѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздерженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодумствующъ, униженъ передъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій правоченіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести“. Но въ коллегіумѣ онъ не удержался; его стѣснили строгія рамки педагогической дѣятельности— и онъ постоянно, какъ видно изъ только приведеннаго отзыва Кова-

лѣвскаго, выходилъ изъ нихъ; ему тѣсно было въ ученическихъ аудиторіяхъ и онъ предпочелъ имъ несравненно большую аудиторію—цѣлую Украину. Его манилъ къ себѣ широкій просторъ украинскихъ степей, рощи и удолія, благопріятствовавшія глубокому уединенію и самоуглубленію, радушіе и гостепріимство его друзей и знакомыхъ, тихія, назидательныя бесѣды съ ними о высшихъ вопросахъ духа, жизнь на довѣ природы. Онъ велъ, можно сказать, аскетическій образъ жизни: одѣвался въ простую свиту, не ѣлъ мяса и рыбы, а питался плодами, овощами и молокомъ, спалъ въ садахъ, на пасѣкахъ и, наконецъ, почти никогда не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ. Не удивительно, что у него была масса почитателей среди всѣхъ слоевъ украинскаго общества—и среди духовенства, и среди свѣтскихъ лицъ; на всѣхъ онъ дѣйствовалъ живымъ примѣромъ собственной жизни. Къ простому народу онъ относился съ глубокой симпатіей. „Барская умность, пашеть Скворода, будто простой народъ есть черныи, видится мнѣ смѣшнал, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, которые говорятъ, что земля есть мертвая; какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа вылучились бѣлые господа“. Нравственнаго вліяніе его на простой народъ было очень благотворно. „Старше средняго роста, говорить Лубиновскій, лично видѣвшій Сквороду въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ, украинской овчинной шапкѣ, съ паго въ рукѣ, по нарѣчію сущій малороссіянинъ. Страсть его была и въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, нездѣ и всѣмъ былъ встрѣчаемъ и провожаемъ до обаченія съ любовью; у всѣхъ былъ онъ свой. Не стяжалъ онъ ни золота, ни серебра; но народъ не затѣмъ и принималъ его подъ свои кровы; напротивъ того, хозяинъ дома, куда онъ входилъ, прежде всего всматривался, не пужно ли было что либо поправить, почистить, переменить въ его одѣяніи и обуви, все то не медленно и дѣлалось. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и долѣе оставался, любили его какъ роднаго. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность, утѣшался, что трудъ страннической жизни не совсѣмъ былъ безплоденъ“¹⁾. Онъ гордился именемъ народоучителя и вполне сознательно относился къ своей миссіи.

„Надо мною позоруются (насмѣхаются), говорилъ онъ: пускай позоруются; о мнѣ бають, что я пошу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ

¹⁾ Воспоминанія, М. 1872, стр. 22—23.

очей не узрѣть свѣточа; пускай бають; на меня острять, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу; пускай острять; они знаютъ свое, я знаю мое и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тяга—мнѣ упокоеніе“. Григорій Саввичъ Сковорода написалъ множество философско-богословскихъ сочиненій, въ особенности правоучительныхъ, но только очень немногіе изъ нихъ изданы въ свѣтъ, хотя впрочемъ нужно замѣтить, что всѣ они обращались въ рукописяхъ. И въ высшей степени характерно то обстоятельство, что сочиненія Сковороды, не смотря на свое мистическое содержаніе и тяжелый туманный языкъ, служили предметомъ глубокаго уваженія и находили иногда даже внимательныхъ читателей. Изъ переписки его видно, что онъ посылалъ свои рукописи разнымъ лицамъ. Рукописи эти списывались и хранились у его почитателей. Одинъ изъ такихъ почитателей вызывалъ къ себѣ черезъ „Московскія вѣдомости“, желающихъ чытать сочиненія *украинскаго мудреца*. Его ученикъ и другъ помѣщикъ Ковалѣвскій (написавшій *жизнѣ*) посвятилъ ему такую стихотворную эпитафію: „ревобуель истины, духовный Богочецъ, и словомъ, и умомъ, и жизнію Порецъ. Любитель простоты и отъ суесть свободы, безъ лести прямой, доволенъ всѣмъ всегда—достигъ на верхъ наукъ...“
 Когда ясно видно, что Сковорода создалъ въ Украинѣ, такъ сказать, *науку*, благоговѣйное, хотя далеко не всегда сознательное къ нему отношеніе. Гораздо доступнѣе для всѣхъ (въ особенности для простаго люда) были сатирическія произведенія Сковороды (пѣсни и басни). Нѣкоторыя изъ нихъ такъ пришлись по вкусу народу, что и доселѣ расцѣваются лириками. Такова его знаменитая пѣсня „Всякому городу нравъ и права“, гдѣ мы находимъ между прочимъ слѣдующія строфы:

„Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
 Оедька куецеъ при зршинѣ все жеть.
 Тотъ строить домъ свой на новый манерь,
 Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь,
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá.
 А мнѣ одно только не йдетъ съ ума.

Строить на свой тонъ юриста правá,
 Съ диспутъ студенту трещить головá.
 Тѣхъ беспокоитъ Венеринъ Амуръ,
 Всякому голову мучить свой дуръ.
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá—
 Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

Смерте страшна, замашная косо!
 Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
 Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь?
 Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ?
 Кто-жь на ея плюетъ острую сталь?
Тотъ, чья совѣсть, какъ чистый хрусталь!

Сковорода не старался поддѣлываться подъ народное пониманіе и народную рѣчь даже въ своихъ басняхъ и пѣсняхъ. Онъ относился слишкомъ серьезно къ своей миссіи, чтобы дозволить себѣ такое приспособленіе; и въ сатирическихъ пѣсняхъ рядомъ съ обличеніемъ звучитъ серьезная нота морали и глубокой мысли; и въ приведенной пѣснѣ авторъ противопоставляетъ увлеченію житейскими мелочами свою заботу—какъ бы умереть ему не безъ ума; а этого можетъ достигъ только тотъ, чья *совѣсть, какъ чистый хрусталь*. Произведенія Сковороды здѣсь очень близко подходятъ къ такъ называемымъ псалмамъ и нравотельнымъ пѣснямъ (о страшномъ судѣ, о мукахъ Христа, о св. Ник о правдѣ и т. п.) ¹⁾. Вотъ эта то религиозно-нравственная проповѣдь изводила глубокое впечатлѣніе на всѣ слои слободско-украинскаго ства, тѣмъ болѣе что оправдывалась примѣромъ его собственной :

Память о Сковородѣ долго жила въ Харьковщинѣ. Дубяно рассказываетъ слѣдующій фактъ: „въ проѣздѣ мой въ 1831 г. черезъ Харьковскую губернію встрѣтилъ я на почтовой станціи старика-крестьянина и вздумалъ спросить его, помнитъ ли онъ Сковороду. Сковорода, отвѣчалъ онъ, былъ человекъ разумный и добрый, училъ и наставлялъ добру, страху Божьему и упованію на милосердіе распятаго за грѣхи наши Господа нашего Иисуса Христа. Когда начнетъ намъ бывало рассказывать Страсти Господни или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце бывало до того размягчилось, что заплачешь: вѣчная память Сковородѣ“ ²⁾. Послѣ всего сказаннаго мы не можемъ не согласиться съ заявленіемъ Григорія Петровича Данилевскаго, что Сковорода былъ, такъ сказать, странствующимъ университетомъ и академіей среди слободско-украинскаго общества; больше, конечно, академіей, чѣмъ университетомъ, ибо его наука, какъ мы видимъ, находилась въ генетической связи со старой западно-русской образованностью, традиціи которой были перенесены и въ Слободскую Украину.

¹⁾ Эти произведенія между прочимъ входили въ репертуаръ извѣстнаго кобзаря Остапа Вересая; см. Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ., т. I, матеріалы, стр. 22—33.

²⁾ Воспоминанія, М. 1872, стр. 23—24.

Онъ былъ страствующимъ, „мандрованнымъ“ учителемъ въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Конечно, его наука сильно отличалась отъ той европейской науки, которая получала у насъ прочное начало съ открытіемъ Харьковскаго университета. Но не слѣдуетъ забывать, что Григорій Саввичъ все таки не былъ чистымъ представителемъ школьнаго академическаго образованія: онъ стремился почерпнуть знаніе и въ его источникѣ—на западѣ.

Такъ постепенно Сковорода подготовлялъ почву для будущаго Харьковскаго университета и въ этомъ отношеніи онъ является предшественникомъ Василія Назаровича Каразина. Помимо всего сказаннаго мы можемъ представить и прямое доказательство въ подтвержденіе этой мысли. Въ числѣ лицъ, выразившихъ наиболѣе осязательно свое сочувствіе къ будущему высшему учебному заведенію въ краѣ, мы находимъ друзей и добрыхъ знакомыхъ Г. С. Сковороды; это были трое Квитокъ и Ковалевскій, представители старыхъ старшинскихъ семей, ревнители мѣстнаго просвѣщенія¹⁾. Боллежскій совѣтникъ Федоръ Квитка былъ отецъ извѣстнаго Харьковскаго малороссійскаго писателя Григорія Федоровича Квитки-Основьяненко; теплыя строки посвящаетъ ему въ своихъ очеркахъ харьковскій же писатель Вервель²⁾. Дядя Квитокъ вообще отличалась любовью къ просвѣщенію; кромѣ Григорія Федоровича былъ въ этой семьѣ еще и другой писатель и издатель мѣстной старины *Илья Ивановичъ* Квитка настоящій авторъ сочиненія о „Слободскихъ полкахъ“, которое раньше приписывалось Григорію Федоровичу Квиткѣ³⁾; кромѣ того Илья Ивановичъ занимался и другими работами по малорусской исторіи. Григорій Саввичъ Сковорода бывалъ въ домѣ Квитокъ и, очевидно, его монашескія, аскетическія воззрѣнія оказали вліяніе на эту семью, тѣмъ болѣе что и раньше здѣсь имѣли силу такіа стремленія. Сестра извѣстнаго Вѣлгородскаго епископа Іоасафа Горленка была замужемъ за Изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткой; родной дядя Григорія Федоровича постригся въ монахи подъ именемъ Наркиза и былъ потомъ настоятелемъ Курижскаго монастыря⁴⁾. „Илья Ивановичъ Квитка, по словамъ пр. Филарета, не былъ въ монастырѣ, но жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ, ибо онъ имѣлъ у себя особенное уединенное

¹⁾ Они вмѣстѣ съ семью другими лицами подписали проектъ о пожертвованіи на университетъ 1,000,000 руб.; но эта сумма въ общемъ собраніи дворянства была уменьшена до 400,000 рублей; см. Рус. Стар. 1875, май, стр. 63.

²⁾ Укр. Старина, стр. 174.

³⁾ См. о немъ замѣтку г. Шугурова (Кіев. Стар. 1890, мартъ, стр. 444—453.

⁴⁾ Укр. Старина, стр. 176—177.

живище и не зналъ нигде другихъ дорогъ, кромѣ какъ къ бывшему тогда преосвященному Павлу, у котораго онъ поучался христіанской жизни. Переписка его съ Тепловымъ и Кочубеемъ показываетъ, что онъ занимался и литературою¹⁾. И эти занятія, какъ доказываетъ г. Шугуровъ, были довольно успѣшны; плодомъ ихъ была повидимому и статья²⁾ „Краткое историческое описаніе о Малороссіи“, изданная въ 1848 г. Бодянскимъ (въ „Чтеніяхъ“). Прибавимъ, что Ильѣ Ивановичу находился въ дружественныхъ литературныхъ связяхъ съ проф. Тимковскимъ, принимавшимъ живѣйшее участіе въ первоначальномъ устройствѣ Харьковскаго университета. Григорій Ѳеодоровичъ Квитка постригся въ монахи, очевидно, не безъ вліянія Сковороды. Впослѣдствіи самъ онъ рассказывалъ о своемъ знакомствѣ съ Григоріемъ Саввичемъ и перѣдко, импровизируя его стихотвореніе „Всякому городу нравъ и права“, дѣлалъ къ нему свои юмористическія прибавленія. „Гомерическая личность Сковороды, говоритъ Г. П. Данилевскій, и непреложное во всей суровой простотѣ достоинство общежитейскихъ разсужденій этого загадочнаго мыслителя имѣли значительное вліяніе на умъ и направленіе способностей Григорія Ѳеодоровича Квитки“. Вообще литературныя занятія были присущи семьѣ Квитокъ. У нихъ между прочимъ велись фамилічныя записки; любовь къ исторіи роднаго края и Малороссіи, нужно думать, развилась у Ильи Ивановича и Григорія Ѳеодоровича Квитокъ не безъ вліянія Григорія Саввича Сковороды. Еще ближе стоялъ Григорій Саввичъ къ Петру Андреевичу Ковалевскому. Онъ часто посѣщалъ и подолгу проживалъ у отца его Андрея Ивановича, владѣльца дер. Панъ-Ивановки; дѣйствуя на отца и мать, онъ, естественно, не могъ не оказать вліянія и на сына. Григорій Саввичъ умеръ, какъ извѣстно, въ Панъ-Ивановкѣ и здѣсь память о немъ чтилась свято Петромъ Андреевичемъ; доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что онъ долго хранилъ у себя рукописи и письма покойнаго Сковороды и только впослѣдствіи передалъ ихъ преосв. Інокентію, задумавшему заняться составленіемъ біографіи украинскаго философа³⁾. Добрымъ знакомымъ Сковороды былъ также Донецъ-Захаржевскій, Щербининъ и Розальонъ-Сошальскій, подписи которыхъ мы встрѣчаемъ подъ извѣстнымъ дворянскимъ протоколомъ о пожертвованіи на университетъ.

¹⁾ Ист. ст. Оп. Харьк. еп. II. 132.

²⁾ Принадлежность ея Ильѣ Ивановичу Квиткѣ на нашъ взглядъ убѣдительно доказана г. Шугуровымъ.

³⁾ Укр. старина, стр. 71.

Изъ друзей Григорія Саввича Сковороды среди представителей городского сословія отмѣтимъ харьковскаго городского голову Егора Егорьевича Урюпина. Онъ обнаружилъ самое живое сочувствіе къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ, очевидно, склонилъ городское общество къ пожертвованію на университетъ, однимъ словомъ, онъ долженъ былъ дѣлать въ собраніи городского общества то, что дѣлалъ В. Н. Каразинъ въ собраніи дворянъ. Его выдающееся усердіе въ этомъ дѣлѣ было засвидѣтельствовано официально; ему въ послѣдствіи былъ дарованъ чинъ коллежскаго ассесора—награда необычайная для лица изъ купеческаго сословія. Урюпинъ и послѣ всячески содѣйствовалъ Каразину въ дѣлѣ устроенія Харьковского университета и при этомъ выдавался своимъ независимымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ тогдашнему губернатору Артакову. Артаковъ не сочувствовалъ предпріятію В. Н. Каразина, старался тормозить его ходъ и между прочимъ одинъ разъ поднималъ цѣлую исторію по поводу денегъ, заимообразно выданныхъ Урюпинымъ Каразину на нужды Харьковского университета. Въ 1803 году Урюпинъ писалъ Каразину, что пожертвованная на университетъ сумма давно была бы собрана, „если бы притязанія здѣшняго архонта (губернатора Артакова) въ томъ не дѣлали намъ препоны“ ¹⁾. Впрочемъ Урюпинъ вышелъ побѣдителемъ изъ своей борьбы съ представителемъ администраціи: онъ жаловался на него высшему начальству—и Артаковъ былъ удаленъ изъ Харькова ²⁾. Григорій Саввичъ Сковорода посѣщалъ Урюпина и велъ съ нимъ дружескую переписку; сохранились два письма Григорія Саввича Сковороды къ Е. Е. Урюпину, въ которыхъ находятся между прочимъ различныя нравственныя наставленія ³⁾. Изъ писемъ этихъ видно, что Сковорода встрѣчался въ домѣ Урюпина со многими харьковскими обывателями. Урюпинъ пользовался огромнымъ авторитетомъ въ мѣстномъ городскомъ обществѣ и кругъ знакомства у него, конечно, былъ значительный.

Даже самъ В. Н. Каразинъ, виновникъ основанія университета въ Харьковѣ, не остался повидимому свободенъ отъ вліянія старика Сковороды. По крайней мѣрѣ онъ относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и выразилъ свой взглядъ въ слѣдующемъ изреченіи: „мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пифагора, Оригена, Лейбница“ ⁴⁾. Вліяніемъ Григорія Саввича мы склонны объяснять

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 67.

²⁾ См. подробности въ статьѣ г. Устинова (Харьк. Кал. на 1886-й годъ).

³⁾ Укр. Старина, 59—61.

⁴⁾ Молодыкъ на 1844 годъ, факсимиле В. Н. Каразина, въ прилож. № 17.

Каразинъ, Моисей Григорьевичъ Ушинскій, Н. Θ. Алферовъ, литераторъ Станѣвичъ, архитекторъ Ярославскій; добрымъ знакомымъ Палицына былъ богатѣйшій и вліятельнѣйшій представитель слободско-украинской казацкой старшины Григорій Романовичъ Шидловскій. А. А. Палицынъ, по словамъ Василя Назаровича Каразина, „имѣлъ вкусъ къ архитектурѣ, которою прилежно занимаясь, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ (?) и нѣсколько селъ церковными и другими зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ и т. п. Ему обязаны мы болѣею частью началами европейскаго быта въ Украину“ ¹⁾. И дѣйствительно изъ воспоминаній Ярославскаго мы знаемъ, что старый другъ Палицына Шидловскій, проживавшій въ Мерчикѣ, пригласилъ къ себѣ преподавателемъ французскаго языка писателя француза Вернета, а воспитателемъ его сына былъ самъ Палицынъ и довольно извѣстный въ то время русскій литераторъ Станѣвичъ. Всѣ члены Палицынскаго кружка были приверженцами новаго западно-европейскаго образованія, будучи воспитаны на просвѣтительной французской литературѣ конца прошлаго вѣка. Самъ Палицынъ, Станѣвичъ и Ярославскій занимались переводами на русскій языкъ произведеній изящной иностранной литературы. Воспитанникъ и наследникъ Палицына Алферовъ нѣсколько лѣтъ провелъ за границей, изучая въ Италіи искусство ²⁾. „Дѣятельность Палицына, говоритъ проф. Н. Θ. Сумцовъ, посвятившій особую статью этому писателю, совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью Василя Назаровича Каразина и эти два человека положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Харьковской губерніи“ ³⁾. Справедливость впрочемъ обязываетъ насъ прибавить, что Василій Назаровичъ Каразинъ, какъ общественный дѣятель на пользу просвѣщенія, стоялъ неизмѣримо выше Палицына; самъ Палицынъ смотрѣлъ на него, какъ на вожда въ общественныхъ предпріятіяхъ ⁴⁾.

Во всякомъ случаѣ кромѣ общаго культурно-просвѣтительнаго вліянія, подготовившаго почву въ мѣстномъ обществѣ для насажденія высшаго образованія, Палицынскій кружокъ принималъ живѣйшее участіе

¹⁾ Молодыкъ на 1844 годъ. X. 1843, стр. 43—44.

²⁾ См. письма его изъ Италіи въ Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 190—198.

³⁾ Культурный уголокъ въ Харьк. губ. (Харьк. Сбор. на 1888 годъ, стр. 111).

⁴⁾ Это ясно видно изъ письма Палицына къ Каразину, напечатаннаго въ Ств. Пч. за 1860 годъ № 92.

и въ самомъ основаніи Харьковскаго университета. Истинный виновникъ основанія университета въ Харьковѣ Василій Назаровичъ Каразинъ стоялъ близко къ А. А. Палицыну и его кружку. Членомъ „Поповской академіи“ былъ и тотъ Моисей Григорьевичъ Ушинскій, котораго Каразинъ прислалъ изъ Петербурга въ Харьковъ съ порученіемъ подвинуть мѣстныхъ дворянъ къ пожертвованіямъ на устройство университета. Въ числѣ подписавшихъ проектъ о пожертвованіи на университетъ 1 мил. рублей мы встрѣчаемъ между прочимъ кромѣ указанныхъ выше лицъ (учениковъ Г. С. Сковороды) и представителей „Поповской академіи“—самого Палицына и Гр. Шидловскаго. Такимъ образомъ, Василій Назаровичъ Каразинъ не стоялъ въ этомъ дѣлѣ особнякомъ: онъ опирался на нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ представителей харьковскаго дворянства. Одни изъ нихъ были духовными чадами Сковороды или коллегіума, другіе—воспитались на европейской литературѣ. Такъ переплетались другъ съ другомъ два теченія образованности—западно-русское и русско-европейское. Повторялось въ миніатюрѣ то самое явленіе, какое имѣло мѣсто въ Московской Руси въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, когда западно-русская стихія хотѣла завоевать себѣ прочное положеніе, но была отѣснена культурою вѣмедкою. У насъ же въ Харьковщинѣ эти два элемента не исключали другъ друга. Григорій Саввичъ Сковорода, какъ мы видѣли, успѣлъ многое почерпнуть для себя въ самомъ источникѣ знаній—Западной Европѣ; туда же ѣздилъ его любимый ученикъ Ковалѣвскій и тамъ нашелъ двойника своего учителя въ лицѣ Д. Мейнгардта. Харьковский коллегіумъ также посылалъ своихъ учителей за границу для усовершенствованія ихъ въ наукахъ. Съ другой стороны и „западники“, какъ мы видимъ, не чуждались ни Сковороды, ни коллегіума. Василю Назаровичу много помогало въ его начинаніяхъ по части университетскихъ дѣлъ священникъ Фотіевъ.

Мы прослѣдили, какъ въ мѣстномъ обществѣ все болѣе и болѣе росло стремленіе къ образованію; параллельно съ этимъ, естественно, должны были возрастать и самыя образовательныя средства, т. е. школы. Мы обратимся теперь къ судьбѣ этихъ школъ и сообщимъ о нихъ нѣсколько статистическихкихъ свѣдѣній, остававшихся доселѣ неизвѣстными.

Приливъ дѣтей свѣтскихъ лицъ въ Харьковский коллегіумъ былъ столь значителенъ, что явилась необходимость въ устройствѣ при немъ особаго отдѣленія исключительно для дворянства, купечества и т. п.

И оно было учреждено въ 1768 г. подъ именемъ „прибавочныхъ классовъ“. Еще въ инструкціи Императрицы Екатерины II-й слоб. укр. губернатору Щербинину (1765 г.) было сказано: „къ преподаваемымъ нынѣ

въ Харьковскомъ коллегіумѣ наукамъ прибавить классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, географіи и рисованія, а особливо инженерства, артиллеріи и геодезіи, на что и сумма изъ 3000 руб. изъ неокладныхъ доходовъ опредѣляется и у кого тотъ коллегіумъ въ вѣдомствѣ состоятъ, съ тѣмъ губернской канцеляріи о лучшемъ возстановленіи и распространеніи наукъ учиня сношеніе употребить общее стараніе“. 3 года спустя эти „прибавочные классы“ были переданы въ вѣдомство губернской канцеляріи ¹⁾; преподавались здѣсь тѣ самые предметы, о которыхъ говорится въ инструкціи Щербинину ²⁾. „Прибавочные классы“ подѣ именемъ казеннаго училища существовали самостоятельно до 1798 г., когда присоединены были ко вновь открытому *главному народному училищу*. На содержаніе ихъ отпускалась штатная сумма въ размѣрѣ 4000 р. Въ нихъ въ 1785 г. было 237 учениковъ (въ томъ числѣ дворянъ 120, разночинцевъ—67 и семинаристовъ—50), въ 1795 г.—215 (дворянъ 80 и разночинцевъ—135), въ 1796 г.—261 (дворянъ 144 и разночинцевъ 117), наконецъ, въ 1797 г.—241 (дворянъ 143 и разночинцевъ 98). Здѣсь между прочимъ воспитывались на казенный счетъ 50 самыхъ бѣдныхъ учениковъ всякаго званія. Ученики, окончившіе это училище, по достиженіи 20 лѣтняго возраста, опредѣлялись въ учителя народныхъ училищъ, въ архитекторы, канцеляристы, воспитатели помѣщичьихъ дѣтей и т. п. Приготовлялись они и къ военной службѣ: во время прохожденія курса ихъ обучали фортификаціи, артиллеріи; они носили военные мундиры, ружья и тесаки, обучались военнымъ экзерциціямъ ³⁾ и т. п.

Въ 1797 г. было открыто въ Харьковѣ Главное Народное училище; на содержаніе его ежегодно ассигновывалось болѣе 10000 р., изъ коихъ 4312 р. шло на содержаніе казенныхъ питомцевъ (бывшихъ „прибавочныхъ классовъ“), 4520 р. на жалованье директору и учителямъ, 1340 р. на пѣвчевскій классъ и 200 р. на отопленіе. Преподавались здѣсь слѣдующіе предметы: руссійская грамматика, риторика, логика, богословіе, исторія, географія, ариметика, геометрія, артиллерія, фортификація, физика, механика, гражданская архитектура, рисованіе, нѣмецкій и французскій языки ⁴⁾; кромѣ того былъ вокальный классъ, въ которомъ состоялъ учитель, его помощникъ, 6 басовъ и 3 тенора.

¹⁾ Основаніе Харьк. коллегіума (Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 13).

²⁾ А. С. Лебедева. Харьк. кол., стр. 10—11.

³⁾ См. изданное мною Опис. Слоб. Укр. губ. 1802, стр. 23; Воспоминанія Ярославскаго (Кіев. Стар. 1887, сентябрь, стр. 115—117, 124).

⁴⁾ Опис. Слоб. Укр. губ. 1802 г., стр. 23—24.

Такимъ образомъ, главное народное училище представляло изъ себя не то среднюю общеобразовательную, не то техническую школу. Неудивительно, что оно впоследствии легко могло быть преобразовано въ 1-ю Харьковскую гимназію. Въ 1797 г. въ немъ было только 83 ученика (дворянъ 26 и разночинцевъ 57); но уже въ слѣдующемъ 1798 г., когда оно соединилось съ „прибавочными классами“ (казеннымъ училищемъ), число учащихся достигло 380 (дворянъ 272, разночинцевъ 108), въ 1799 г.—382 (дворянъ 142 и разночинцевъ 240), въ 1800—306 (дворянъ 102, разночинцевъ 204), въ 1801—309 (дворянъ 105 и разночинцевъ 204), въ 1802—380 (дворянъ 272 и разночинцевъ 108), въ 1803 г.—357 (дворянъ 130 и разночинцевъ 227). Составъ учащихся по сословіямъ былъ очень разнообразный, такъ что его можно назвать *ссесословнымъ*. Приведемъ для примѣра цифры за 1803-й годъ. На 357 учащихся приходилось 133 дворянъ (въ томъ числѣ 3 дѣвочки), 109 оберъ-офицерскихъ дѣтей, 10 церковниковъ, 17 приказныхъ, 45 купеческихъ дѣтей, 13 мѣщанскихъ, 11 солдатскихъ, 10 казенныхъ поселянъ и 9 крѣпостныхъ. По классамъ ученики въ томъ же 1803 г. дѣлились такъ: въ первоначальномъ руссiйскомъ классѣ было 130 (въ томъ числѣ 6 дѣвочекъ), въ руссiйскомъ грамматическомъ 155, въ классѣ логики, реторики и богословія 25, первоначальномъ латинскомъ—52, первоначальномъ нѣмецкомъ—58, нѣмецкомъ грамматическомъ—27, первоначальномъ французскомъ—36, синтаксическомъ французскомъ—53, въ первой части ариѳметическаго класса—38, во второй части его же—101, въ геометрическомъ—56, въ архитектурномъ, физическомъ и механическомъ—41, въ геодезическомъ—36, въ тригонометрическомъ—19, въ классѣ полевого инженерства—7, фортификаціи—9, артиллеріи—5, исторіи и географіи—77, рисованія—77. Очевидно, выборъ предметовъ былъ свободный и потому общеобразовательныя науки находили себѣ десятки слушателей, а спеціальныя—очень немногихъ. При главномъ было еще и *малое народное училище*. Подобныя училища сверхъ того были и въ нѣсколькихъ уѣздныхъ городахъ Слоб. укр. губерніи—въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ, Балкахъ, Острогожскѣ ¹⁾. Всего учащихся въ главномъ и малыхъ народныхъ училищахъ Слободскоукраинской губ.

¹⁾ Число учащихся въ этихъ народныхъ училищахъ было таково: въ Ахтырскомъ—въ 1797 г.—27, въ 1798 г.—47; въ 1799—48, въ 1800—51, въ 1801—41, въ 1802—42, въ 1803—88; въ Сумскомъ—въ тѣже годы—89, 48, 44, 59, 51, 28, 34, въ Богодуховскомъ—45, 45, 53, 41, 63, 50, 58, въ Изюмскомъ—34, 32, 33, 32, 39, 43, 53, Острогожскомъ—32, 63, 82, 77, 62 (до 1802 г.), въ Балковскомъ въ 1802 г.—32, въ 1803 г.—51.

было въ 1797 г.—302 чел., въ 1798 г.—616, въ 1799—641, въ 1800—566, въ 1801—565, въ 1802—520, въ 1803 г.—591. По составу учениковъ всѣ эти училища могутъ быть названы всесословными: въ 1803 г. дворянъ было 206, оберъ-офицерскихъ дѣтей—138, церковниковъ 21, приказныхъ—32, купеческихъ—79, мѣщанскихъ—51, солдатскихъ—22, казенныхъ поселянъ—16, крѣпостныхъ—28 ¹⁾).

Такимъ образомъ, всѣ училища г. Харькова и Харьковской губ. въ моментъ передъ открытіемъ университета могутъ быть раздѣлены на три категоріи—1) духовныя школы, 2) свѣтскія и 3) церковноприходскія народныя. Къ 1-й категоріи относится Харьковскій коллегіумъ и духовное училище въ ч. Новыхъ Водолагахъ; въ одномъ документѣ мы читаемъ о немъ слѣдующее извѣстіе: „на иждивеніе тамошнихъ обывателей заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до риторическаго класса, а также ариметикѣ, россійской грамматикѣ, правописанію и катехизису по способности“ ²⁾. Ко 2-й категоріи принадлежатъ главное и малыя народныя училища Екатерининскаго времени и, наконецъ, къ 3-й—тѣ церковноприходскія школы, о которыхъ мы говорили выше и которыя по существу дѣла скорѣе могутъ быть названы народными, чѣмъ вторыми. Къ сожалѣнію эти церковноприходскія школы, какъ стоявшія внѣ всякой регламентаціи, не были поддержаны учебнымъ начальствомъ; наоборотъ имъ подчасъ высказывали даже неодобреніе или же вовсе не замѣчали ихъ существованія, такъ же точно какъ и тѣсно связанныхъ съ ними шпиталей; а между тѣмъ гораздо легче было поддержать то, что создано было самимъ народомъ, въ его духѣ и традиціи, чѣмъ насаждать такія учрежденія, которыя казались ему чуждыми и непонятными; такъ порвалась нить, которая могла бы связать старое культурное наслѣдіе народа съ новой цивилизаціей....

¹⁾ Въ Ахтырскомъ народномъ училищѣ въ 1803 году было 16 дворянскихъ дѣтей (въ томъ числѣ 3 дѣвочки), 7 оберъ-офицерскихъ (1 дѣвочка) 1 церковниковъ, 2 приказныхъ, 3 купеческихъ (1 дѣвочка) и 9 мѣщанскихъ; въ Сумскомъ—11 дворянскихъ, 7 оберъ-офицерскихъ, 4 церковниковъ, 1 приказныхъ, 4 купеческихъ, 23 мѣщанскихъ, 4 казенныхъ поселянъ, 7 крѣпостныхъ; въ Богодуховскомъ—10 дворянскихъ, 6 оберъ-офицерскихъ, 2 церковниковъ, 6 приказныхъ (въ томъ числѣ 5 дѣвочекъ), 19 купеческихъ (въ томъ числѣ 10 дѣвочекъ), 6 мѣщанскихъ, 5 солдатскихъ, въ Изюмскомъ—22 дворянскихъ (1 дѣвочка), 2 оберъ-офицерскихъ, 2 церковниковъ, 1 приказныхъ, 2 купеческихъ, 3 солдатскихъ; въ Валковскомъ—17 дворянскихъ, 7 оберъ-офицерскихъ, 2 церковниковъ, 5 приказныхъ, 3 купеческихъ, 3 солдатскихъ, 2 казенныхъ поселянъ, 12 крѣпостныхъ. Всѣ эти статистическія данныя извлечены нами изъ дѣла, хранящагося въ Харьк. унив. архивѣ (Дѣло совѣта 1805 г., № 19).

²⁾ См. „Описаніе городовъ Азовской губ.“ (въ Зап. Одес. Общ. т. 3-й).

Съ востешествіемъ на престолъ Александра Павловича, надъ Россіей взошла заря новой жизни. Юный Императоръ Александръ I-й былъ, какъ извѣстно, воодушевленъ самими лучшими намѣреніями и на первомъ планѣ среди своихъ государственныхъ заботъ ставилъ *народное просвѣщеніе*. Къ этому дѣлу онъ относился съ удивительнымъ жаромъ и восторженностью.

Всѣмъ извѣстенъ общій характеръ этой эпохи, которую по справедливости можно назвать золотымъ вѣкомъ русскаго школьнаго образованія. Александръ I-й рѣшилъ продолжать дѣло просвѣщенія Россіи, въ духѣ Петра Великаго и Екатерины II-й. Взойдя на престолъ, онъ немедленно отмѣнилъ тяжкія стѣсненія, наложенныя на просвѣщеніе Павломъ Петровичемъ. Еще до учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1801 году Государь рѣшаетъ открыть въ провинціи для дворянства нѣсколько военныхъ училищъ, въ которыхъ ощущался тогда крайній недостатокъ. Однимъ изъ пунктовъ, гдѣ должно было явиться новое училище, намѣченъ былъ между прочимъ и Харьковъ. Весьма знаменательно при этомъ то обстоятельство, что Императоръ Александръ съ довѣріемъ обращается къ представителямъ мѣстныхъ обществъ—дворянамъ и призываетъ ихъ къ пожертвованіямъ на пользу просвѣщенія родной земли. Это обращеніе, какъ извѣстно, имѣло огромное нравственное и практическое значеніе: оно вызвало къ жизни совсѣмъ было замершую общественную инициативу и дало въ руки правительства огромныя денежныя средства.

Вотъ тотъ замѣчательный рескриптъ, съ которымъ обратился Александръ Павловичъ къ тогдашнему Харьковскому губернатору Зильбергарнишу. Онъ отличается свѣтлыми мыслями, добрыми гуманными чувствами и ярко рисуешь настроеніе государя.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Слободской украинской гражданскій губернаторъ Зильбергарнишъ. Желая доставить дворянству новыя и удобнѣйшіе способы къ воспитанію дѣтей и приготовленію ихъ на службу и зная съ одной стороны, что существующіе нынѣ кадетскіе корпуса, ограничиваясь по заведенію своему извѣстнымъ количествомъ воспитанниковъ, съ расширеніемъ просвѣщенія, общихъ понятій о лучшемъ воспитаніи, содѣлались не соразмѣрны числу желающихъ, ни пространству столь обширной имперіи, и что ежели по положенію ихъ къ столицѣ представляютъ они особенныя удобства въ окончательномъ усовершеніи воспитанія, то во первыхъ его степеняхъ несравненно болѣе можно найти выгодъ и способовъ въ училищахъ, учрежденныхъ въ самихъ губерніяхъ, гдѣ воспитанники, не разрывая родственныхъ связей, толико существенныхъ въ нравственномъ образованіи, въ глазахъ почти родныхъ своихъ, съ лучшимъ сохраненіемъ

отъ него самый видъ понудительныхъ внушеній. Я отвращаюсь жертвъ, приносимыхъ съ сожалѣніемъ или по нуждѣ, и малѣйшее отягощеніе государства вѣситъ въ понятіяхъ моихъ болѣе, нежели всѣ счастливыя предположенія; внушите дворянству сіи истины, меня руководствующія, и дайте полную свободу дѣйствовать отечественнымъ его видамъ. Я увѣренъ, что возможность будетъ единою мѣрою его усердія.

На семъ основаніи расположивъ ваше въ семъ дѣлѣ содѣйствіе, вы не оставите мнѣ довести въ подробности о всемъ, что къ успѣшному его движенію вами и дворянствомъ сдѣлано или предположено будетъ. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный; на подлинномъ подписано собственной Его Императорскаго Величества рукой такъ: Александръ.

Невольно является предположеніе, что рескриптъ этотъ былъ написанъ не безъ вліянія Василя Назаровича Каразина, который уже въ концѣ марта 1801 года представилъ свое извѣстное письмо государю и съ того момента сдѣлался довѣреннымъ лицомъ его, въ особенности по вопросамъ просвѣщенія. На эту мысль наводятъ насъ и общій стиль бумаги, и нѣкоторыя частности. Извѣстно, что Василій Назаровичъ Каразинъ внушилъ Харьковскому обществу мысль о пожертвованіи на университетъ. Можно полагать что ему же принадлежитъ и въ настоящемъ рескриптѣ мысль о призваніи Харьковскаго дворянства къ матеріальному содѣйствію государству въ дѣла устроенія военнаго училища. Но государь, очевидно, отъ себя уже велѣлъ внести ту превосходную прибавку, то ограниченіе, которое мы только что привели въ его обращеніи—чтобы добрая воля и свободное движеніе чести были единственнымъ побужденіемъ къ этому поступку. Конечно, мы не настаиваемъ на своемъ предположеніи—это только догадка, которую доказать нельзя, но которая довольно правдоподобна.

Губернаторъ, получивъ этотъ рескриптъ, обратился отъ себя уже къ тогдашнему губернскому предводителю дворянства Василю Михайловичу Донецъ-Захаржевскому съ слѣдующимъ письмомъ: „милостивый государь мой Василю Михайловичъ! препровождаю къ вамъ при семъ копію съ Высочайшаго именнаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, въ 16-й день сего августа мною полученнаго, о учрежденіи въ городѣ Харьковѣ дворянскаго военнаго училища. Изъ онаго довольно вы, милостивый государь мой, усмотрѣть можете, какимъ отличнымъ знакомъ своего благоволенія милосердный нашъ монаръ непрестанно о благѣ подданныхъ своихъ пекущійся, соизволилъ удостоить дворянство Высочайше ввѣренной управленію моему Слободской украинской губерніи. Я твердо увѣренъ, что таковая высокомонаршая щедрота принята имъ

будетъ съ чувствами живѣйшей благодарности и вѣрноподданническаго усердія къ премудрому нашему государю, блаженство подданныхъ своихъ устрояющему, и что оно исполненное къ нему ревности за величайшее счастье себѣ вмѣнать всѣми силами своими споспѣшествовать спасительнымъ намѣреніемъ великаго своего монарха въ дѣлѣ толико собственную его пользу заключающемъ и тѣмъ доказать ему привязанность свою и усердіе. Я надѣюсь также, что и вы, милостивый государь мой, бывъ удостоенъ довѣренности дворянства, не оставите съ своей стороны внушить ему всю великость сего монаршаго благотворенія и возбудить въ немъ похвальное соревнованіе къ благоуспѣшному совершенію сего дѣла, руководствуясь впрочемъ въ точности правилами милосерднаго нашего монарха, который, содѣлывая подданныхъ своихъ благополучными, малѣйшаго ихъ отягощенія и единого виду понужденія отвращается. Я говорилъ здѣсь съ господиномъ генералъ-маіоромъ Бѣгичевымъ, на коего Государемъ Императоромъ возложено заведеніе высочайше повелѣннаго дворянскаго военного училища, и условился съ нимъ, что онъ въ первыхъ числахъ будущаго ноября мѣсяца прибудетъ въ городъ Харьковъ. Я прошу васъ, милостивый государь мой, для общаго въ семъ дѣлѣ содѣйствія находиться въ сіе время въ помянутомъ городѣ какъ съ господами уѣздными дворянствъ предводителями, такъ депутатами оного, а между тѣмъ заблаговременно увѣдомить меня объ успѣхахъ, каковыя высочайшее сіе предположеніе провзведетъ въ господахъ дворянахъ. Имѣю честь быть впрочемъ съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ“ (такой то).

Мысль объ учрежденіи дворянскаго военного училища въ Харьковѣ была встрѣчена сочувственно дворянами; о сочувственномъ отношеніи къ ней дворянства свидѣлствуетъ между прочимъ заявленіе, принадлежащее повидимому губернскому предводителю дворянства Донцу-Захаржевскому: „съ полученнаго мною отъ Слободскаго украинскаго господина губернатора и кавалера Густава Карловича Зильбергарниша отношенія и приложеннаго при немъ именнаго Его Величества раскрипта о учрежденіи въ городѣ Харьковѣ дворянскаго военного училища, препровождаю при семъ вамъ, милостивый государь; кои; не нужно мнѣ на сей конецъ распространяться; мнѣ вѣдомы чувства дворянства, съ каковымъ благоговѣніемъ пріемлетъ оно монаршія соизволенія, а высочайшій рескриптъ паче всякаго слова вразумить каждаго во благо созидаемомъ истинною любовью водимаго къ отечеству обожаемаго государя. Запечатлѣмъ въ глубинѣ сердецъ нашихъ безпредѣльную благодарность за неизреченныя его къ намъ благости; намъ остается, благословляя великія намѣренія всеавгустѣйшаго государя императора,

по всей возможности споспѣшествовать въ оныхъ. Я вѣдаю и благонамѣренность моихъ собратій, и щедрость, каковую они покажутъ въ составленіи на столь полезное заведеніе для дѣтей нашихъ, для нашихъ родственниковъ, для насъ самихъ вспомошествованія; но, дабы къ сему представить удобнѣйшее средство, побуждаюсь должностію предложить дворянству мое мнѣніе на уваженіе, не благоугодно-ль будетъ въ пользу сего заведенія внести дворянству капиталъ сто тысячъ рублей изъ собственныхъ своихъ доходовъ, и дабы не отяготить себя единовременнымъ взносомъ, вносить въ пять лѣтъ въ каждый по 20000 руб., дабы каждый дворянинъ могъ имѣть честь равнымъ быть вкладчикомъ въ столь полезномъ заведеніи; распределить сборъ сей по числу душъ за каждымъ состоящихъ, не имѣющихъ дворяне за собою душъ соблаговолить особую сдѣлать подписку, что кто дать пожелаетъ. Дабы отвратить всѣ виды какового либо на сей предметъ насильнаго соглашенія, благоволите, милостивый государь, съ Высочайшаго рескрипта и губернаторскаго ко мнѣ отношенія доставить съ первою почтою копіи въ каждый уѣздъ господамъ предводителямъ и депутатамъ и предложите, дабы во всякомъ уѣздѣ пригласили господъ дворянъ въ собраніе для прочтенія оныхъ и испросили ихъ на сіе согласіе съ подпискою; къ тѣмъ же, кои почему либо быть не могутъ, доставить копіи на соглашеніе, дабы къ ожидаемому приѣзду господина генераль-маіора Бѣгичева, сдѣлать Его Величеству всеподданнѣйшее о семъ донесеніе и, что вы по сему сдѣлать изволите, неоставьте увѣдомленіемъ“.

Согласно этому предложенію, Харьковское дворянство дѣйствительно ассигновало сумму 100000 рублей на военное училище, хотя и порѣшило внести се не въ 5, а въ 3 года (на 1-й годъ 50 т., на 2-й и 3-й по 25 т.). Теперь явился вопросъ о томъ, какимъ образомъ собирать эти средства—и тутъ возникли кое какія недоразумѣнія и затрудненія. Многіе жертвовали охотно, по доброй волѣ, но были и такіе, которые не имѣли внутреннихъ побужденій къ пожертвованіямъ и старались дать какъ можно меньше. Государь требовалъ, чтобы жертвы были добровольныя и неотяготительныя. И вотъ ахтырское дворянство рѣшило избрать такой путь, который повидимому наиболѣе соответствовалъ этимъ требованіямъ—оно устроило *добровольную личную подписку*. Мы имѣли въ своихъ рукахъ этотъ подписной листъ; онъ очень любопытенъ. Насъ поражаютъ въ немъ скромныя цифры пожертвованій (фигурируютъ суммы въ 3, 5, 10, 15, максимумъ 45 р.); но справедливость требуетъ назвать тѣхъ, которые сдѣлали необычайно крупныя пожертвованія. Таковы—надворные совѣтники *Василій Марковъ* и *Василій Лосевъ*, подписавшіе каждый по 1000 р.; нѣкоторые жертвовали сообразно

съ количествомъ душъ своихъ крестьянъ (напр. тит. совѣтникъ Аполлинарій Шагаровъ, внесшій 200 р.); другіе же, очевидно, давали меньше, чѣмъ выпало на ихъ долю по принятой потомъ раскладкѣ; всего собрано было среди присутствовавшихъ въ засѣданіи ахтырскихъ дворянъ 2505 р. 50 коп. (нужно впрочемъ замѣтить, что явились далеко не всѣ дворяне). По раскладкѣ же ахтырское дворянство должно было доставить 10340 рублей. Въ основу этой раскладки положено было количество душъ крѣпостныхъ крестьянъ. За всѣми слободско-украинскими помѣщиками числилось тогда свыше 200000 крестьянъ (201800)—такъ что за каждую душу приходилось внести въ три года 50 коп. Богучарское дворянство вступило въ прямое пререканіе по поводу наложенной на него суммы въ размѣрѣ 2747 р. 50 к.; оно собрало только 2018 р. 60 коп., а отъ взноса остальныхъ 728 р. 90 коп. отказывалось. Надворный же совѣтникъ Николай Васильевичъ Бедрига и вовсе не захотѣлъ „дѣлать новыхъ взысканій со своихъ крестьянъ“. Харьковскій губернскій предводитель дворянства отправилъ по этому поводу въ Богучаръ заявленіе, въ которомъ указывалъ на отсутствіе усердія въ Богучарскомъ дворянствѣ къ заведенію новаго училища въ Харьковѣ. Скоро впрочемъ, къ удовольствію мѣстнаго дворянства Богучарскій уѣздъ отошелъ къ Воронежской губерніи. Вообще въ это время (въ 1802 г.) произошли значительныя измѣненія въ предѣлахъ слободскоукраинской губ.—и это привело къ затрудненіямъ при сборѣ денегъ; первоначальная раскладка оказалась теперь непригодной, потому что многія помѣщичьи имѣнія отошли къ сосѣднимъ уѣздамъ. Все это тормозило сборъ пожертвованій. Нужно впрочемъ замѣтить, что нашлись такія дворянскія корпораціи и отдѣльныя лица, которыя обнаружили особенное сочувствіе и усердіе къ дѣлу. Вотъ что писалъ, напримѣръ, Купянскій предводитель дворянства Дмитрій Розальонъ-Сошальскій: „по предмету Высочайшаго рескрипта о заведеніи въ г. Харьковѣ дворянскаго военнаго училища Купянскаго уѣзда господа дворяне сего октября 19 числа будучи въ общемъ собраніи и выслушавъ Высочайшій рескриптъ по безпредѣльному къ Государю Императору усердію за счастье поставили споспѣшествовать въ премудрыхъ Всеавгустѣйшаго Государя Императора намѣреніяхъ и потому соображаясь съ опредѣленною Государемъ Императоромъ на содержаніе ежегодно училищъ и на заведеніе оныхъ знатною суммою положили на сіе заведеніе къ вспоможенію дать съ Купянскаго округа единовременно 20000 р., о чемъ Васъ увѣдомляя покорнѣйше прошу извѣстить меня о пріѣздѣ ген. м. Бѣгичева, ибо я располагаю быть въ Харьковѣ къ выборамъ въ уголовную и гражданскую палаты засѣдателей и прочихъ

чиновниковъ къ 10-му числу ноября, въ прочемъ съ моимъ къ вамъ почтеніемъ буду какъ и есть“ (такой то).

Уѣздный предводитель Сумскаго дворянства писалъ: „спѣшу при семъ доставить вамъ копію съ предположенія, учиненнаго въ нашемъ собраніи вслѣдствіе Высочайшаго рескрипта о учрежденіи дворянскихъ училищъ. Вы усмотрѣть изволите, съ какою благодарностью дворянство Сумскаго уѣзда приѣмлетъ сію Высокомонаршую щедроту и съ какою ревностью готово способствовать. Исполняя Вашу волю, я предлагалъ въ собраніи господамъ дворянамъ и ваши мысли на тотъ же предметъ и похвальные труды ваши съ достойнымъ уваженіемъ и признаніемъ были приняты“. Однѣ изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ Харьковской губ. князь Александръ Куракинъ (у него было тутъ 2975 д. крестьянъ) къ отвѣту на обращеніе къ нему губернскаго предводителя дворянства, сдѣлалъ немедленно же распоряженіе своей старобѣльской вотчинѣ о выдачѣ въ 3 срока 1487 р. 50 к. Государь, узнавъ о пожертвованіи слободско-украинскаго дворянства, обратился къ губернатору съ слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ: „Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ слободскоукраинскій гражданскій губернаторъ Зильбергарнишъ! Усмотря изъ донесенія вашего расположеніе дворянства слободскоукраинской губерніи взнести отъ усердія ихъ на устроеніе предполагаемаго въ Харьковѣ дворянскаго военнаго училища сто тысячъ рублей въ извѣстные сроки, приѣмлю сей ихъ подвигъ доказательствомъ благонамѣренныхъ ихъ видовъ и любви къ отечественнымъ пользамъ и поручаю вамъ объявить имъ за сіе совершенное мое удовольствіе и вмѣстѣ удостоверить ихъ въ соизволеніи моемъ, чтобъ сходно ихъ желанію дѣти ихъ, воспитываемые въ казенныхъ Харьковскихъ училищахъ и особо на содержаніи родителей, по надлежащемъ экзаменѣ пользовались правомъ воспитанниковъ учреждаемаго военнаго училища. Что принадлежит до представленія Вашего объ обращеніи на сіе заведеніе недостроеннаго корпуса, предназначеннаго для присутственныхъ мѣстъ и о постройкѣ для сихъ послѣднихъ новаго, не оставляю на сіе означить вамъ впредь мою волю. Впрочемъ пребываю вашъ благосклонный, На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Высочества рукою такъ: Александръ. 6 дек. 1801 года“.

Проектъ открытія въ Харьковѣ военнаго училища вполне соответствовалъ потребностямъ мѣстнаго дворянскаго общества въ новыхъ образовательныхъ учрежденіяхъ. Объ этой потребности между прочимъ свидѣлствуетъ и намѣреніе его устроить дворянскій пансіонъ при Харьковскомъ казенномъ училищѣ на 25 человѣкъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Харьковѣ было бы открыто военное дворян-

Фот. С. В. Бульжено. Киев.

4-й Попечитель Харьковскаго учебнаго округа
графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій.

ское училище. Назначенный для осмотра тѣхъ городовъ, гдѣ намѣчено было устройство военныхъ училищъ, ген. м. Бѣгичевъ пріѣзжалъ даже въ Харьковъ и получалъ тутъ свѣдѣнія о цѣнѣ разныхъ строительныхъ матеріаловъ. Съ другой стороны собрано было уже не мало денегъ въ счетъ ассигнованной дворянствомъ суммы. Но въ 1802 г. идея военного училища была замѣнена несравненно болѣе грандіознымъ планомъ—устройства университета. Виновиномъ этой перемѣны былъ депутатъ слободскоукраинскаго дворянства Вас. Наз. Каразинъ, доставившій ему въ это время новую грамоту съ разными важными привилегіями. Эта грамота и послужила исходнымъ пунктомъ для возбужденія вопроса о пожертвованіяхъ на университетъ,

Здѣсь мы подошли къ вопросу объ основаніи Харьковскаго университета, но займемся разрѣшеніемъ его во 2-й главѣ своего „Опыта“.

Изъ цѣлаго ряда собранныхъ нами фактическихъ данныхъ можно было видѣть, что почва въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ для открытія университета была въ значительной степени подготовлена предшествующими просвѣтительными вліяніями и образовательными учрежденіями; нельзя, слѣдовательно, сказать, чтобы университетъ осѣлъ на непочатомъ нетронутомъ грунтѣ. Большое вліяніе имѣлъ Гр. Саввичъ Скворода и литературный кружокъ А. А. Палицына; оказали свое дѣйствіе и Харьковскій коллегіумъ съ духовными училищами, и казенное, и главное народное училище, и разсѣянные по всей губерніи народныя церковноприходскія школы и такъ называемыя малыя народныя училища. Они въ совокупности своей дѣйствовали на *всю слою* мѣстнаго общества и приготовили это послѣднее къ воспріятію мысли о высшемъ разсадникѣ науки—университетѣ. Вотъ гдѣ источникъ отзывчивости не только мѣстнаго духовенства и дворянства, но и горожанъ, и войсковыхъ обывателей на призывъ В. Н. Каразина къ пожертвованіямъ! Даже неосуществившійся проектъ заведенія въ Харьковѣ военного училища имѣлъ важное вліяніе на открытіе въ Харьковѣ университета: обращеніе импер. Александра къ Харьковскому дворянству подѣйствовало на него ободряющимъ образомъ, вдохнуло въ него патріотическую мысль о пользѣ пожертвованій на дѣло народнаго образованія; оно хотѣло раздѣлить со своимъ вѣнценоснымъ вождемъ „честь“ устройства въ Харьковѣ новаго училища и пособіями своими принять участіе „въ расходахъ на него“. Военное училище послужило какъ бы мостомъ, переходною подготовительною ступенью къ университету. Трудно было

сдѣлать первый шагъ, нарушить инертность, подвинуть на первый жертвы... Но разъ общество проснулось, разъ оно перешло отъ покоя въ состояніе подъема душевной энергіи, нуженъ былъ только энергичный горячій энтузіастъ, чтобы оно проявило выдающуюся дѣятельность на пользу общую. Такимъ именно человекомъ былъ В. Н. Каразинъ.

II-я ГЛАВА.

Основаніе Харьковскаго университета (1802—1805 гг.).

(Посвящается историкам Харьковскаго университета
академикам М. И. Сухомянову и Н. А. Лавровскому).

Основаніе Харьковскаго университета самымъ тѣснымъ образомъ связано съ личностью Василія Назаровича Каразина. Онъ является истиннымъ виновникомъ его существованія: ему принадлежитъ *первая* мысль объ этомъ; онъ подвинулъ Харьковское дворянство на пожертвованія; онъ долженъ былъ преодолѣть множество затрудненій, чтобы добиться Высочайшаго соизволенія на учрежденіе университета въ Харьковѣ; онъ же, наконецъ, вмѣстѣ съ другими лицами, заслуги которыхъ будутъ отмѣчены нами въ своемъ мѣстѣ (попечителемъ Потоцкимъ, проф. Тимковскимъ, Рижскимъ) не мало поработалъ и въ трудномъ дѣлѣ первоначальнаго устроенія университета. /Еще въ іюнѣ 1802 г. шло своимъ обычнымъ ходомъ дѣло объ устройствѣ въ Харьковѣ военнаго училища — а Василій Назаровичъ 2-го мая того же года пишетъ замѣчательное письмо къ Харьковскому священнику Фотіеву, изъ котораго ясно видно, что онъ всецѣло тогда уже былъ поглощенъ мыслью объ университетѣ. „Бывъ удостоенъ вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ-бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему“. Очевидно, что мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ у него зародилась послѣ перваго его письма къ Имп. Александру и была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ. „Любимая его Малороссія, го-

ворить его сынъ, пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища“. Въ первое время онъ готовъ былъ довольствоваться заведеніемъ въ Харьковѣ военнаго училища, которое очень хотѣло имѣть у себя мѣстное дворянство. Но назначеніе на вліятельный постъ правителя дѣлъ въ комитетѣ, гдѣ разсматривались уставы двухъ академій и московскаго университета (въ началѣ 1802 г.), навело его на мысль объ учрежденіи въ родномъ ему Харьковѣ вмѣсто средняго высшаго учебнаго заведенія. И онъ рѣшилъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы осуществить эту мысль на практикѣ. Бесѣда съ государемъ была первымъ шагомъ его въ этомъ дѣлѣ. Но впереди предстояло самое трудное—добиться отъ харьковскаго дворянства пожертвованія на учрежденіе университета, ибо только такимъ путемъ В. Н. Каразинъ надѣялся склонить мнѣнія въ пользу Харькова, города, который самъ по себѣ имѣлъ для этого мало данныхъ и уступалъ не только Кіеву, но и многимъ другимъ южнымъ городамъ (напримѣръ, Чернигову). „Сія мысль (объ университетѣ), пишетъ онъ Фотіеву, заняла всю мою душу и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобы дѣйствовать“. Онъ руководился въ этомъ дѣлѣ самыми чистыми побужденіями—желаніемъ просвѣщенія своей родины. „Не для чего описывать пользу сего учрежденія, продолжаетъ онъ далѣе, и славу, которая отъ сего для нашей отчизны Украины пристекти имѣть. Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастье и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ“.

Василій Назаровичъ Каразинъ пользовался довѣріемъ Харьковскаго дворянства. Случай, поставившій „этого богодуховскаго помѣщика“ такъ близко къ престолу, долженъ былъ возвысить его даже въ глазахъ тѣхъ людей, которые раньше относились къ нему съ недовѣріемъ и называли прямо юнымъ школьникомъ (потому что онъ не оставлялъ научныхъ занятій). Известно, что Императоръ Александръ торжественно подтвердилъ права, дарованныя дворянству жалованною грамотой его бабки Екатерины II-й и отчасти ограниченные Императоромъ Павломъ. На 31-е мая 1801 г. въ Харьковѣ назначено было чрезвычайное губернское собраніе, на которомъ рѣшено было отпривать ко двору депутатовъ для принесенія по этому поводу благодарности и для ходатайства передъ Высочайшею властью о подтвержденіи спеціальныхъ привилегій слободско-украинскаго дворянства. Въ качествѣ депутатовъ изъ Харь-

кова были отправлены губернский предводитель Василий Донецъ-Захаржевскій и Федоръ Куколь-Яснопольскій; къ нимъ также долженъ былъ присоединиться проживавшій въ Петербургѣ и стоявшій близко къ государю В. Н. Каразинъ. Грамота, въ отвѣтъ на ихъ прошеніе, была дѣйствительно пожалована 29 декабря 1801 г. (она хранится въ подлинномъ видѣ въ архивѣ Харьк. депутатскаго собранія). Въ ней говорится слѣдующее: „дворянство слободско-украинской губ. въ лицѣ предводителя своего Василя Донца-Захаржевскаго и депутата своего Федора Куколя-Яснопольскаго принесли намъ всеподданнѣйшее прошеніе о подтвержденіи ихъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ въ Бозѣ почивающими Великими Государями Предками Нашими; и Мы Всемиловитѣйше снисходя на сіе прошеніе и въ ознаменованіе всегдашняго благоволенія Нашего къ непоколебимой вѣрности, усердію и заслугамъ слободско-украинскаго дворянства, всѣ права и преимущества въ различныя времена ему присвоенныя и доселѣ безъ отмѣны существующія, по-кольку они сходны съ общими государственными узаконеніями, признали за благо утвердить и на всегда удостовѣрить, яко же симъ утверждаемъ и удостовѣряемъ во всей ихъ силѣ и неприкосновенности; во увѣреніе чего и сію нашу подтвердительную жалованную грамоту собственною рукою подписали и укрѣпить ее государственною печатью повелѣли“ ¹⁾.

Милостивое вниманіе государя къ нуждамъ дворянства должно было, естественно, вызвать въ нихъ патріотическое воодушевленіе. Явилась мысль о необходимости ознаменовать это радостное событіе пожертвованіемъ на какое либо общепольное дѣло; выразителемъ этой мысли явился губ. предводитель дворянства Василий Михайловичъ Донецъ-Захаржевскій, который написалъ по этому поводу письмо ²⁾ къ одному изъ уѣздныхъ предводителей.

¹⁾ Ильяшевича. Краткій очеркъ исторіи Харьк. дворянства. Харьк. 1885 г., стр. 68—69.

²⁾ Вотъ подлинный текстъ этого письма: „препровожденную отъ находящагося въ С.-Петербургѣ здѣшней губерніи дворянскаго депутата госи. кол. сов. Василя Назаровича Каразина подлинную Его Императорскаго Величества Высочайше пожалованную подтвердительную правъ и привилегій слободско-украинскому дворянству грамоту я имѣлъ счастье получить и для изъясненія глубочайшаго благоговѣнія къ августѣйшему монарху принесеніемъ Всевышнему о здравіи Его Императорскаго Величества публичнаго молебствія, о сѣздѣ гг. дворянъ въ губернской городѣ Харьковѣ на 12-е число будущаго августа испрашиваю позволеніе отъ начальника губерніи; а потому и прошу васъ, мил. гос. мой, оновѣстить о семъ господъ депутата и дворянъ вашего уѣзда. Я увѣренъ, что каждый дворянинъ при семъ случаѣ, ощутивъ всю цѣну и особливую милость высо-

Въ припискѣ Василій Михайловичъ прибавляетъ, что если дворянство не согласится устроить больницу, въ такомъ случаѣ можно было бы пожертвовать капиталъ, на проценты съ котораго можно содержать при Харьковскихъ училищахъ 20 питомцевъ изъ дворянъ; а если бы не согласились и на это, тогда внести извѣстную сумму на бѣдныхъ въ приказъ общественнаго призрѣнія ¹⁾).

Изъ этого письма видно, что у Василя Михайловича, по случаю полученія грамоты, явилась первоначально мысль о постройкѣ больницы или устройствѣ дворянскаго пансіона при Харьковскихъ училищахъ, или, наконецъ, о простомъ пожертвованіи на бѣдныхъ; очевидно, у него не было увѣренности, что дворянство пожертвуетъ очень большую сумму и потому онъ вноситъ очень скромныя предложенія; объ университетѣ здѣсь нѣтъ и помину. Тогдашній губернаторъ Андрей Кондратьевичъ Артаковъ не считалъ возможнымъ разрѣшить предполагаемаго съѣзда дворянъ въ Харьковъ для раскладки извѣстной суммы съ благотворительною цѣлью. Нужно думать, что онъ такъ дѣйствовалъ по инструкціи, полученной изъ Петербурга. Государь, какъ это мы видѣли изъ рескрипта его по поводу устройства въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, былъ противъ подобныхъ раскладокъ, могшихъ имѣть принудительный характеръ, и потому ходатайство губернскаго предводителя о созывѣ дворянъ въ Харьковъ не было уважено. Въ это то время, какъ намъ думается, Василій Назаровичъ Каразинъ и вступилъ въ переписку съ Донцомъ-Захаржевскимъ о сборѣ *добровольныхъ* пожертвованій въ средѣ Харьковскаго дворянства на открытіе въ Харьковѣ университета. Въ письмѣ къ Фотіеву (отъ 2-го мая) Каразинъ писалъ, что мысль объ университетѣ заняла всю его душу и что для приведенія ея въ исполненіе онъ ожидаетъ только дворянскаго собранія. Послѣ

комонаршую къ сему краю, по мѣрѣ того и общаго усердія поищетъ и средствъ оказать благодарность соотвѣтственно чувствованіямъ нашимъ къ щедротамъ всемилостивѣйшаго государя. Мой совѣтъ, чтобы дворянство согласилось на постройку больницы для бѣдныхъ благородныхъ и другого состоянія людей 40 челоѣкъ и на содержаніе ихъ и лѣченіе составить капиталъ, изъ коего бы все вышесказанное можно произвести, о чемъ подробнѣе въ полномъ собраніи дворянству предложить имѣю; желательно, чтобы сей памятникъ сооруженъ былъ для напominанія потомству нашему въ грядущія времена Высочайшаго къ намъ благоволенія, заслуженнаго у Высочайшаго престола предками нашими, и сія единая только жертва можетъ пріятна и принята быть Всемилоостивѣйшимъ Государемъ, любящимъ подданныхъ своихъ, испрося позволеніе у Его Величества наименовать таковую больницу Александровскою“ (20 Іюня 1802 г.).

¹⁾ Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета (на 2575 листахъ).

отправки этого письма онъ вступилъ въ переписку по поводу своего проекта объ основаніи въ Харьковѣ университета съ 2-мя самыми вліятельными лицами среди Харьковскаго дворянства—Василіемъ Михайловичемъ Донецъ-Захаржевскимъ и Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ. Донецъ-Захаржевскій, очевидно, склонился къ мнѣнію Василя Назаровича Каразина (объ устройствѣ университета) и просилъ его исходатайствовать у государя разрѣшеніе на созывъ дворянъ для добровольныхъ сборовъ на этотъ предметъ. Просьба на этотъ разъ была уважена и государь самымъ нагляднымъ образомъ выразилъ свое сочувствіе новому проекту Харьковскаго дворянства, внушенному В. Н. Каразинымъ. Все это подтверждается письмомъ губернскаго предводителя къ Каразину и отвѣтною бумагою генераль-прокурора Беклешова. Каразину Василю Михайловичъ писалъ: „Спѣшу васъ увѣдомить, что дворянство Слободско-украинской губерніи, всегда готовое къ изъявленію глубочайшаго благоговѣнія къ августѣйшему Монарху, предположило съѣхаться въ губернскій городъ на 12 августа для принесенія Всевышнему о здравіи Его Величества публичнаго молебствія по поводу полученія Высочайше пожалованной Государемъ Императоромъ подтвердительной правъ и привиллегій дворянской грамоты и для иныхъ положеній, о коихъ я васъ предварялъ, но начальникъ губерніи на таковой съѣздъ дать своего согласія не рѣшился, о чемъ отзывъ его въ копіи прилагая, покорнѣйше прошу васъ, милостиваго государя, въ разрѣшеніе испросить предписаніе поспѣшнѣе, дабы предположеннаго времени намъ не упустить; симъ много обяжете всѣхъ“ (20 іюня). О какихъ „положеніяхъ“ здѣсь идетъ рѣчь, ясно видно изъ предписанія Беклешова, которое выхлопотано было Василичемъ Назаровичемъ Каразинымъ. „Хотя отъ 10-го сего іюля, писалъ Беклешовъ Харьковскому губернатору, сообщалъ я вашему превосходительству, что Государь Императоръ, не желая сборомъ дворянства дѣлать какого либо принужденія, на собраніе онаго Высочайшаго соизволенія не изъявилъ. Но, какъ увѣряютъ здѣсь, что желаніе дворянства явиться въ г. Харьковъ имѣетъ главною цѣлю, дабы при семъ случаѣ сдѣлать произвольную складку суммы на построеніе предполагаемаго университета, то Его Императорское Величество указать соизволилъ, чтобы при произведеніи въ дѣйствіе столь похвальнаго со стороны дворянства предположенія не чинить оному не малѣйшихъ препятствій“. Письмо это написано всего 4 дня спустя послѣ перваго и прямо въ отъѣзду его. Характерно въ немъ выраженіе—*какъ упряютъ здѣсь* (т. е. въ Петербургѣ); это несомнѣнно прямое указаніе на В. Н. Каразина, б. м. даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ непріятнаго чувства къ нему со сто-

роны Беклешова, поставленнаго теперь въ необходимость отмѣнять распоряженіе, сдѣланное почти наканунѣ. Губернаторъ Артаковъ, получивъ это предписаніе, съ своей стороны сибѣшилъ заявить, что онъ готовъ всячески содѣйствовать устроению столь общепользнаго заведенія. Губернскій предводитель, въ письмахъ къ уѣзднымъ предводителямъ, извѣщалъ, что сѣздъ переносится на 30-е августа (дабы имѣть возможность извѣстить всѣхъ) и совѣтовалъ явиться въ Харьковъ къ 27 августа, чтобы 27, 28 и 29 августа посвятить предварительному обсужденію этого дѣла, и 30-го устроить самое торжество. 26-го августа губернский предводитель извѣстилъ объ этомъ и городского голову Егора Егоровича Урюпина въ такихъ выраженіяхъ: „По Всевысочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію дворянство здѣшней губерніи имѣетъ сѣхаться для составленія суммы на университетъ, предполагаемый въ губернскомъ городѣ Харьковѣ, и сего августа 27, 28 и 29 чиселъ трактовать будетъ о способахъ къ составленію таковой суммы; а какъ учрежденіе таковаго пространнаго училищнаго мѣста не только можетъ быть украшеніемъ города, но и просвѣщеніемъ гражданъ науками и благородными художествами послужить, а при томъ отъ сѣзда и умноженія иногороднихъ ожидать можно распространенія и самой коммерціи ихъ, то о семъ васъ, милостивый государь мой, увѣдомляя, уповаю, что вы съ гражданами, по усердію и ревности къ пользамъ отечества, возжелаете участвовать при семъ благопотребномъ случаѣ соотвѣтственно чувствованіямъ и воли, для споспѣшествованія великимъ благотворнымъ намѣреніямъ Всемиловѣйшаго Государя. При семъ за необходимое считаю васъ увѣдомить, что дворянство 30-го августа имѣетъ торжественно принести священную жертву въ соборной церкви пролітіемъ моленія о здравіи Его Императорскаго Величества и праздновать подтвержденіе Его Величествомъ правъ и привилегій здѣшнему дворянству, на какой случай учиненный со стороны его поринокъ при семъ вамъ прилагаю ¹⁾, освѣдомляя, что отъ меня и Его Превосходительству слободско-украинскому гражданскому губернатору при донесеніи таковой же препровожденъ и лично испросилъ я отъ него позволенія гражданамъ прилично сему торжеству иллюминовать городъ и дома“ ²⁾. Здѣсь уже, какъ мы видимъ, вопросъ о пожертво-

¹⁾ Въ „дѣлѣ“ церемоніала не сохранилось, но онъ напечатанъ г. Устиновымъ, и мы воспользуемся имъ въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

вашихъ на устройство университета въ Харьковѣ поставленъ очень прочно, при чемъ къ этимъ пожертвованіямъ приглашаются и горожане.

Увѣдомляя уѣздныхъ предводителей о назначеніи общаго дворянскаго съѣзда на 30-е число, губернский предводитель просилъ ихъ довести до свѣдѣнія дворянъ, проживавшихъ въ уѣздахъ, о прозектѣ сбора добровольныхъ суммъ на университетъ. И эта мысль была встрѣчена сочувственно, очевидно, подъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія, вызваннаго жалованной грамотой. Впрочемъ уѣздное дворянство не подвергало вопроса о пожертвованіяхъ разсмотрѣнію у себя на мѣстѣ, а хотѣло его рѣшать на общемъ собраніи. Исключеніе составляютъ только валковскіе дворяне, которые обсуждали этотъ вопросъ на мѣстѣ и представили свой собственный прозектъ, въ которомъ послѣ изъясненія патріотическихъ чувствъ къ государю, между прочимъ говорится: „дворянство валковского округа, озаряясь лучами изливаемаго милосердія пекущагося отца отечества о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, почитаетъ пристойнѣйшимъ ознаменовать день празднованія нашего о пожалованной намъ Высочайшей грамотѣ заведеніемъ въ г. Харьковѣ университета, который, изливая просвѣщеніе, оставитъ вѣчный памятникъ достодолжной благодарности Его Императорскому Величеству, коею преисполнено дражайшее отечество наше просвѣщеннѣйшему своему монарху. Для сего заведенія уполномочиваемъ гг. предводителя Михаила Романовича Шидловскаго и депутата Николая Ефимовича Зварыкина представить на общемъ съѣздѣ дворянству мнѣніе наше—взнести имѣющіяся деньги наши за фуры, намъ подлежащія, которыя дополнить, что причтется, по состоянію каждаго изъ собственныхъ доходовъ нашихъ, составляя капиталъ отъ губерніи сто тысячъ рублей дать единовременно и, если будетъ сіе удостоено общаго мнѣнія, то отъ господина губернскаго предводителя принести о семъ всеподданнѣйшее прошеніе Его Императорскому Величеству или если что на общемъ съѣздѣ по предмету сему дворянствомъ изобрѣтено будетъ полезнѣйшее, въ томъ и наше согласіе подписать уполномочиваемъ“. Такимъ образомъ, валковское дворянство въ своемъ прозектѣ предварило рѣшеніе общаго дворянскаго съѣзда; оно назначило даже сумму пожертвованій со всего дворянства Харьк. губ. въ размѣрѣ 100000 р.; при чемъ считало возможнымъ и увеличить ее въ случаѣ общаго согласія; сумма эта составлялась изъ денегъ, которыя имъ должна была казна за подводы, и добровольныхъ пожертвованій. 27, 28 и 29 августа дѣйствительно происходили предложенныя губернскимъ предводителемъ дворянства частныя совѣщанія съѣхавшагося въ Харьковѣ дворянства для опредѣленія размѣра пожертвованій на университетъ и

способовъ ихъ собиранія. Къ сожалѣнію въ официальныхъ документахъ не сохранилось (да и не могло сохраниться) подробностей этихъ заведеній. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ извѣстіе объ одной чрезвычайно важной резолюціи, принятой въ одномъ изъ такихъ частныхъ собраній дворянъ 29 августа 1802 г. ¹⁾. Тутъ было рѣшено внести изъ дворянскихъ имѣній слободско-украинской губерніи 1000000 рублей „способомъ, установленнымъ въ учрежденіи 20-ти лѣтняго банка“ ²⁾. Этотъ приговоръ подписали слѣдующія лица, очевидно, наиболѣе сочувствовавшія идеѣ Каразина объ учрежденіи въ Харьковѣ университета: ген. лейт. Неклюдовъ, майоръ Петръ Ковалевскій, майоръ Александръ Палицынъ, предводит. дворянства Алексѣй Алферовъ, кап.-лейт. флота Александръ Красовскій, ст. сов. Григорій Шидловскій, прапорщикъ Георгій Квитка, тит. сов. Дмитрій Квитка, поручикъ Гаврило Короснянъ, кол. сов. Федоръ

¹⁾ Харьковский университетскій архивъ. Дѣло канц. попеч. № 1 (по архиву), № 1 (по картону); сохранилась любопытная приписка карандашомъ на этомъ документѣ, писанная, какъ кажется, рукою Каразина: „нѣтъ никакого сомнѣнія подвигнуть все дворянство къ согласію на сіе положеніе, коль скоро патриотизмъ ихъ ободренъ будетъ. Все остановилось потому, что дѣйствовалъ человѣкъ, оставленный безъ малѣйшаго подкрѣпленія, однимъ однимъ; тщетно убѣждалъ онъ государственныхъ чиновниковъ тогдашнихъ помочь ему хотя строкою“.

²⁾ А вотъ самое расписаніе взносовъ примѣнительно къ 20-лѣтнему банку для полученія 1 мил. съ дворянскихъ имѣній слоб.-украинск. губерніи: „отъ 50 душъ крестьянъ ежегодный взносъ 20 р., который обезпечивается залогомъ въ 4 души,

со	100 д.	40 р.	съ залогомъ	7 д.
"	200 "	80 "	" "	14 "
"	300 "	120 "	" "	20 "
"	400 "	160 "	" "	27 "
"	500 "	200 "	" "	34 "
"	600 "	240 "	" "	40 "
"	700 "	280 "	" "	47 "
"	800 "	320 "	" "	54 "
"	900 "	360 "	" "	60 "
"	1000 "	400 "	" "	67 "

„Такимъ образомъ, полагая въ обезпечиваніе содержанія университета на 75 р. одну душу м. п. съ землею, по расчисленію выходитъ, что въ продолженіе 20 лѣтъ только самая малая часть недвижимаго имѣнія дворянъ будетъ служить залогомъ, т. е. въ 1-й—годъ отъ $\frac{1}{12}$ до $\frac{1}{15}$; но потомъ на правилахъ упомянутаго банка годъ отъ года будетъ уменьшаться такъ, что изъ имѣнія, на которомъ 100 душъ, чрезъ 10 лѣтъ болѣе 3 д. останутся несвободными; взносъ же въ пользу сего заведенія ни въ какомъ случаѣ не будетъ превышать $\frac{1}{12}$ доходовъ. Впрочемъ можно обезпечить содержаніе университета и таковымъ имѣніемъ, которое состоитъ въ одной землѣ и угодьяхъ безъ крестьянъ (ibidem).

Латинскій языкъ пріучаль къ простому, ясному и благозвучному изложенію мыслей. Всѣ мы были поэты; безъ поэзіи, безъ одушевленія ума и сердца, проповѣдь и въ храмѣ Божіемъ будетъ мертвая буква. Семинарія нынче богаты, а въ мое время Харьковскій коллегіумъ помѣщался въ большомъ каменномъ зданіи съ трубою; такъ назывался длинный и широкій во второмъ этажѣ корридоръ, къ обѣимъ сторонамъ котораго огромныя аудиторіи безъ печей были ничто иное какъ сараи, гдѣ зимою отъ стужи не только руки и ноги, но и мысли замерзали.... Но ни холодъ, ни голодъ не охлаждали охоты къ ученію; привыкали мы сверхъ того къ нуждѣ и пріучались довольствоваться малымъ, въ какомъ ни были бы состояніи впоследствии времени¹⁾.

О голодѣ, а главное холодѣ, которые испытывали ученики бursы, говорить и другой воспитанникъ коллегіума, впоследствии профессоръ Петербургскаго университета Толмачевъ; по недостатку дровъ возрастнѣйшіе воспитанники, говорить онъ, ходили иногда ночью на р. Лопань и съ мостовъ снимали мостовицы и ими отапливали комнаты²⁾. Въ коллегіумѣ отъ самаго начала его постройки никогда не существовало ни одной печи. Но и Толмачевъ подтверждаетъ, что преподаваніе классическихъ языковъ въ коллегіумѣ было поставлено очень раціонально: оно не было грамматической гимнастикой, а вело къ быстрому пониманію авторовъ; въ два года, говорить о себѣ Толмачевъ, я сдѣлалъ такіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на третій годъ порядочно понимать латинскихъ классиковъ; четвертый и пятый годы моего учебнаго курса посвящены были риторикѣ и упражненію въ сочиненіи латинскихъ рѣчей³⁾. Харьковскому коллегіуму мы обязаны и началомъ научно-литературной дѣятельности въ Слободской украинѣ. Первыми харьковскими изданіями были календари, составленные въ Харьковскомъ коллегіумѣ (префектомъ его Андр. Прокоповичемъ) и вышедшіе въ свѣтъ въ 1797 и 1799 гг. Авторъ статьи о старинныхъ харьковскихъ календаряхъ, основываясь на словарѣ Геннади (II-й томъ), положительно утверждаетъ даже, что „при коллегіумѣ еще раньше открытія университета существовала своя типографія“³⁾; но мы сомнѣваемся въ ея существованіи. Правда извѣстно, что у Харьковскаго губернатора Евд. Щербинина было желаніе учредить при Харьковскомъ коллегіумѣ типографію для печатанія ученическихъ переводовъ и работъ; но осуществился ли этотъ проектъ, неизвѣстно; косвенныя же данныя

¹⁾ Воспоминанія стр. 10—11.

²⁾ Рус. Старина 1892, сентябрь стр. 702.

³⁾ Харьк. Кал. на 1886 г., стр. 145.

*и это сказало не о Коллѣ, а о Панси
(обсерваторіи, какъ то въ рѣчь сказано), и
въ университетѣ Коллѣ.*

приводятъ скорѣе къ отрицательному, чѣмъ положительному выводу. Если бы при коллегіумѣ существовала типографія, о ней хотя что либо сообщили бы документы; во всякомъ случаѣ мы имѣли бы свѣдѣнія о напечатанныхъ въ ней книгахъ. Между тѣмъ о двухъ названныхъ выше календаряхъ у Геннади только говорится, что они напечатаны въ Харьковѣ, а въ какой типографіи — не обозначено; помѣта же „въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ“ (при первомъ календарѣ) указываетъ не на типографію, а на мѣсто перевода (календарь этотъ былъ переведенъ съ польскаго въ Харьковскомъ коллегіумѣ), во 2-мъ календарѣ уже прямо указываются инициалы имени переводчика (Прокоповича). Если бы въ коллегіумѣ была типографія, то въ ней, конечно, напечатанъ былъ бы и мѣсяцесловъ Прокоповича на 1807-й годъ, и другіе труды преподавателей коллегіума. Можно предпологать, что харьковскіе календари XVIII вѣка напечатаны были въ той самой типографіи приказа общественного призрѣнія, изъ которой въ 1805 году вышла брошюра „Хозяйственный способъ узнавать погоду въ 1806 г. съ прибавленіемъ краткаго истор. извѣстія о Слободской украинской губерніи“ ¹⁾).

Какъ бы то ни было, остается въ силѣ тотъ фактъ, что первыя харьковскія литературныя изданія принадлежатъ коллегіуму. Харьковский же коллегіумъ доставилъ первыхъ студентовъ во вновь основанный Харьковский университетъ. Наконецъ, одинъ изъ преподавателей главнаго народнаго училища, преобразованнаго изъ прибавочныхъ классовъ коллегіума, священникъ Фотіевъ, принималъ живѣйшее участіе въ дѣлѣ учрежденія Харьковского университета и былъ довѣреннѣйшимъ сотрудникомъ Василія Назаровича Каразина. Поэтому нельзя не согласиться съ заключеніемъ уважаемаго пр. А. С. Лебедева, что коллегіумомъ „въ значительной степени подготовлено возникновеніе въ Харьковѣ университета. То необычайное усердіе, съ какимъ въ началѣ настоящаго столѣтія все населеніе Слободской украины во всѣхъ слояхъ отнеслось къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, несомнѣнно указывало на продолжительное и глубокое дѣйствованіе въ краѣ просвѣтительныхъ вліяній. Коллегіумъ приготовилъ почву для университета“ ²⁾. Сюда нужно внести только одно ограниченіе: въ томъ же просвѣтительномъ направленіи дѣйствовалъ и Григорій Саввичъ Сковорода (хотя и не во всемъ сходилъ съ представителями коллегіумскаго образованія);

¹⁾ См. Чирикова. Указатель, стр. 71.

²⁾ Харьк. кол., стр. 31.

они культивировали въ Украинѣ философско-богословскую науку и классическіе языки.

Но рядомъ съ этой духовной наукой и литературой со 2-й половины XVIII вѣка начала замѣтно дѣйствовать въ Харьковскомъ краѣ и *западно-европейская просвѣтительная стихія*, проникавшая сюда различными путями и средствами. Еще въ 1-й пол. XVIII в. во время частыхъ военныхъ походовъ харьковскіе старшины находили время для литературныхъ занятій. Объ этомъ свидѣлствуетъ фактъ существованія фамилныхъ записокъ самыхъ видныхъ слободско-украинскихъ фамилій—Квитокъ, Лесевицкихъ, Тевишовыхъ, Кондратьевыхъ, Шевича. Переходъ отъ чисто военныхъ къ гражданскимъ формамъ быта далъ возможность свободнѣе развивать эти литературные вкусы. Просвѣтительное воздѣйствіе Сковороды и Харьковскаго коллегіума служило какъ бы приготовительною школою; извѣстно, что многіе изъ питомцевъ Харьковскаго коллегіума поступали потомъ въ университетъ (въ томъ числѣ и Лубяновскій). Ученикъ Григорія Саввича Сковороды Ковалѣнскій, какъ извѣстно, отправился въ путешествіе за границу и тамъ сошелся съ Швейцарскимъ ученымъ Дан. Мейнгардомъ, очень похожимъ на Сковороду. Съ основаніемъ Московскаго университета и образовательныхъ учрежденій въ Россіи у харьковскихъ дворянъ явилась возможность практически осуществлять свои стремленія къ высшему образованію, въ основу котораго полагалась европейская наука.

Въ 60-хъ годахъ XVIII в. у сумскихъ дворянъ возникла даже мысль объ устройствѣ университета въ г. Сумахъ. Такое желаніе выразили сумскіе дворяне въ наказѣ своему депутату ¹⁾, отправленному въ извѣстную Екатерининскую комиссію для составленія проекта новаго уложенія (въ 1767 г.). Свое желаніе они мотивируютъ пользою этого учрежденія для ума, нравственности и церкви и кромѣ того приводятъ еще одно чисто практическое соображеніе, которое, кстати сказать, мы встрѣчаемъ въ послѣдствіи и въ объяснительной запискѣ къ „Предначертанію о Харьковскомъ университетѣ“ В. Н. Каразина; съ устройствомъ такого училища, говорятъ сумскіе дворяне, уменьшатся расходы на воспитаніе, которые для недостаточныхъ помѣщиковъ весьма чувствительны. Кромѣ университета сумскіе дворяне желали учредить еще и городское училище, въ которомъ могли бы воспитываться вмѣстѣ съ горожанами и дѣти духовенства; эту мысль о совмѣстномъ воспитаніи дѣтей духовнаго и свѣтскаго званія опять такъ очень настойчиво

¹⁾ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 68-й.

проводилъ В. Н. Каразинъ. Въ заключеніе сумское шляхетство заявляеть: „какая же отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно“. Бывшіе казацкіе старшины теперь, не безъ вліянія реформы Евд. Щербинина, стремятся превратиться въ русскихъ дворянъ. Въ такомъ именно смыслѣ дѣлали заявленія слободско-украинскіе депутаты въ Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Особенно характерна въ этомъ отношеніи особая записка, представленная депутатомъ ахтырскихъ старшинъ Боярскимъ, гдѣ онъ доказывалъ, что всѣ лица, дослужившіяся до извѣстныхъ чиновъ или приобрѣвшія деревни, должны быть записаны въ дворяне. Первоначально довольно однообразный составъ слободско-украинскаго шляхетства теперь нѣсколько измѣнился: въ него вошло не мало представителей иноземнаго и великорусскаго элемента. „Многіе изъ великорусскихъ помѣщиковъ и иностранныхъ офицеровъ, говоритъ Боярский, поженились на дочеряхъ и внучкахъ этихъ лицъ (мѣстныхъ старшинъ), взявъ въ приданое деньги и другія владѣнія“ ¹⁾. Иностранные поселенцы Слободской украины вносили въ нее новыя начала европейскаго образованія и быта; тоже самое отчасти дѣлали и нѣкоторые изъ великорусскихъ дворянъ (тронутыхъ западно-европейской просвѣтительной стихіей). И вотъ въ самомъ началѣ XIX в. въ нынѣшнемъ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, среди наиболѣе прогрессивнаго сумскаго дворянства, мечтавшаго объ учрежденіи въ Сумахъ университета, возникаетъ у насъ *первый литературный кружокъ*. Душею и основателемъ этого кружка былъ сумской помѣщикъ Александръ Александровичъ Палицынъ, владѣлецъ села Поповки, по имени которой и весь кружокъ носилъ полупуточное названіе *Поповской академіи*. А. А. Палицынъ повидимому былъ недавнимъ поселенцемъ Слободской украины; по крайней мѣрѣ Палицыныхъ мы не находимъ въ спискѣ слободско-украинскихъ дворянъ 1767 г. Деревня Поповка была поселена сумскимъ протопопомъ ²⁾ Ан. Словенскимъ, а въ 1767 году помѣщикомъ тамъ былъ ахтырскій полковой обозный Сергѣй Савиновъ ³⁾. Александръ Александровичъ Палицынъ былъ писатель и вмѣстѣ съ тѣмъ архитекторъ. И семья его была проникнута любовью къ литературѣ и искусствамъ. Въ составъ его литературнаго кружка между прочимъ входили—Василій Назаровичъ

¹⁾ См. мою статью „Къ исторіи Екат. ком. для составленія проекта новаго уложенія“, стр. 21; это извѣстіе прямо подтверждается и напечатаннымъ мною спискомъ слободско-укр. дворянъ 1767 г.; см. мои „Матеріалы“, I, стр. 328—341.

²⁾ Отсюда она и получила названіе Поповки.

³⁾ Мои „Матеріалы“, I, стр. 263, 338.

двойственный, такъ сказать, характеръ воззрѣній В. Н. Каразина на воспитаніе: будучи горячимъ и убѣжденнымъ адептомъ западно-европейской науки, Василій Назаровичъ является въ своихъ проектахъ представителемъ русскаго направленія и сильно ратуетъ противъ воспитанія русскаго юношества иностранцами. А Григорій Саввичъ Сковорода говорилъ: „учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу, не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое родное“¹⁾.

Изъ приведенныхъ фактовъ и соображеній видно, что Григорій Саввичъ Сковорода замѣтно подготовилъ почву среди всѣхъ слоевъ украинскаго общества для воспріятія идеи объ учрежденіи здѣсь университета. Пусть же настоящія строки будутъ слабымъ актомъ признательности къ нему съ нашей стороны, тѣмъ болѣе что въ слѣдующемъ 1894 году исполнится столѣтіе со дня смерти этого выдающагося человѣка, стяжавшаго себѣ почетное прозвище украинскаго философа; въ немъ гармонически соединилась наука и этика; слово у него не расходилось съ дѣломъ; устная проповѣдь подкрѣплялась примѣромъ собственной жизни и потому онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Украинѣ и слава его перешла далеко за ея предѣлы.

Параллельно съ Григоріемъ Саввичемъ Сковородой дѣйствовало цѣлое образовательное учрежденіе—Харьковскій коллегіумъ (нынѣ духовная семинарія). Его просвѣтительное значеніе въ краѣ прекрасно выяснено въ монографіи почтеннаго профессора А. С. Лебедева и потому я на немъ долго останавливаться не буду. Не смотря на то, что коллегіумъ возникъ изъ духовной архіерейской школы (былъ основанъ въ 1726 году еп. Епифаніемъ Тихорскимъ), помѣщался въ монастырѣ, находился въ вѣдѣніи архіереевъ и содержался отчасти изъ своихъ имѣній, а отчасти изъ сбора съ монастырей и церковей, доступъ туда былъ открытъ для всѣхъ классовъ общества (и не только *de jure*, но и *de facto*); дѣти духовенства составляли въ немъ только преобладающее большинство. Въ жалованной грамотѣ Императрицы Анны Іоанновны говорится о коллегіумѣ такъ: „учить (въ немъ) всякаго народа и званія дѣтей православныхъ“. И такое училище не могло не вызвать къ себѣ всеобщаго сочувствія. Наибольше пожертвованій сдѣлали для него ген.-фельдмаршалъ князь М. М. Голицынъ, жившій тогда въ качествѣ главнокомандующаго въ Харьковѣ, и еп. Епифаній Тихорскій; первый подарилъ ему пять деревень и четыре хутора съ 650 душъ крестьянъ, второй три пустыни. Дѣло сразу же было поставлено

¹⁾ Укр. Стар. стр. 76.

на надлежащую почву. Для приготовления хороших учителей молодые люди командировались за границу.

Программа коллегіума была составлена приспособительно къ его всесловному характеру, притомъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширялась: очень рано введены были въ нее математика, архитектура, живопись, исторія, географія, французскій, нѣмецкій и итальянскій языки. Число учащихся было очень значительно—иногда доходило до 700—800 человекъ. Наибольшій контингентъ доставляло духовенство; но было не мало и свѣтскихъ лицъ и при томъ не только дворянъ, но и разночинцевъ. Столь значительное число учащихся свидѣтельствуетъ о сильномъ стремленіи къ образованію, въ особенности если мы примемъ во вниманіе печальную обстановку, въ которой находились многіе ученики: они должны были распѣвать канты подъ окнами харьковскихъ обывателей и выучивать въ бурсѣ уроки при свѣтѣ горящей лучины. Но эти бѣдники, все имущество которыхъ иногда состояло изъ „вязаночки книгъ да войлочка и подушки“, являлись истинными просвѣтителями юности, живя на кондичіяхъ у помѣщиковъ, купцовъ, священниковъ и даже мѣщанъ и обучая дѣтей ихъ разнымъ наукамъ. Харьковский коллегіумъ воспиталъ многихъ дѣятелей, занявшихъ потомъ выдающееся положеніе на разныхъ поприщахъ государственной службы; изъ него вышли также многія лица, занимающія видное мѣсто и въ исторіи мѣстнаго и обще-русского просвѣщенія. Достаточно указать на знаменитаго переводчика Иліады Гнѣдича, профессора Московскаго университета, создателя скептической школы въ русской исторіографіи, М. Т. Каченовскаго, перваго русскаго клинициста Григорія Ивановича Базилевича, Московскаго попечителя, Михаила Ивановича Ковалевскаго, попечителя Харьковскаго университета З. Я. Карпѣва, Нижегородскаго губернатора А. М. Руновскаго, директора педагогическаго института Я. В. Толмачева и др. И воспитанники коллегіума потомъ съ благодарностью вспоминали о своей alma-mater. Вотъ что говорить одинъ изъ нихъ сенаторъ Лубиновскій: „превосходное учебное заведеніе былъ Харьковский коллегіумъ, не взирая на всѣ недостатки его въ сравненіи съ нынѣшнимъ образованіемъ семинарій и вообще всѣхъ духовныхъ училищъ. Въ мое время управлялъ имъ префектъ Шванскій, мужъ равно почтенный по жизни и по учености. Былъ онъ особенно счастливъ въ выборѣ учителей: они имѣли рѣдкій даръ развѣивать въ молодыхъ людяхъ здравый смыслъ и внушать имъ охоту, страсть къ наукѣ, не умирающую, когда возбудится. Съ такимъ домашнимъ учителемъ и вышедши изъ школы чему не научишься! Предметовъ ученія было не много, но преподавались ревностно и основательно.

Убитка. Это, какъ мы уже говорили выше, были лица, близко стоявшія къ Г. С. Сковородѣ, А. А. Палицыну и В. Н. Каразину. Самое постановленіе о столь щедромъ пожертвованіи было вызвано, какъ видно изъ протокола, чтеніемъ „предначертанія о Харьковскомъ университетѣ“, составленнаго В. Н. Каразинымъ.

Это „предначертаніе“ было прочитано также въ общемъ собраніи Харьковскаго дворянства 30 авг. и въ связи съ рѣчью Каразина вызвало приговоръ о пожертвованіи 400000 р. на университетъ. Такъ какъ оно имѣло важныя практическія послѣдствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно отступало отъ утвержденного впоследствии устава Харьковскаго университета, то мы считаемъ необходимымъ познакомить здѣсь читателей въ наиболѣе существенныхъ чертахъ съ его содержаніемъ.

Совершенно справедливо замѣчаніе сына Василя Назаровича—Филадельфа Васильевича, что „университетъ его отца былъ не школа, по нѣмецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище“. По „предначертанію“ Василя Назаровича, это дѣйствительно должно было быть „всеучилище“—соединеніе различныхъ академій (наукъ, искусствъ, военной, инженерной, духовной), университета и низшихъ профессиональных школъ. Вмѣсто четырехъ факультетовъ онъ проектировалъ 9 отдѣленій:—1) общихъ познаній, 2) пріятныхъ искусствъ, 3) богословское, 4) гражданскихъ познаній, 5) военныхъ познаній, 6) врачебныхъ познаній, 7) гражданскихъ искусствъ, 8) отдѣленіе учености, 9) изящныхъ художествъ; сверхъ того для низшихъ классовъ—училище сельскаго домоводства и школа ремеслъ и рукодѣлій. Въ поясненіе этого „предначертанія“ Василій Назаровичъ составилъ для Министерства Народнаго Просвѣщенія записку и въ ней указалъ на мысли, которыми руководствовался, составляя планъ столь грандіознаго учебнаго заведенія. Россія, по его словамъ, находится въ такомъ счастливомъ положеніи, что ей удобнѣе создать новое, чѣмъ исправлять старое; этимъ правиломъ нужно руководствоваться и въ дѣлѣ устроенія университетовъ; ей незачѣмъ заимствовать готовые образцы съ запада, тѣмъ болѣе, что и тамъ уже они отжили свой вѣкъ. „Патріотическое приношеніе 70000 рублей ежегоднаго дохода, сдѣланное слободско-украинскою губерніей въ кассу правительства, съ единственною цѣлью имѣть возможность получать у себя многостороннее, высшее образованіе, неоспоримо доказываетъ, что просвѣщеніе въ ней распространено достаточно, для того чтобы поддерживать нѣсколько спеціальныхъ высшихъ училищъ, собраніе которыхъ въ одно цѣлое я и назвалъ университетомъ, чтобъ не придумывать другаго названія“. В. Н. Каразинъ имѣлъ съ теоретической точки зрѣнія серьезные мотивы, чтобы соединить въ

одномъ городѣ нѣсколько училищъ. При огромномъ разстояніи между населенными пунктами въ Россіи, удобнѣе всего было создать одинъ общій просвѣтительный центръ для нѣсколькихъ губерній; такимъ путемъ достигалось бы и нѣкоторое соединеніе сословій, столь сильно разобщенныхъ въ то время, развивался бы духъ товарищества и уменьшались бы издержки, необходимыя на заведеніе каждаго отдѣльнаго училища. „Наполнивъ, такъ сказать, цѣлый городъ учащимися, образовавъ изъ нихъ какъ бы особую колонію, я, говорилъ Василій Назаровичъ, думалъ тѣмъ усилить любовь къ занятіямъ взаимными примѣрами членовъ этой колоніи и распространить чрезъ то уваженіе къ образованію, облегчая въ то время и выборъ специальностей, смотря по природнымъ наклонностямъ каждаго“. Понятно, что при такихъ условіяхъ „Харьковскій университетъ могъ дѣйствовать на просвѣщеніе и пользу всего полуденнаго края Россіи“. „Можетъ ли произойти отъ того какой либо вредъ, спрашиваетъ Василій Назаровичъ, что изъ-подъ одной кровли будутъ выходить и филологи, и юристы, и математики, и богословы, и ученые воины, и художники, словомъ, люди всевозможнѣйшихъ специальностей?“ Для того чтобы поддерживать общеніе между профессорами, Каразинъ предлагалъ устроить при университетѣ ученое общество, въ которомъ могли бы принимать участіе и адъюнкты, и даже лучшіе студенты. „Ихъ могло бы быть нѣсколько родовъ; иногда для бесѣдъ о точныхъ наукахъ, другой разъ для бесѣдъ о нравственныхъ и политическихъ наукахъ, иной разъ о литературѣ и искусствахъ; иногда также для упражненій въ древнихъ языкахъ и вообще для разговоровъ о древностяхъ, наконецъ, для бесѣдъ объ изящныхъ художествахъ, о сельскомъ хозяйствѣ и пр. Всякій приносилъ бы въ эти собранія плоды своихъ занятій, своихъ опытовъ, сдѣланныхъ уже или только еще предполагаемыхъ, и былъ бы проникнутъ желаніемъ научить и научиться. Всякій приходилъ бы въ нихъ какъ бы въ общество своихъ друзей или родныхъ; время проводилось бы съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ пользою для общаго просвѣщенія края; это были бы настоящіе свободные лица или академіи безъ принужденія, безъ имени, безъ школьныхъ строгостей“. Понятно, что на содержаніе *такого* университета нужны были огромныя средства—и В. Н. Каразинъ находилъ ихъ въ своемъ проэктѣ безъ обремененія государственнаго казначейства. Ежегодно, по его расчету, нужно было 200000 / рублей; эта сумма должна была состояться такъ: 1) 20000 р. процентовъ съ 400000 р., пожертвованныхъ Харьковскимъ дворянствомъ, 2) 50000 ежегоднаго сбора съ купечества и гражданства (по $1\frac{1}{4}\%$ съ капиталовъ и половина откупной суммы), 3) 25000 р., назначенныхъ на

содержаніе военнаго училища, 4) 30000 процентовъ съ 600000 р., которые могутъ пожертвовать сосѣднія губерніи (6 по 100000 р. каждая), будучи подвинуты на это примѣромъ Харьковской, 5) 75000 ежегоднаго пособія, которое можетъ быть безъ всякаго обремененія получено правительствомъ изъ слѣдующихъ двухъ источниковъ: 50000 р. составить винный откупъ на четвертныхъ земляхъ и доходъ съ оброчныхъ статей слободско-украинской губерніи и 25000 р. процентовъ получится изъ вымороченнаго имуществва Кантемировъ (оно стоитъ 450000 р.). Казна, такимъ образомъ, по предположенію В. Н. Каразина, въ сущности не затрачивала бы ничего, и Харьковскій университетъ, по его плану, могъ бы явиться общественнымъ учрежденіемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Англіи, Америки. Общественный характеръ новаго университета проявился бы и въ его управленіи. Университетъ долженъ былъ находиться въ вѣдѣніи комитета изъ профессоровъ, а во главѣ комитета стоять директоръ, избираемый Харьковскимъ дворянствомъ. Кромѣ этого комитета, обязаннаго руководить учебной стороною дѣла, избиралась бы еще дворянствомъ особая коммиссія для завѣдыванія хозяйствомъ.

Обширности предпріятія должны были соответствовать и самыя размѣры *зданій*. В. Н. Каразинъ „предполагалъ устроить цѣлый отдѣльный учебный, такъ сказать, городокъ; въ серединѣ—садъ съ фонтанами; съ четырехъ сторонъ строенія: на фасадной сторонѣ 3 церкви—православная, католическая и лютеранская; на правой сторонѣ учебныя строенія; на лѣвой—жилища для студентовъ и профессоровъ, сообщающіяся съ лекціонными залами крытыми галереями; на задней—манежъ, гимнастическія залы и хозяйственныя помѣщенія. Планъ всего этого былъ представленъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія“ ¹⁾. Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ письмо покойнаго Филадельфа Васильевича Каразина къ Николаю Алексѣевичу Лавровскому, гдѣ повторяется почти тоже самое: „по плану университетскихъ построекъ, говорится тутъ, который былъ составленъ, по его идеямъ, архитекторомъ Васильевымъ, эти постройки должны были занимать огромное пространство на бывшемъ тогда еще пустомъ мѣстѣ за р. Харьковомъ (?) и составлять особый, такъ сказать, городъ, въ которомъ должны были жить и профессоры, и студенты (числомъ по крайней мѣрѣ до 3000) и всѣ сколько нибудь прикосновенные къ университету люди; планъ представлялъ четырехугольникъ, внутри котораго садъ съ бассейнами и фонтанами, а по сто-

¹⁾ Рус. Старина, 1875, октябрь, стр. 270.

ронамъ трехъ-этажныя зданія; на фасадѣ церкви: русская, католическая и лютеранская; позади четырехугольника разныя строенія для необходимыхъ, при такомъ множествѣ жильцовъ, потребностей¹⁾. Въ другомъ письмѣ Филадельфъ Васильевичъ дѣлаетъ поправку, говоря, что все это предполагалось построить не за р. Харьковомъ, а на Сумскомъ шоссе, на томъ мѣстѣ, которое и перешло вскорѣ въ собственность университета и гдѣ теперь университетскій садъ, ветеринарный институтъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ²⁾; это мѣсто, пространствомъ въ 318000 кв. сажень, уступали В. Н. Каразину за 6000 р.³⁾.

Таково было „предначертаніе“ В. Н. Каразина о Харьковскомъ университетѣ, его планъ и смѣта. Въ нихъ сказанъ весь Каразинъ со всѣми его достоинствами и недостатками—смѣлымъ, оригинальнымъ умомъ и широкими, но не практичными замыслами. Его творческій разумъ не удовлетворялся обычною колеєю и всегда стремился къ грандіознымъ предпріятіямъ; у него былъ постоянно слишкомъ широкій размахъ, котораго онъ не соразмѣрялъ съ условіями живой дѣйствительности. Невольно приходитъ здѣсь на мысль великолѣпный князь Тавриды Потемкинъ и его планъ грандіозныхъ построекъ во вновь возникшемъ Екатеринославѣ; тамъ между прочимъ долженъ былъ быть „университетъ купно съ академіей музыкальной или консерваторіей“. Но была и существенная разница въ проэктахъ того и другого: Потемкинъ все это хотѣлъ создать по мановенію державной воли Императрицы, для ея славы, совершенно внѣ всякихъ условій мѣстной живой дѣйствительности, въ только что строящемся городѣ, въ слабо заселенной еще территоріи; Василій же Назаровичъ основывалъ свой проэктъ на реальномъ фактѣ—сочувствіи южно-русскаго общества къ дѣлу просвѣщенія и только, по свойству своего характера, преувеличивалъ размѣръ этого сочувствія. Сочувствіе это выразилось въ осязательномъ дѣлѣ—пожертвованіи 400000 р. дворянствомъ одной Харьковской губ. Онъ вѣрилъ, что такъ же сочувственно отнесутся и другія сословія, и жители другихъ сосѣднихъ губерній—и опять таки будущее оправдало его ожиданія, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, на какіе онъ рассчитывалъ. Наконецъ, существовала огромная разница между „городомъ будущаго“ Екатеринославомъ (конца XVIII в.) и Харьковомъ (нач. XIX ст.). Теоретическія основанія проэкта В. Н. Каразина также заслуживаютъ вниманія. Въ самомъ дѣлѣ—можно было основательно познакомиться

¹⁾ Сборникъ писемъ Фил. Вас. Каразина къ Н. А. Лавровскому (рукопись).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Рус. Стар. 1875, октябрь, стр. 270.

съ устройствомъ университетовъ въ Германіи, но не переносить ихъ безъ всякихъ почти измѣненій на русскую почву; тамъ они представляли органической продуктъ мѣстныхъ историческихъ условій; у насъ же являлись чужеземнымъ растеніемъ, не вполне приспособленнымъ къ русской дѣйствительности. Трудно возражать (съ теоретической точки зрѣнія) и противъ мысли В. Н. Каразина о соединеніи подъ одной кровлей нѣсколькихъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній. Вѣдь и наши университеты въ своихъ факультетахъ соединяютъ въ себѣ 4 высшихъ специальныхъ школы; по мысли В. Н. Каразина, такихъ школъ было бы 8 или 9—разница количественная, а не качественная. И кто знаетъ? Быть можетъ, мы современемъ и перейдемъ къ такому именно типу университета. Во всякомъ случаѣ *тогда* осуществить его было легче потому, что естественныя науки не требовали такого количества кабинетовъ, лабораторій и т. п., въ какомъ нуждаются теперь. Припомнимъ кстати, что и въ настоящее время въ заграничныхъ университетахъ имѣется богословскій факультетъ (котораго добивался В. Н. Каразинъ), а у насъ въ Россіи предполагается устройство при университетахъ агрономическихъ институтовъ; что же касается военного отдѣленія, то оно должно было замѣнить военный корпусъ, который предполагалось, какъ мы знаемъ, устроить въ Харьковѣ; наконецъ, въ настоящее время Харьковъ имѣетъ и технологическій институтъ, и консерваторію, и профессиональныя школы. Слѣдовательно, Василій Назаровичъ только *слишкомъ рано* мечталъ обо всемъ этомъ; но въ своихъ мечтаніяхъ онъ, можно сказать, прозрѣвалъ будущія потребности г. Харькова...

Мысль В. Н. Каразина объ учрежденіи ученаго общества при университетѣ заслуживаетъ, конечно, самой полной симпатіи. Она вошла въ министерскій уставъ Харьковскаго университета и практически осуществилась съ открытіемъ „Общества наукъ“. Нельзя не воздать ему также должнаго уваженія за горячую вѣру въ общественныя силы тогдашней интеллигентной Россіи. Но едва ли будетъ справедливо объяснять эту вѣру исключительно личными, индивидуальными свойствами В. Н. Каразина—его увлеченіями и пылкой фантазіей: тутъ оказало свое вліяніе и само время. Невозможно описать того энтузіазма, который былъ вызванъ воцареніемъ Императора Александра и первыми шагами его государственной дѣятельности въ духѣ свободы и покровительства просвѣщенію: для этого нужно прочесть признанія современниковъ. Даже самые осторожные, практичныя люди, умудренные житейскимъ опытомъ, въ родѣ Г. Р. Державина, исполнены были самыхъ розовыхъ надеждъ на новую эпоху. Понятно, какъ долженъ былъ по-дѣйствовать на увлекающагося Каразина этотъ пышный расцвѣтъ „про-

свѣтительной эры“ либеральныхъ идей. Ему казалось, что Россія можетъ и должна сдѣлать гигантскій шагъ впередъ по пути прогресса, въ особенности на полѣ просвѣщенія, гдѣ она сильно отстала отъ Европы; облеченный безграничнымъ довѣріемъ государя, онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно энергіи и силы, чтобы всею душею отдаться служенію этой великой идеѣ. Надежда подвинуть южнорусское общество на пожертвованіе окрыляла его, тѣмъ болѣе что такое пожертвованіе на просвѣтительныя дѣла могло бы доказать, такъ сказать, политическую зрѣлость общества. Особенныя надежды онъ возлагалъ на слободско-украинское дворянство, которому онъ оказалъ огромныя услуги въ качествѣ депутата, ископотававшего подтвердительную грамоту. Харьковскому же дворянству онъ хотѣлъ предоставить высшую роль въ дѣлѣ управленія университетомъ; онъ исходилъ тутъ, какъ намъ кажется, не изъ узко сословныхъ исключительныхъ дворянскихъ интересовъ, а изъ убѣжденія, въ значительной степени справедливаго, что дворянство тогда было единственнымъ интеллигентнымъ слоемъ свѣтскаго общества, могущимъ принять на себя попеченіе объ общемъ благѣ. Впрочемъ Василій Назаровичъ былъ во всякомъ случаѣ не правъ передъ другими сословіями слободско-украинской губ.: онъ устранялъ ихъ отъ управленія университетомъ, между тѣмъ какъ они должны были, по его же прозекту, внести значительныя пожертвованія; неправъ онъ былъ и передъ населеніемъ другихъ губерній, желая привлечь его къ крупнымъ пожертвованіямъ и въ тоже время устраняя отъ всякаго вліянія на дѣла университета. Наконецъ, В. Н. Каразинъ ошибся даже и въ своихъ надеждахъ на Харьковское дворянство: оно повидимому относилось довольно равнодушно къ вопросу о прямомъ участіи своемъ въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета. Мы увидимъ далѣе, въ какой скромной степени оправдались надежды В. Н. Каразина на общественныя пожертвованія; несомнѣнно, что его расчеты были слишкомъ оптимистическіе, хотя едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что цифра пожертвованій была бы несравненно значительнѣе, если бы „предначертаніе“ Каразина не было такъ сильно видоизмѣнено и если бы его собственное положеніе такъ сильно не пошатнулось. Интересно, что извѣстный профессоръ и академикъ Парротъ, къ которому Василій Назаровичъ отправилъ на просмотръ свой прозектъ, отнесся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. „Прозектъ вашъ, отвѣчалъ Парротъ Каразину, доказываетъ, что вы глубоко обдумали вашу задачу и освободились отъ всѣхъ тѣхъ предразсудковъ, подъ вліяніемъ которыхъ составлялись уставы другихъ университетовъ, не исключая и нашего (Дерптскаго), самаго новѣйшаго; и я вполне сочувствую идеѣ вашей

обойтись безъ факультетовъ“. Отъ сужденія о 9 отдѣленіяхъ Каразина Парротъ воздержался, къ проекту о директорѣ изъ неуниверситетской среды отнесся повидимому съ очень тонкой и скрытой ироніей, а мысль объ ученѣмъ обществѣ горячо одобрилъ.

Вотъ это то „предначертаніе“ В. Н. Каразинъ читалъ и въ частномъ кружкѣ Харьковскихъ дворянъ, и въ общемъ собраніи 31 августа 1802 г., которое является исходнымъ моментомъ въ исторіи основанія Харьковского университета. Тутъ дѣйствительно рѣшалась судьба и самого В. Н. Каразина, и его проекта. Это былъ поистинѣ историческій моментъ: наканунѣ, 30 августа, происходило празднество пожалованія Харьковскому дворянству подтвердительною грамоты на его прежнія привилегіи. Оно было обставлено въ высшей степени пышно и торжественно, какъ это видно изъ сохранившагося его церемоніала¹⁾. 29 августа губернский предводитель лично попросилъ оповѣстить о предстоящемъ торжествѣ чиновниковъ, именитыхъ гражданъ и всѣхъ Харьковскихъ жителей; въ распоряженіе губернатора онъ командировалъ по одному молодому дворянину отъ cadaго уѣзда; онъ же просилъ черезъ двухъ дворянскихъ депутатовъ преосв. Христофора Сулиму, чтобы тотъ соборіѣ отслужилъ вечеромъ наканунѣ всенощное бдѣніе, а въ день торжества божественную литургію и молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Въ 7 часовъ утра 30-го августа дворянство собралось по первому сигналу изъ пушки въ генераль-губернаторскій домъ; въ 8 часовъ утра, по прибытіи туда губернатора и послѣ 2-го выстрѣла изъ пушки, были произнесены приличныя случаю рѣчи. Затѣмъ открылось торжественное шествіе въ Успенскую соборную церковь: впереди шель губернаторъ съ чиновниками; за ними четыре бывшихъ губернскихъ предводителя несли на подушкѣ изъ малиноваго бархата Высочайшую грамоту, въ сопровожденіи оркестра духовой музыки и хора, исполнявшаго сочиненныя на сей случай канты, 50 питомцевъ казеннаго училища со значками и губернскаго предводителя съ 10 депутатами; далѣе шло по 10 малолѣтнихъ дворянъ отъ cadaго уѣзда (харьковскаго, валковскаго, богодуховскаго, ахтырскаго, лебединскаго, сумскаго, змѣевскаго, изюмскаго и волчанскаго), со значками, гдѣ были изображены вензель государя съ девизомъ: блаженство всѣхъ и cadaго... Шествіе заключали уѣздные предводители, выступавшіе по парно со своимъ дворянствомъ и городской голова въ сопровожденіи гражданъ со значкомъ, на которомъ изображены были гербы губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ городовъ. Процессія сопровождалась пушечною паль-

¹⁾ См. Устинова. Харьковская Старина (Хар. Губ. Вѣд. 1878, № 19).

бою и колокольнымъ звономъ, а когда подошла къ собору, то была встрѣчена въ оградѣ преосвященнымъ, окропившимъ грамоту святою водою. Въ церквѣ грамота была положена на заранѣе приготовленное мѣсто, послѣ чего губернский предводитель далъ ее для прочтенія въ слухъ секретарю дворянства. Затѣмъ отправленъ былъ молебенъ и сказано подобающее слово; послѣ него литургія, а вслѣдъ за нею опять благодарственный царскій молебенъ. На обоихъ молебнахъ, при многолѣтн, было сдѣлано по 101 выстрѣлу изъ пушекъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквяхъ. Изъ церкви въ такомъ же порядкѣ процессія отнесла грамоту въ дворянскій домъ, гдѣ она была положена въ особомъ ковчегѣ. Затѣмъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ былъ обѣдъ съ участіемъ преосвященнаго, губернатора, чиновниковъ, городского головы и именитыхъ гражданъ. Во время стола играла музыка, пѣли канты и производились залпы изъ пушекъ. Вечеромъ былъ фейерверкъ и иллюминація во всемъ городѣ, при чемъ особенно роскошно иллюминированы были генераль-губернаторскій дворецъ и дворянскій домъ; тутъ были щиты, вензеля и прозрачныя картины; тогда же устроенъ балъ для чиновниковъ и гражданъ опять съ пушечною пальбою. Празднество 30 августа должно было, конечно, еще болѣе поднять настроеніе дворянъ. Но все таки положеніе В. Н. Каразина было очень затруднительное. По свойственному ему увлеченію, онъ уже довелъ до свѣдѣнія государя о желаніи Харьковскаго дворянства сдѣлать пожертвованіе на университетъ. Между тѣмъ среди съѣхавшихся на празднество дворянъ оказались и такіе, которые испугались крупной цифры взноса и готовы были энергично выступить противъ широкой „затѣи“ Каразина. Да и многихъ дѣйствительно могло смутить обязательство въ 1000000 р., котораго домогался В. Н. Каразинъ и которое ровно въ 10 разъ превосходило цифру, опредѣленную валковскимъ дворянствомъ.

Къ сожалѣнію мы не знаемъ подробностей достопамятнаго засѣданія 31 августа. Наши попытки найти ихъ въ архивныхъ документахъ Харьковскаго депутатскаго собранія не увѣнчались успѣхомъ; ихъ не сохранилось и въ томъ дѣлѣ объ основаніи Харьковскаго университета, которое является теперь для насъ главнымъ источникомъ. Но за то до насъ дошла рѣчь В. Н. Каразина, имѣвшая рѣшительное вліяніе на благоприятный исходъ всего дѣла. Она воспроизведена, очевидно, самимъ Василиемъ Назаровичемъ на страницахъ „Молодыка“ ¹⁾ и потому текстъ ея можетъ быть признанъ вполне достовернымъ.

¹⁾ Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 245—250; ср. Рус. Стар. 1875, февраль, стр. 333—336.

В. Н. Каразинъ былъ высокаго мнѣнія о естественныхъ богатствахъ Харьковской губ. и способностяхъ ея обитателей. „Мѣстное положеніе нашей губерніи, говорилъ онъ, дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній— сіе богатство, котораго по недостатку водяныхъ путей, не можетъ дѣлать съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи, призываетъ къ намъ людей, которые, наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкупать плоды своего ума, своего искусства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единомысленцевъ нашихъ, въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, способенъ прельстить самихъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода— науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ вспомнятъ священную для нихъ Грецію, которая первоначально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утонала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ“. Таковы естественныя богатства края; но они сильно приумножатся съ открытіемъ университета: Харьковская губернія можетъ быть для Россіи тѣмъ, чѣмъ были Аѣны для Греціи.

Тогда, говорилъ далѣе Василій Назаровичъ, „отъ насъ имперія будетъ заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ словѣ Божіемъ и нравахъ; мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли царской; мы посадимъ мудрость въ судахъ; купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія; изыдутъ витіи, стихотворцы прославятъ добродѣтель и благословенное нынѣшнее правленіе; мы доставимъ воспитателей россійскому юношеству; мы умножимъ число врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго дастъ надежду и отраду; ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образовываться“. За тѣмъ слѣдуетъ еще цѣлый рядъ надеждъ или, правильнѣе говоря, мечтаній болѣе общаго характера— о будущемъ развитіи Харькова, о богатствахъ, которыя польются въ него рѣкою и, наконецъ, о славѣ, которая будетъ прочнѣе мраморныхъ памятниковъ. Чтобы возбудить духъ соревнованія, ораторъ указываетъ на скудную природу сѣверной Россіи и требуетъ у своихъ земляковъ, чтобы они по крайней мѣрѣ сравнивались съ жителями Великой Россіи въ образовательныхъ средствахъ, имъ болѣе доступныхъ. Онъ заявляетъ, что у него нѣтъ никакихъ личныхъ мотивовъ въ этомъ дѣлѣ и что имъ руководитъ исключительно желаніе принести пользу своему краю, благо котораго

въ его представленіи было неразрывно связано съ пользами всей Россіи. „Моя жизнь, говорилъ онъ, принадлежитъ всему отечеству, но въ особенности краю, бывшему колыбелью моихъ понятій. Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность сдѣлать малѣйшее добро любезной моей Украйнѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исполняской Россіи“... Наконецъ, въ заключеніе В. Н. Каразинъ кается передъ дворянствомъ, что нѣсколько превысилъ свои полномочія—объявилъ уже Государю о желаніи Харьковскихъ дворянъ сдѣлать пожертвованіе на университетъ, до официальнаго постановленія, которое должно состояться въ нынѣшнемъ засѣданіи; и Государь позволилъ ему сказать его устами, что подвигъ, предпринимаемый Харьковскимъ дворянствомъ, пріятенъ ему.. „Исполнители его человѣколюбивыхъ и мудрыхъ велѣній увѣрили меня, говорилъ Василій Назаровичъ, что пріятно ему было назначить Украинну средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопредѣльные губерніи“. „Отъ васъ зависитъ теперь, высокопочтенное собраніе, такъ заключилъ свою рѣчь Каразинъ, оправдать меня или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника“.

Чтобы правильно понять значеніе этой рѣчи, нужно судить о ней не по нашему нынѣшнему впечатлѣнію, а по тому дѣйствию, которое она могла произвести (и дѣйствительно произвела) на тогдашнихъ слушателей; намъ она представляется теперь слишкомъ искусственной, напыщенной; но присутствіе въ ней реторика и гипербола объясняется съ одной стороны тогдашними литературными вкусами, съ другой—спеціальною ея цѣлью: В. Н. Каразину нужно было во чтобы то ни стало склонить Харьковское дворянство къ пожертвованіямъ, чтобы оправдать заявленіе, сдѣланное Государю; приподнятый тонъ считался необходимою принадлежностью всякой ораторской рѣчи;—и его старались держаться всѣ. Припомнимъ кстати, что реторика была предметомъ университетскаго преподаванія и что слава Рижскаго главнымъ образомъ основывалась на чтеніи этой именно науки. За тѣмъ само дворянство было настроено тогда чрезвычайно патріотично вслѣдствіе полученія подтвердительной грамоты. И Василій Назаровичъ удачно затронулъ въ своей рѣчи эту чувствительную струну: онъ говорилъ, что нужно достойно возблагодарить монарха, возвратившаго имъ права, „которыя время начало уже заглаживать“. Патріотическое настроеніе отражалось на литературномъ стилѣ всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя приходилось дѣлать дворянамъ; вспомнимъ протоколъ валковскаго дворянства: какимъ возвышеннымъ стилемъ написанъ онъ! Такимъ же характеромъ отличается отчасти, какъ увидимъ далѣе, и протоколъ общаго дворянскаго собранія 1-го

сентября 1802 года. Наконецъ, эта рѣчь Каразина соотвѣтствуетъ и особенностямъ личной психологiи его самого: въ его устахъ, при тогдашнемъ его настроенiи, она была совершенно естественна и натуральна; всегда онъ отличался восторженностью, въ застѣданiи же 31 августа для него, можно сказать, рѣшался вопросъ—быть или не быть; тутъ шло дѣло о дальнѣйшемъ довѣрiи къ нему Государя, которое явилось для него залогомъ всей будущей общественной дѣятельности; откажись дворянство отъ своего намѣренiя сдѣлать пожертвованiе на университетъ—его, конечно, выставили бы, какъ лицо, посягнувшее обмануть Государя, который питалъ къ нему полное довѣрiе. Конечно, съ его стороны не было обмана—тутъ дѣйствовало только увлеченiе и горячая увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла; онъ опирался на письменныя заявленiя губернскаго предводителя Донца-Захаржевскаго, Шидловскаго и др.; онъ получалъ, очевидно, аналогичныя извѣстiя и отъ командированнаго имъ въ Харьковъ Ушинскаго, и отъ свящ. Фотiева. „Воля ваша, говорилъ онъ въ своей рѣчи, изображенная въ *отзывахъ*, которыхъ я былъ удостоенъ, не должна ли была меня уполномочить дѣйствовать предварительно?“ Но онъ все таки не имѣлъ формальнаго права говорить съ Государемъ, прежде чѣмъ пожертвованiе не было рѣшено на общемъ собранiи дворянъ. Между тѣмъ тутъ возникла оппозицiя—и В. Н. Каразинъ долженъ былъ наперечъ всѣ свои силы, чтобы сломить эту оппозицiю. Можно представить себѣ то душевное состоянiе, въ какомъ онъ находился въ то время; можно понять и объяснить себѣ всѣ тѣ средства убѣжденiя, которыя онъ пустилъ въ ходъ, по словамъ записки его сына. И въ концѣ концовъ онъ восторжествовалъ благодаря своему увлеченiю. Мы не сомнѣваемся, что самъ онъ искренно вѣрилъ въ то, что говорилъ—вотъ гдѣ тайна огромнаго впечатлѣнiя, произведеннаго его рѣчью на слушателей. Извѣстно, что такимъ пылкимъ, искреннимъ фантазеромъ являлся онъ и въ другихъ случаяхъ своей жизни. Вотъ почему слушатели не замѣчали его преувеличенiй: его настроенiе сообщалось и имъ. Изложенное имъ грандиозное „предначертанiе“ новаго университета должно было произвести сильное впечатлѣнiе, подкупить его слушателей, склонить ихъ къ бѣльшимъ жертвамъ. Оно стояло въ полномъ соотвѣтствiи съ его горячими надеждами на то благотворное влiянiе, которое новое учрежденiе должно было произвести во всѣхъ сферахъ мѣстной жизни. Это не были одни только слова; Василiй Назаровичъ глубоко вѣрилъ во все это и высказывалъ такiя же мысли самому Государю. Нельзя не согласиться съ слѣдующимъ замѣчанiемъ Н. А. Лавровскаго: „имъ руководило страстное воодушевленiе идеей и горячее желанiе добра родной сторонѣ; а такiя побужденiя не осужда-

ются, но оправдываютъ естественныя увлеченія. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не было-бъ и университета въ Харьковѣ“ ¹⁾... „Двадцать пять лѣтъ спустя, говоритъ Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ то объ этой рѣчи при мнѣ и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ“ ²⁾...

Оппозиція была посрамлена: главнѣйшій представитель ея—изюмскій предводитель дворянства Капустянскій-Захаршевичъ,—даже самовольно ушелъ изъ залы засѣданій, чтобы такимъ образомъ помѣшать законности рѣшеній. По поводу этого оскорбительнаго для всѣхъ дворянъ выхода Донецъ-Захаржевскій потребовалъ отъ него объясненія, которое было дано Капустянскимъ. Оно составлено очень искусно и указываетъ на руку, изощрившуюся въ составленіи канцелярскихъ крючкотворныхъ отписокъ. Здѣсь изюмскій предводитель заявлялъ, что онъ не имѣлъ довѣренности отъ своихъ дворянъ принять за нихъ участіе въ подпискѣ на такую громадную сумму какъ 400000 р., тѣмъ болѣе что въ изюмскомъ уѣздѣ имѣется не мало дворянскихъ вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ мужей и отцовъ, убитыхъ въ разныхъ сраженіяхъ и умершихъ естественною смертію; имѣнія ихъ находятся въ опеку и безъ согласія опекуновъ налагать на нихъ сбора нельзя; да и вообще для такого обложенія нужно общее согласіе всѣхъ изюмскихъ дворянъ, начиная отъ генерала и оканчивая послѣднимъ прапорщикомъ.

Въ Харьковѣ же пріѣхало всего нѣсколько человѣкъ крупныхъ владѣльцевъ; правда, одинъ изъ нихъ доказывалъ ему, Капустянскому, что онъ можетъ подписаться за всѣхъ дворянъ своего уѣзда, но онъ считаетъ это незаконнымъ, такъ какъ „Всемиловѣйшій Государь не требуетъ жертвы, отягощающей судьбу и единаго изъ его вѣрноподданныхъ“; и потому пусть выдадутъ ему копію съ общаго постановленія, а онъ его доложитъ и разсмотритъ на сѣздѣ изюмскаго дворянства“ ³⁾. Само собою разумѣется, что такое требованіе, при всей его кажущейся основательности, было совершенно незаконно, ибо въ корнѣ подрывало право общаго дворянскаго собранія принимать обязательныя для дворянства всей губерніи постановленія и ставило рѣшеніе уѣзднаго собранія выше губернскаго.

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 65.

²⁾ Укр. Стар. стр., 124—125.

³⁾ Архивъ Харьк. Депут. Собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. Университета.

Рѣшеніе общаго дворянскаго собранія выразилось въ извѣстномъ протоколѣ отъ 1-го сентября 1802 г., который былъ напечатанъ уже нѣсколько разъ ¹⁾ и потому мы напомнимъ только его сущность. „Дворянство, говорится тутъ, обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди природнаго изобилія, на представляемые имъ удобства къ заведеніямъ всякаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить въ губернскомъ своемъ городѣ университетъ. Существованіе его, сопровождаемое благотворнымъ вліяніемъ наукъ на весь полуденный край Россіи, увѣковѣчитъ неоцѣнимыя къ намъ милости возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ“. Онъ долженъ былъ заключать въ себѣ 9 отдѣленій и 2 школы для людей низшихъ состояній. Для основанія его и въ обезпеченіе его существованія, дворянство изъ своихъ имѣній внесетъ 400,000 р., при чемъ въ составъ этой суммы, входитъ 100,000 р., ассигнованныхъ раньше на дворянскій корпусъ; остальные 300 т. руб. нужно будетъ собрать въ теченіе 6 лѣтъ. „Упомянутою суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сегодня“. Но такъ какъ обширность университета не совмѣстима со средствами одной губерніи и въ него будутъ поступать воспитанники изъ училищъ другихъ сосѣднихъ губерній, то харьковское дворянство предполагаетъ пригласить къ участію въ пожертвованіяхъ курскую, орловскую, воронежскую, новороссійскую, полтавскую и черниговскую губ., а также гражданъ другихъ сословій въ Слободской Украинѣ, испросивъ на это разрѣшеніе у Государя черезъ своего депутата В. Н. Каразина. Первоначальное устройство дѣла дворянство предполагало поручить университетской комиссіи въ составѣ трехъ членовъ, избранныхъ дворянствомъ. Вас. Наз. Каразинъ долженъ былъ ходатайствовать передъ Имп. Александромъ о слѣдующихъ пунктахъ: 1) чтобы харьковскому дворянству былъ уплаченъ причитающійся отъ казны за поставленные въ турецкую войну 1789 г. подводы долгъ въ размѣрѣ 66,910 р., имѣющій войти въ составъ 400,000 р. суммы на устройство университета, 2) чтобы позволено было для ускоренія дѣла занять подъ университетъ недостроенный домъ, предполагавшійся для присутственныхъ мѣстъ, 3) чтобы Высочайше пожалованная подтвердительная грамота (отъ 29 дек. 1801 г.) была распространена и на тѣхъ землевладѣльцевъ, которыхъ раньше она не коснулась (владѣльцевъ *четвертныхъ земель*)—и тогда они охотно будутъ вносить въ казну

¹⁾ См. Молодыкъ на 1844 г., стр. 251—253; Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 68—70; Украинская Старина Г. П. Данилевскаго, стр. 125—126; Русская Старина 1875, февраль, стр. 337—338, май, стр. 61—63; Хар. Г. Вѣд. 1878, № 20.

откупную сумму. Такова общая воля всего дворянства: „но дворянамъ, желающимъ въ большей мѣрѣ содѣйствовать къ приращенію назначаемой нынѣ суммы, предоставляется право изъявить согласіе и избрать къ тому средства, въ полной увѣренности, что они таковымъ подвигомъ сдѣлають предъ лицомъ Всемиловитѣйшаго Государя честь словію, коего они члены“. Подписались: губ. предводитель, 8 уѣздныхъ, 81 дворянинъ и прочіе ¹⁾.

Въ этомъ протоколѣ замѣтно отразилось вліяніе В. Н. Каразина: тутъ идетъ рѣчь и о дворянской комиссіи для устройства университета, и о 9 отдѣленіяхъ его, и о приглашеніи сосѣднихъ губерній къ пожертвованіямъ. Душею всего дѣла былъ, несомнѣнно, В. Н. Каразинъ, которому общее дворянское собраніе тогда же (1-го сентября) выразило чувства глубокой признательности за университетское дѣло особымъ адресомъ слѣдующаго содержанія: „Слободско-украинское губернское дворянство въ полномъ собраніи, рассмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего г. коллежскаго совѣтника В. Н. Каразина предначертаніе о заведеніи въ г. Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего края, въ изъявленіе благодарственныхъ своихъ чувствъ за таковую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испро-

¹⁾ Вотъ фамиліи подписавшихъ протоколъ: Губ. пред. двор. Вас. Донецъ-Захаржевскій, Харьк. уѣзд. предв. Дмитрій Щербининъ, Валков. уѣзд. пред. Мих. Шидловскій, Лебединскій—Алексій Алферовъ, Богодуховскій—надв. сов. Иванъ Куликовскій, Ахтырскій—Мих. Кондратьевъ, Волчанскій—кол. ас. Романъ Поклонскій, Купянскій—Райзеліонъ-Сошальскій, Сумской—кол. ас. Николай Кукозь-Яснопольскій, двор. сум. у. маіоръ Александръ Палицынъ, депутатъ харьк. у. Вас. Тихоцкій, ген. отъ кавал. Дунинъ, бригад. кн. Петръ Волконскій, кол. ас. Ив. Зарудный, депутат. куп. у. Іосифъ Абаза, помѣщ. волч. и изюм. уу. маіоръ Петръ Герсевановъ, пом. богодух. у. маіоръ Иванъ Чижевъ, шт.-ротм. Карповъ, маіоръ Егоръ Райковичъ, маіоръ Яковъ Черкасовъ, ротм. Дмитрій Хрущовъ, пом. ахтыр. у. кол. ас. Иванъ Боярскій, маіоръ Дмитрій Райковичъ, тит. сов. Шагаровъ, валк. депутат. маіоръ Ник. Зварыкинъ, пом. змiev. у. Петръ фонъ-Мейеръ, пом. змiev. у. Ник. Шидловскій, изюм. пом. кап. Евграфъ Хлоповъ, пом. куп. у. кап. Петръ Абаза, двор. богодух. у. Павелъ Крыской, депутат. ахтыр. у. подл. артил. Иванъ Ямпольскій, поруч. Иванъ Крымка, надв. сов. Ст. Абаза, надв. сов. Данило Шенгелидзеъ, надв. сов. Василій Лосевъ, стат. сов. и кавал. Григорій Шидловскій, ген.-лейт. Некалюдовъ, поруч. Иванъ Земборскій, прап. Георгій Квитка, изюм. пом. кол. ас. Николай Шидловскій, тит. сов. Дмитрій Квитка, ротм. Андрей Захаржевскій, шт.-ротм. Гр. Ковалевскій, надв. сов. Ефимъ Пономаревъ, маіоръ Яковъ Огроновичъ, поруч. Ник. Быковскій, кол. ас. Гр. Рышковъ, поруч. Гр. Огроновичъ, пор. Мартинъ Куликовъ, тит. сов. Павелъ Гевличъ, тит. сов. Антонъ Аксѣюкъ, пор. Мих. Грошовъ, маіоръ Петръ Ковалевскій, кол. ас. Алексѣй

сить Высочайшее соизволеніе, даетъ ему, г. Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу сочлену, похвальное свидѣтельство за подписаніемъ предводителей и депутатовъ дворянства¹⁾.

Одновременно съ этимъ рѣшеніемъ дворянства состоялось постановленіе о пожертвованіи харьковскаго городского общества²⁾. Оно собралось на засѣданіе съ тѣмъ, чтобы выслушать и обсудить извѣстное уже намъ отношеніе губернскаго предводителя дворянства отъ 27 августа.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и среди городского общества шла предварительная агитація въ пользу идеи объ учрежденіи въ Харьковѣ университета. Въ ней могъ принимать участіе и самъ Василій Назаровичъ, и въ особенности городской голова Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ, относившійся съ искреннимъ доброжелательствомъ къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета. Онъ, очевидно, игралъ такую же роль въ городскомъ собраніи, какую Каразинъ въ дворянскомъ. Въ началѣ протокола отмѣчается тотъ фактъ, что на основаніе университета въ Харьковѣ воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. Затѣмъ говорится: „видя въ учрежденіи семъ, независимо отъ тѣхъ благихъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе сему городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ съ своей стороны обя-

Краснокутскій, кол. ас. Ник. Драгомиръ, подпор. Ив. Назаренковъ, ротм. Петръ Иваницкій, надв. сов. Григорій Полтавцевъ, пор. Ник. Валка, маіоръ Ив. Бутовичъ, пор. Александръ Дискій, депутатъ капит. Ив. Пустовойтовъ, маіоръ Степанъ Лесевидскій, кол. ас. Фома Енишерлевъ, пор. Ник. Ковалевскій, полк. графъ Фед. Подгоричани, маіоръ графъ Мих. Подгоричани, надв. сов. Андрей Донецъ-Захаржевскій, дѣйств. стат. сов. Дмитрій Хорватъ, пом. Ник. Куликовскій, кап. Ник. Ковалевскій, депутат. Ник. Донецъ-Захаржевскій, надв. сов. Ник. Капинетъ, Евтихій Катрухинъ, Александръ Катрухинъ, кол. ас. Ив. Тихоцкій, ген.-лейт. Бердяевъ, кол. сов. Федоръ Зайковскій, тит. сов. Ник. Колядинъ, маіоръ Адріанъ Лесевидскій, кап. лейтен. Александръ Красовскій, поруч. Алекс. Лизогубъ, надв. сов. Вас. Стремоуховъ, надв. сов. Андрей Роштокъ, премьеръ маіоръ Болярскій, кол. сов. Федоръ Квѣтка, кол. ас. князь Дмитрій Кудашевъ, прал. Матвій Кипинскій, полк. Павелъ Тихоцкій, тайн. сов. Петръ Сабуровъ, и прочіе. Секретарь дворянства Иванъ Тихоцкій. (Харьб. унив. архивъ. Дѣло попеч. канцеляріи, № 1 по архиву, № 1 по картону).

¹⁾ См. мою рѣчь „О просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина“, стр. 11.

²⁾ См. Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 253—256 (тутъ онъ напечатанъ съ пропусками); Ж. М. Н. П. 1872, январь, стр. 70—72; Рус. Стар. 1875, май, стр. 64—65; Хар. Г. Вѣд. 1878, № 20. Мы имѣли въ своихъ рукахъ официальный списокъ его въ „Дѣлѣ объ учрежденіи Харьковскаго Университета“.

занностью соревновать благородному обществу дворянъ сей губерніи въ вѣрноподданнической благодарности Всемилостивѣйшему Государю и единодушно, по силамъ своимъ, опредѣляетъ^а: вносить въ пользу университета въ теченіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати съ капиталовъ, т. е. $1\frac{1}{4}\%$; 2) эта сумма впослѣдствіи можетъ быть увеличена, а кромѣ того болѣе зажиточныя лица изъ купческаго сословія готовы будутъ и на частныя добровольныя взносы; 3) ходатайствовать черезъ дворянскаго депутата В. Н. Каразина передъ Государемъ о разрѣшеніи имъ предоставить половину откупной суммы, идущей въ пользу города, на нужды университета; 4) пусть на ту же цѣль идетъ и весь наличный остатокъ этой суммы, накопившійся съ 1781 года; 5) просить г. губернатора пригласить къ пожертвованію всѣ уѣздныя и заштатныя города харьковской губ., такъ какъ и они несомнѣнно почувствуютъ выгоды отъ расширенія промысловъ и торговли. Въ заключеніе горожане просятъ ходатайствовать объ освобожденіи ихъ отъ постоевъ и постоянныхъ воинскихъ командъ. „По немуществу большей части здѣшнихъ городскихъ жителей и скудости жилищъ, заявляли они, постоянное пребываніе воинскихъ командъ и прочіе постой крайне отягощаютелны, какъ о семъ отъ городского головы 7 окт. 1801 г. во время Высочайшаго пребыванія въ Москвѣ уже прошеніе подано; особливо несомнѣсны будутъ постой тогда, какъ прежде, нежели умножатся дома, должно будетъ помѣщать великое число студентовъ и другихъ ученыхъ чиновниковъ, которые всеконечно наполнять сей городъ, коль скоро университетъ откроется; по сей причинѣ не соблагоизволить ли Всемилостивѣйшій Монархъ изъ особеннаго милосердія своего, изъ уваженія къ сооружаемому, по благодѣтельной волѣ Его, великому сему училищу, и къ скудости и малонаселенности города, уволить оный отъ постоя, исключая тѣхъ командъ, которымъ проходить будетъ должно“. Всѣ эти заявленія граждане поручали своему городскому головѣ Урюпину сообщить депутату В. Н. Каразину, съ тѣмъ, чтобы онъ довелъ ихъ до свѣдѣнія Государя.

Чрезвычайно любопытно вычислить сумму, пожертвованную купцами и гражданами, такъ какъ прежніе изслѣдователи не рѣшали этого вопроса,—за исключеніемъ г. Шугурова, который однако не приводитъ никакихъ данныхъ въ пользу своего расчета¹⁾, и отчасти г. Устино-

¹⁾ Кіевская Старина 1891, авг., 223; онъ полагаетъ, что она превышала 100000 руб.

ва ¹⁾. Намъ же удалось найти подлинную официальную вѣдомость пожертвованій купечества и гражданъ, доставленную губернаторомъ Бахтинымъ ²⁾.

По 1-му пункту—сумма, равная государственной подати или $1\frac{1}{4}\%$ съ капиталовъ, составляла ежегодно 2312 р. 60 к., а въ 10 лѣтъ—23,126 руб.; по 2-му—половина доходовъ съ виннаго откупа въ размѣрѣ 4314 р. $29\frac{1}{4}$ к., а въ 10 лѣтъ 43,142 р. $92\frac{1}{2}$ к.; по 3-му—остатокъ той же суммы за прежніе годы—7832 р. 25 к. ³⁾. Въ совокупности сумма пожертвованія должна была въ теченіе 10 лѣтъ составить такимъ образомъ капиталъ въ 72, 101 р. $17\frac{1}{2}$ к., который впрочемъ не опредѣляетъ точнаго размѣра городского пожертвованія: выдача откупной суммы не была ограничена десятилѣтнимъ срокомъ; съ другой стороны взыскать со всѣхъ остатокъ откупного капитала за прежніе годы было невозможно. Но кромѣ этой вѣдомости, доставленной губернаторомъ 9-го апрѣля 1804 г., мы имѣемъ еще другую, составленную университетскимъ казначеемъ 4 авг. 1806 г., которая нѣсколько расходится съ предыдущей ⁴⁾. Въ этой послѣдней мы находимъ слѣдующія цифры: по 1-му пункту (съ капиталовъ) слѣдовало получать по 2488 р. 35 к. въ годъ; по 2-му—получалось въ 1803 г.—4314 р. $49\frac{1}{2}$ к., въ 1804 г.—1605 р. $7\frac{1}{2}$ к., въ 1805 г.—1281 р. 32 к.; такимъ образомъ, приходъ по этой статьѣ постепенно уменьшался; по 3-му—5832 р. 25 к. ⁵⁾. Во всякомъ слу-

¹⁾ Г. Устиновъ дѣлаетъ подсчетъ по 1-й статьѣ— $1\frac{1}{4}\%$ съ капиталовъ и опредѣляетъ ее въ 4476 руб. $6\frac{1}{4}$ коп. годовыхъ. Всѣхъ купеческихъ капиталовъ въ 1802 г., говоритъ онъ, числилось 152, въ томъ числѣ: 1-й гильдіи всего 2 (Борисъ Каменевъ и Ѳеодоръ Карповъ), 2-й гильдіи—4 (Павловъ, Карпова Пелагея, Анникѣевъ и Курдюмовъ), 3-й гильдіи—146. См. Устинова. Харьк. Старина. X. Г. В. 1878, № 40.

²⁾ Харьк. универ. архивъ. Дѣла канц. попечит. № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

³⁾ Вслѣдствіи открылось, что на самомъ дѣлѣ этого капитала было на 2 тыс. меньше, именно 5832 р. 25 к. (Ibidem).

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Сохранился любопытный именной списокъ харьковскаго купечества, подпавшаго приговору 1-го сентября 1802 г., о пожертвованіи на университетъ: „Андрей Анникѣевъ съ капитала 8005 р. $1\frac{1}{4}\%$ —100 р. $6\frac{1}{4}$ к., Ст. Курдюмовъ съ 2050—25 р. $62\frac{1}{2}$ к., Пв. Кушвинниковъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Сем. Мухинъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Авр. Бакуменковъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Мак. Жариковъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Вас. Скибицкій съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Ник. Проскуринъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Тим. Давыденко съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Вас. Ломакинъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Мат. Ларіоновъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Ив. Шиламовъ съ 2010—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Ив. Ворожейкинъ съ 2005 р.—25 р. $6\frac{1}{4}$ к., Вас. Зыкѣевъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Ив. Селива-

чаѣ поступленія отъ харьковскаго общества въ теченіи 10 лѣтъ должны были равняться отъ 50 до 70 т. рублей.

Постановленіе купечества и гражданства состоялось, какъ мы замѣтили выше, 1-го сентября, но было передано Урюпинымъ губ. предводителю дворянства только 6 октября. Виновникомъ замедленія впрочемъ былъ не Урюпинъ, а какія то постороннія обстоятельства, отъ него не зависѣвшія; по крайней мѣрѣ самъ онъ получилъ протоколъ только 4 октября. Тутъ дѣйствовало вліяніе мѣстной администраціи въ лицѣ тог-

новъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ав. Антоновъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Егоръ Урюпинъ съ 2025 р.—25 р. 31¹/₄ к., Вас. Животовскій съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ал. Ивановъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Дм. Барышовъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Еф. Медвѣдевъ съ 2010 руб.—25 р. 12¹/₂ к., Як. Комзевъ съ 2010 руб.—25 р. 12¹/₂ к., Тим. Спасскій съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ст. Онофріевъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ан. Золотаревъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Сем. Ильяшенко съ 2005 р.—25 р. 6¹/₄ к., Як. Высоцкій съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Бор. Фаворовъ съ 2020 р.—25 р. 25 к., Козьма Горяиновъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Як. Лемокъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Фастовъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Катонъ Беркосъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Масловъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ан. Лежебоковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Никулинъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Гончаровъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Мих. Бутенковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Андр. Панковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Дав. Мытинъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Прок. Неретинъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Косолаповъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ант. Писаревъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Глуховъ съ 2020 р.—25 р. 25 к., Ал. Бековцевъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., харьковскій купецъ Федоръ Карповъ, объявивши капиталъ 16,050 р., далъ согласіе взносить ежегодно въ теченіе 10 лѣтъ по 50 р., Мина Кушнинниковъ съ 2050 р.—25 р. 62¹/₂ к., Мих. Мяслянниковъ съ 2005 р.—25 р. 6¹/₄ к., Ал. Свѣшниковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Бор. Гувескій съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Мак. Угольской съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Петръ Бѣляевъ съ 2020 р.—25 р. 25 к., Кон. Карповъ съ 8050 р.—100 р. 62¹/₂ к., Е. Горемыкинъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Пант. Панченковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Мих. Литвиненко съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ос. Калашниковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ив. Сотниковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Мак. Рындиный съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ив. Ващенко съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Гр. Соляниковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Ворожейкинъ съ 2050 р.—25 р. 62¹/₂ к., Пант. Московъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Дм. Ковалевъ съ 2005 р.—25 р. 6¹/₄ к., Ал. Хавайченковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Е. Соловьевъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ан. Болгаръ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Лашеевъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Андреянъ Картавовъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ив. Угрюмовъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ст. Смирновъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Гр. Сѣриковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Вас. Клейменовъ съ 2012 р.—25 р. 12¹/₂ к., Нв. Павловъ съ 8010 р.—100 р. 12¹/₂ к., Верейскій купецъ Дм. Щелковъ съ 2008 р.—25 р. 10 к., харьковскій Борисъ Каменевъ съ 16100 р.—201 р. 25 к.; сверхъ же того онъ, Каменевъ—200 р.

А всего съ 181008 р.—2462 р. 60 к.

дашняго губернатора Артакова, который находился въ сильной враждѣ съ городскимъ головою Е. Е. Урюпинымъ. Вопросъ о военныхъ постояхъ былъ одинъ изъ самыхъ острыхъ и служилъ предметомъ настойчивыхъ ходатайствъ и представленій со стороны городской думы. Губернаторъ не хотѣлъ давать ему движенія; тогда горожане рѣшились воспользоваться благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и связать его съ дѣломъ открытія университета или иначе съ личностью сильнаго тогда своимъ вліяніемъ на Имп. Александра Вас. Наз. Каразина; нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній съ своей стороны общалъ имъ свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Артаковъ въ свою очередь 11 октября 1802 г. протестовалъ противъ внесенія въ протоколъ горожанъ и купцовъ пункта объ отягощеніяхъ, принимаемыхъ воинскими командами. Въ засѣданіи губернскаго правленія (17 октября) онъ даже кричалъ и угрожалъ Урюпину, такъ что тотъ долженъ былъ внести протестъ объ этомъ въ городскую думу ¹⁾. И нужно сознаться, что харьковскіе граждане были дѣйствительно доведены до крайности военными постоями при Имп. Павлѣ. Съ первыхъ же дней его царствованія были введены въ Харьковъ 3 кавалерійскихъ полка—малороссійскій, харьковскій легкоконный и александрійскій гусарскій. „Для квартирнаго размѣщенія и устроенія этихъ полковъ въ городѣ была учреждена тогда же особая контора. На ея обязанность возложено было построеніе каменныхъ казармъ; шефамъ и командирамъ были куплены, отдѣланы и меблированы частные дома—Мордвинова, Чайковского, Титова, Солнцева и др. Въ городѣ устроились заставы, шлагбаумы, ордонансъ-гаузъ кордегардіи, манежи, часовые, будки и гауптвахты. До постройки казармъ размѣщеніе самыхъ войскъ по преимуществу было сосредоточено за р. Харьковомъ въ заселенныхъ участкахъ Вознесенскаго прихода и Немышлянской пригородной слободы“ ²⁾. „Такая постоянная повинность, говорить г. Устиновъ, обременительная по своимъ размѣрамъ въ высшей степени, дѣлалась невыносимою вслѣдствіе неравномѣрнаго и пристрастнаго распредѣленія ея для городскихъ жителей. Несмотря на то, что законъ прямо требовалъ размѣщенія военныхъ чиновъ по всѣмъ обывательскимъ дворамъ безъ исключенія, размѣщали ихъ только по дворамъ бѣднѣйшихъ и безчиновныхъ. Понятно, что при несоразмѣрно большомъ составѣ квартировавшихъ тогда въ Харьковѣ войскъ и при отно-

¹⁾ Устинова. Харьковск. Старина (Харьк. Губ. Вѣд. 1878, № 23).

²⁾ Устинова. Харьковъ въ нач. нын. столѣтія (Харьк. Кал. на 1886-й годъ, стр. 80—81).

сительно незначительномъ числѣ жилыхъ домовъ (1983 дома)¹⁾ въ городѣ, постоя, соединенные съ обязанностью давать еще даромъ дрова, свѣчи и т. п., могли разорить въ конецъ и безъ того небогатыхъ горожанъ тогдашняго Харькова“²⁾. Неудивительно, что съ воцареніемъ Имп. Александра харьковскіе обыватели послали въ Москву депутатомъ своего городского голову Урюпина и поручили ему ходатайствовать передъ новымъ Государемъ объ уничтоженіи постоянныхъ повинностей; это же ходатайство они внесли и въ протоколъ, касающійся университетскаго дѣла, и твердо стояли на своемъ законномъ правѣ входить съ ходатайствами къ верховной власти, несмотря на прямое противодѣйствіе губернатора. А власть губернатора надъ городской думой была тогда очень сильная. Эта послѣдняя должна была быть покорнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи. Объ этомъ между прочимъ свидѣлствуетъ слѣдующій фактъ. Шефъ драгунскаго полка Глазенапъ пожаловался на думу губернатору Сабурову (въ 1799 году) и этотъ послѣдній обратился къ ней съ предписаніемъ исполнить желаніе Глазенапа не позже какъ черезъ два дня, не отзываясь „недѣльными отзывами“, иначе „если послѣдуетъ хотя малѣйшее промедленіе, то присутствующіе думы не только отрѣшены будутъ отъ должности, яко неспособные, но и переданы сужденію по законамъ, какъ не исполнители предписаній начальства“³⁾. Такимъ энергичнымъ языкомъ считалъ возможнымъ губернаторъ говорить съ представителями „именитаго гражданства и купечества“! Губернаторъ Артаковъ заговорилъ съ Урюпинымъ такъ энергично, что тотъ долженъ былъ искать защиты сначала въ городской думѣ, а потомъ и у министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея. Сохранился текстъ жалобы, поданной Урюпинымъ министру внутреннихъ дѣлъ на Артакова, результатомъ которой была отставка этого послѣдняго⁴⁾ (въ ноябрѣ 1802 г.), а въ іюлѣ

¹⁾ Всѣхъ жителей мужеск. пола въ 1802 г. въ Харьковѣ было 5373, которые по сословіямъ распались такъ: купцовъ 406, мѣщанъ и цеховыхъ—876, разнаго званія казенныхъ поселянъ—3415, помѣщичьихъ крестьянъ—413, неплатящихъ податей—дворянъ, священно-служителей—263 (см. изданное мною „Опис. Слоб. Укр. губ.“ 1802 г., стр. 16—17).

²⁾ Харьк. Кал. на 1886-й годъ, стр. 83.

³⁾ Ibidem, стр. 82.

⁴⁾ Ibidem, стр. 102—104. Пок. проф. Борисякъ, по воспоминаніямъ старика А. А. Абазы, лично присутствовавшего при открытіи университета, сообщаетъ о существованіи нѣкотораго недовѣрія у харьковскаго купечества „къ дворянской затѣ“. Не отрицая вполнѣ этого факта, тѣмъ не менѣе не считаемъ возможнымъ принять цѣликомъ рассказъ Абазы, потому что онъ изобилуетъ неточностями и анахронизмами; пожертвованіе отнесено къ 1804 г., между тѣмъ какъ на

1803 г. были отменены Имп. Александромъ и пресловутые шлагбаумы, кордегардіи и т. п. ¹⁾.

Но въ сентябрѣ и октябрѣ 1802 г. Артаковъ былъ еще въ полной силѣ и рѣшительно подавлялъ всякій протестъ противъ воинскихъ постоевъ.

Представленіе объ освобожденіи Харьковскаго купечества и мѣщанства отъ воинскихъ постоевъ на 10 лѣтъ со времени основанія университета было дѣйствительно сдѣлано Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, но Императоръ Александръ не счелъ возможнымъ его удовлетворить въ полной силѣ, хотя и объявилъ все таки, что „во уваженіе не обстроенаго еще положенія сего города и во вниманіе къ заводимому въ немъ университету, при расположеніи войскъ по квартирамъ, всегда будетъ наблюдаемо со стороны правительства, чтобы городъ безъ крайней нужды не былъ отягчаемъ воинскимъ постоемъ, о чемъ сообщено и военному министру (13 декабря 1803 г.) ²⁾. Въмѣстѣ съ симъ, согласно разъясненію губернатора Артакова, государь нашелъ затруднительнымъ для Харьковскаго купечества обязательный ежегодный взносъ половины винной откупной суммы, такъ какъ это обязательство могло бы вполнѣ поставитъ городъ въ затруднительное положеніе, и предложилъ, чтобы опредѣленіе объ этомъ дѣлалось ежегодно въ зависимости отъ городскихъ доходовъ и расходовъ ³⁾ (25 мая 1803 г.).

Цеховые и мѣщане, еще болѣе обремененные этой тяжелой повинностью не сочли возможнымъ сдѣлать пожертвованія на университетъ и отклонили предложеніе, сдѣланное имъ въ этомъ смыслѣ городской думой. Въ

самомъ дѣлѣ оно имѣло мѣсто въ 1802 году; городскимъ головою названъ Карповъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ былъ Урюпинъ; малолѣтній сынъ купца Спасскаго (крошка Иванъ) будтобы произнесъ передъ публикой рѣчь, которая произвела огромное впечатлѣніе и вызвала пожертвованія..., между тѣмъ какъ въ извѣстномъ намъ официальномъ собраніи купцовъ и гражданъ (1-го сент.) малолѣтній Спасскій вовсе не могъ говорить никакой рѣчи; купечество, вопреки утвержденію автора воспоминаній, приняло на себя обязательство дѣлать взносы въ теченіе 10 лѣтъ (кромя частныхъ пожертвованій). Быть можетъ, рассказъ имѣетъ какое либо реальное основаніе, но только относится къ другому (болѣе позднему) моменту и происходилъ при другой обстановкѣ. См. статью Н. Д. Борисяка „Изъ прошедшаго“ (Х. Г. Вѣд., 1873 г., № 140). О купцѣ Спасскомъ документально извѣстно только, что онъ въ 1804 году пожертвовалъ на университетъ 500 руб. (Харьк. Унив. архивъ. Дѣла канц. попеч., № 1 по архиву, № 1 по картону).

¹⁾ Харьк. Кал. на 1886-й годъ, стр. 83.

²⁾ Харьк. университетскій архивъ, дѣло канц. попечителя, № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

³⁾ Ibidem.

отвѣтъ на обращеніе городской думы магистратъ писалъ, что цеховое общество понимаетъ очевидную пользу отъ учрежденія въ Харьковѣ университета; оно знаетъ, что вслѣдствіе этого умножится городское населеніе, увеличится торговля, обороты денегъ, промыслы; но, отбывая лично и общественно разнообразныя повинности (государственныя и городскія) и въ особенности держа постои, они едва въ состояніи пропитать самихъ себя и потому денежнаго пособія на университетъ сдѣлать не могутъ. Подписались—ратманъ Иванъ Бутенковъ и секретарь Егоръ Майстренко (20 октября 1802 г.) ¹⁾. Точно въ такомъ же смыслѣ отозвалось и мѣщанское общество въ отвѣтъ на предложеніе городничаго ²⁾. Тутъ, какъ мы видимъ, было сочувствіе благому дѣлу, но не было ни малѣйшей возможности оказать ему матеріальной поддержки. О сочувствіи низшихъ слоевъ Харьковского общества къ учрежденію университета краснорѣчиво и наглядно свидѣтельствуетъ пожертвованіе *войсковыхъ обывателей*, т. е. потомковъ бывшихъ слободскихъ казаковъ. Подражая примѣру дворянъ и гражданъ, они уступили безвозмездно въ пользу университета участокъ земли въ 125 десятинъ по Сумскому шоссе изъ дачи, пожалованной предкамъ ихъ, слободскимъ казакамъ, и обмежеванной къ городу Харькову ³⁾. Земля эта еще въ 1-й половинѣ

¹⁾ Устинова. Харьковская Старина (Х. Г. В. 1878, № 23).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Вотъ сдѣланный нами списокъ съ подлиннаго крѣпостного акта, хранящагося при дѣлахъ университета.

По указу Его Императорскаго Величества въ слободско-украинской палатѣ гражданскаго суда по выслушаніи предложенія г. дѣйств. статск. сов. здѣшняго гражданскаго губернатора, коимъ прописываетъ: харьковское общество войсковыхъ обывателей прошлаго 1804 г. апрѣля 8-го числа заключило приговоръ такого содержанія, что какъ дворянство слободско-украинской губ., купечество и мѣщанство учинили приношеніе въ пользу Харьковского университета, первые изъ собственности, а послѣдніе изъ городскихъ доходовъ и добровольныхъ складокъ и удостоено оное всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества благоволенія, то и они, чувствуя Высокомонаршія милости, изливаемые на здѣшній край, ознаменованныя и самимъ учрежденіемъ здѣсь для народнаго просвѣщенія университета, ревностно желаютъ подражать примѣру дворянъ и купечества, въ засвидѣтельствованіи ихъ усердія и всеподданнѣйшаго повиновенія, по будучи неумиши составить отъ себя денежную сумму, полагали, буде строеніе университета назначится въ урочищѣ номѣркахъ по Сумской дорогѣ, то землю подъ оный въ дачѣ, обмежеванной къ городу Харькову въ ихъ владѣніе, пожалованной предкамъ ихъ слободскимъ казакамъ, отвести не требуя никакого удовлетворенія съ вершины оврага Глибокаго отъ дороги, лежащей изъ слободы Лозовой въ Харьковъ, шириною до межи помѣщика Бондаревского и хутора Клочковского, а длиною отъ

оврага Глибокаго до предѣловъ города, не распространяя однакожь того приговора на законныя помѣщичьи полосы, лежащія внутри той земли, каковой приговоръ и поручили волостному ихъ головѣ и двумъ изъ войсковыхъ обывателей представить къ нему господину губернатору и просить: буде означенное мѣсто признано будетъ способнымъ, не оставить куда надлежитъ представленіемъ, что самое оной голова съ обывателями и исполнили. Онъ г. губернаторъ, удостовѣрся о единодушномъ согласіи на сіе приношеніе наличнаго харьковскихъ обывателей общества, писалъ о томъ къ г. попечителю университета. Получа же отъ него отзывъ, что онъ рѣшился избрать оное для расположенія университета и всѣхъ зданій къ оному принадлежащихъ, доносилъ объ ономъ г. министру внутреннихъ дѣлъ его сіятельству графу Виктору Павловичу Кочубею, съ представленіемъ при томъ и плана означенной земли, лежащей по Сумской изъ Харькова дорогѣ въ урочищѣ помѣркахъ и содержащей въ себѣ кромѣ помѣщичьихъ полосъ, внутри ея состоящихъ, всего сто двадцать пять десятинъ шестьсотъ тридцать девять сажень, испрашивая касательно отвода ея подъ университетъ разрѣшенія. Вслѣдствіе чего и имѣлъ счастье получить въ 12-й день іюня 1804 г. Высочайшее именное Его Императорскаго Величества повелѣніе о объявленіи Харьковскимъ войсковымъ обывателямъ, уступающимъ въ пользу Харьковского университета землю, особеннаго Его Величества благоволеніе и объ отдачѣ оной земли въ распоряженіе университета по принятіи ее надлежащимъ образомъ. Нынѣ жъ правленіе оного университета относится къ нему г. губернатору о доставленіи оному на объясненную уступленную обывателями землю слѣдующаго укрѣпленія; въ разсужденіи чего онъ г. губернаторъ предлагаетъ сей палатѣ о выдачѣ университету на ту землю на законномъ основаніи данной учинить свое опредѣленіе и его о послѣдующемъ увѣдомить. Вслѣдствіе чего по заключенной въ сей палатѣ резолюціи истребована чрезъ Харьковского городничаго съ приговора, учиненнаго Харьковскаго общества войсковыми обывателями копія, изъ которой явствуется, что они, обыватели, выше прописанную землю по согласію общества отдали подъ построеніе Харьковского университета. Изъ присланной же Харьковскимъ нижнимъ земскимъ судомъ оцѣнки, учиненной посторонними дворянами оной землѣ, значить, что по личному той земли обозрѣнію имѣется въ числѣ оной не малое количество песчаной, а на нѣкоторой части порыты ямы во время дѣланія кирпича, въ иныхъ же мѣстахъ отъ нолой воды подѣзались глубокіе и обширные рвы, то хотя сія земля по состоянію ея близъ города стоитъ высшей цѣны противъ прочихъ мѣстъ, но въ разсужденіи немалаго числа вышеозначенной неудобной, полагають цѣновщики всей оной, сколько по приговору отдано, равную по сложности цѣну каждой десятины по десяти рублей, почему и составитъ за сто двадцать пять десятинъ съ саженьми всего тысяча двѣсти шестьдесятъ рублей. Потомъ правленіе Императорскаго Харьковского университета отношеніемъ сей палаты дало знать, чтобы слѣдующую университету на упомянутую землю данную выдать подъ росписку синдика адъюнкта Васильева, которому на совершеніе оной данной и пошлинные деньги вручены; для того въ палатѣ 1805 г. іюня 30-го опредѣлено: какъ указомъ 1774 г. января 27 дня повелѣно: „Данные выдавать во всемъ на таковомъ основаніи, на какомъ даются обыкновенныя крѣпости, то есть на бумагѣ такихъ цѣнъ, какія по количеству суммы на крѣпости употребляются, и при совершеніи оныхъ пошлины взыскивать; для того на упо-

шествуя Высочайшимъ намѣреніямъ, возжелало показать искреннее участіе въ заведеніи семъ пособіемъ денежнымъ безъ налога на крестьянъ, но отъ собственныхъ своихъ избытковъ и опредѣлило дать отъ имѣній дворянскихъ по числу душъ ревизскихъ и послѣ оной причисленныхъ отъ каждой по 1 рублю въ теченіе 10 лѣтъ, внося оную ежегодно въ капиталъ по 10 коп. Каковое положеніе дворянскаго собранія не приводя въ дѣйство по небытію всѣхъ вообще дворянъ въ собраніи пре-
провождено было отъ меня на основаніи опредѣленія дворянскаго собра-
нія къ гг. уѣзднымъ дворянскимъ предводителямъ—Екатеринославскому, Новомосковскому, Павлоградскому, Ростовскому и Бахмутскому для оповѣщенія онаго всему въ губерніи пребывающему дворянству и при-
глашенія ихъ въ участія семъ, дабы тутъ ознаменовалась каждого дво-
рянина добрая воля, а не одно положеніе дворянскаго собранія.

Содѣйствіемъ гг. уѣздныхъ дворянскихъ предводителей дворянство, и въ уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ съѣхавшееся, по приглашенію предводителя подтвердило подписками положеніе сіе, въ чемъ гг. пред-
водители отзывами своими ко мнѣ удостовѣрили, опредѣливъ—первые
четыре уѣзда внести таковую сумму по числу крестьянскихъ душъ отъ
имѣній дворянскихъ не сборомъ каковымъ либо, но отъ собственныхъ

канц. попечителя № 1 (по архиву), № 1 (по картону). Мы нарочно привели въ подлинномъ видѣ этотъ документъ, любопытный и по содержанию, и по языку. Откупная система дѣйствительно существеннымъ образомъ нарушала ихъ искон-
ныя права по части свободнаго винокурения и они надѣялись добиться такой
же подтвердительной грамоты, какую получило Харьковское дворянство, такъ
какъ въ старину этой привилегіей они пользовались наравнѣ со своей старши-
ной, превратившейся теперь въ дворянство. Добиваться обычнымъ порядкомъ
возстановленія своихъ правъ они не могли; оставался тотъ экстраординарный
способъ, какимъ пользовалось уже гражданство: дѣйствовать при посредствѣ но-
ваго училищнаго начальства и связать свое ходатайство съ пожертвованіемъ на
университетъ. Они сами прекрасно сознавали, что дѣло ихъ не легкое, но уто-
пающій хватается за соломинку; такой соломинкой былъ для нихъ графъ Потоц-
кій, къ которому они и обратили свои „робкія сердца“. Высочайшая благодар-
ность черезъ министра внутреннихъ дѣлъ была передана имъ 9-го іюня 1804 г.;
такую же благодарность одновременно съ этимъ получили гр. Подгоричани, кол.
сов. Квитка и дворяне Павловы, уступившіе даромъ свои земельные участки подъ
будущій университетъ 12-го сентября 1804 г. Министръ внутреннихъ дѣлъ извѣ-
щалъ Потоцкаго о выраженіи Высочайшаго благоволенія ген. Хорвату (за по-
жертвованныя имъ 5000 тысячъ р.) и о назначеніи изъ кабинета Высочайшихъ
подарковъ тремъ старшинамъ войсковыхъ обывателей и губернскому землемѣру
Драгомиру; старшины получили сукна на кафтаны съ галунами, а что было дано
землемѣру Драгомиру, мы къ сожалѣнію не знаемъ. Во всякомъ случаѣ онъ ока-
залъ въ дѣлѣ отвода земли университету очень важныя услуги.

помѣщичьихъ доходовъ ежегодно по 10 к. съ однимъ процентомъ, а Бахмутскіе вмѣсто расположенія на души отъ земли по числу состоянія оной за помѣщиками отъ каждой десятины удобной по $4\frac{1}{16}$ коп. въ теченіе 10 лѣтъ; каковой и причитается ко взносу ежегодно по числу душъ отъ уѣздовъ—Екатериин. съ 22095 д. 2430 р. 45 к., Новомосковского съ 17898 д. 1968 р. 78 к., Павлоградскаго съ 27647 д. 3041 р. 17 к., Ростовскаго съ 4650 д. 511 р. 50 к. и Бахмутскаго отъ земли 2874 р. $17\frac{1}{4}$ к., а всего въ годъ капитала 10103 р. 11 коп., процентовъ 722 р. 90 к., а въ 10 лѣтъ капитала и процентовъ 108260 р. $12\frac{1}{2}$ коп. Сія сумма по назначенію отъ начальства вноситься будетъ ежегодно въ то мѣсто, куда опредѣлено будетъ. О чемъ донесено было всеподданнѣйше Е. И. В. отъ управляющаго здѣшней губерніей г. вице-губернатора П. И. Невѣровскаго, а я имѣлъ честь представить о всемъ томъ мин. внутр. дѣлъ Е. С. В. П. Кочубею и въ соотвѣтствіи того, каковы послѣдовали къ нему г. Невѣровскому и ко мнѣ высочайшіе рескрипты, имѣю честь представить Вашему Сіятельству копій.

Покровительство и попеченіе Вашего Сіятельства на распространеніе народнаго просвѣщенія удостовѣряетъ Екатеринославское дворянство, что оно восчувствуетъ ваше благодѣяніе распространеніемъ и на здѣшнее губернское народное училище въ открытіи предложенной по высоч. конфирмованному прошлаго 1803 г. января 24 доклада гимназіи. Ананій Струковъ (5 апрѣля 1804 г.). Съ подлиннымъ свѣдѣн. кол. сов. В. Каразинъ ¹⁾. Суммы собирались уѣздными предводителями и отсылались въ университетъ.

Даръ Екатеринославскаго дворянства былъ принятъ съ благоволеніемъ государемъ и оно удостоилось слѣдующаго милостиваго рескрипта: „принявъ съ благоволеніемъ поступокъ Екатеринославскаго благороднаго дворянства, опредѣлившаго въ пользу учреждаемаго въ Харьковѣ университета составить единственно отъ избытковъ своихъ, безъ отягощенія крестьянъ налогомъ, довольно значущее приношеніе, я поручаю вамъ изъявить за сей благонамѣренный подвигъ и любовь къ истинному просвѣщенію отличное мое благоволеніе, какъ всему Екатеринославскому дворянству вообще, такъ и въ особенности предводителямъ онаго, въ знакъ уваженія моего къ сему похвальному подвигу дворянства и въ отличіе содѣйствія въ томъ вашего въ качествѣ предводителя, я призналъ за благо пожаловать васъ орденомъ Св. Анны 2-го класса, коего знаки при семъ для возложенія на васъ препровож-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло № 19 (по архиву), № 2 (по картону); ср. Дѣло поп. канд. № 1 (по архиву) и № 1 (по картону), стр. 41—42.

даю“ ¹⁾. Въ указѣ на имя губернатора государь прибавлялъ: „что же принадлежить до распространеніи на дѣтей Екатеринославскаго дворянства тѣхъ преимуществъ, какія для Харьковскаго благороднаго юношества по части ученія будутъ предоставлены, то какъ на основаніи общихъ о просвѣщеніи постановленій, такъ и особенно приносимымъ нынѣ въ пользу оного пожертвованіемъ Екатеринославское благородное юношество неоспоримое пріобрѣтаетъ на нихъ право (30 января 1804 г.)“ ²⁾.

Сборы дѣйствительно и стали поступать, хотя правильность ихъ нѣсколько нарушалась сложностью самой процедуры: университетъ долженъ былъ слѣдить за исправнымъ поступленіемъ ихъ отъ уѣздныхъ предводителей дворянства.

Херсонское дворянство откликнулось на призывъ только 21 мая 1806 г., т. е. тогда, когда университетъ былъ уже открытъ, ассигновавъ для него 40500 р., какъ это видно изъ слѣдующаго его протокола: „хотя мы и въ немаломъ нынѣ изнеможеніи отъ неурожаевъ, которые чрезъ многіе прошедшіе годы потерпѣли, и чувствуемъ отъ бывшихъ особливо же въ истекшемъ годѣ существовавшаго недорода, саранчи и жестокихъ зимъ, истребившихъ знатнымъ числомъ скотоводство и доведшихъ крестьянъ нашихъ до разстроеннаго состоянія, но при всѣхъ нашихъ истинныхъ чувствованіяхъ монаршихъ благодѣлій, усердствуя къ исполненію воли Государя Императора къ заведенію сихъ училищъ, общую дворянскую выгоду и пользу составить имѣющихъ, взнестъ единожды на всегда съ каждаго мужскаго пола души за дворянами въ здѣшней Херсонской губерніи нынѣ состоящія по одному рублю, что и составить 81000 р., расирѣдѣля оныя по равной половинной части на военное училище и Харьковскій университетъ, т. е. по 40500 р., но сборъ оныхъ не съ душъ и не вдругъ, а изъ собственныхъ хозяйственныхъ доходовъ и стяжаній произвестъ въ теченіе 10 лѣтъ, взнеся ежегодно въ капиталъ по числу состоящихъ за помѣщиками душъ за каждую по 10 коп., не отнимая воли, ежели кто пожелаетъ, и всѣ слѣдующія съ нихъ деньги взнестъ, начавъ сборъ сей съ будущаго 1-го января 1807 г.“ ³⁾.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя № 1 (по архиву) и № 1 (картона).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попечителя № 1 (по архиву), № 1 (по картону). Впрочемъ, скоро Херсонское дворянство раскаялось въ назначеніи суммъ Харьковскому университету и желало обратить ихъ на устройство уѣздныхъ училищъ въ губерніи (ibidem).

Значительно раньше, подражая примѣру Харьковскаго гражданства, ассигновали извѣстныя суммы, въ зависимости отъ своихъ скромныхъ средствъ, и нѣкоторые уѣздные города Харьковской губерніи. Валковское купечество и гражданство обязались вносить въ пользу университета со дня приговора (18 ноября 1802 г.) ежегодно изъ доходовъ за винный откупъ по 1000 р. и сверхъ того остатокъ прежней суммы, которой накопилось 4027 р.; Богодуховское купечество и гражданство—1000 р. ежегодно и 7549 р. 50³/₄ к. остатка; Ахтырское купечество также 1000 р. ежегодно; Лебединское единовременно 300 р.; Сумскіе жители положили ежегодно давать по 148 р. да единовременно ¹⁾ 10; Зміевскіе единовременно 35 р.; Купянское купечество постановило взнести въ пользу университета 2000 р., причитающихся имъ за домъ, купленный въ Харьковѣ у Мордвинова г. губернаторомъ Тепловымъ; итого ежегодно выходило по 3148 р. и единовременно 9921 р. 50³/₄ к. ²⁾.

Въ теченіе 10 лѣтъ такимъ путемъ должна была составиться сумма свыше 40 т. рублей.

Наконецъ, кромѣ сословія откликнулись на призывъ къ пожертвованіямъ и отдѣльныя личности; имена нѣкоторыхъ изъ нихъ были уже отмѣчены прежними изслѣдователями; я же имѣю возможность представить полный списокъ этихъ „благодѣтелей“. Слоб. Укр. губернской предводитель дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскій пожертвовалъ въ 1805 г. 500 р., Харьковскій купецъ Спасскій—500 р. (въ 1804 г.), Харьковскій купецъ Каменевъ—200 р. (въ 1803 г.), обыватель Купянскаго уѣзда Юшковъ—200 р. (въ 1805 г.) ³⁾, коллежская асессорша Суровцова—150 р. (въ 1806 г.), Калуж. купецъ Мишуковъ—100 р. (въ 1804 г.); итого единовременно 1650 р.; ген.-лейтен. Осипъ Ивановичъ Хорватъ—5000 р. (въ 1803 г.) (въ теченіе 5 лѣтъ), Харьковскій именитый гражданинъ Аникѣевъ—3000 р. (въ 1803 г.), изъ коихъ 1000 р. немедленно, а 2000 р. въ 4 года по 500 р. ⁴⁾; всего отъ

¹⁾ Вотъ имена болѣе крупныхъ жертвователей: тит. сов. Ал. Гродницкій—15 р., Ел. Солодченковъ—15 р., прапорщикъ Як. Ефремовъ—10 р., затѣмъ идетъ рядъ лицъ, внесшихъ по 5 р., по 2 р. и по 50 коп.; всѣхъ 32 чел., въ томъ числѣ одна женщина Авдотья Чечулина (Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. канц. № 1 по архиву, № 1 по картону).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Войсковой обыватель Куп. уѣзда, писалъ Донецъ-Захаржевскій, Василій Юшка, въ изъявленіе усердія своего къ народному просвѣщенію представилъ въ пользу Харьк. Университета 200 р., а по истеченіи 4-хъ лѣтъ будетъ вносить по 50 р. пожизненно (ibidem).

⁴⁾ Харьк. унив. арх. Дѣла попеч. канц., № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

частныхъ благотворителей—9650 р. Были пожертвованія отъ частныхъ лицъ и землями—именно отъ графини Подгоричани, кол. сов. Квитки, дворянъ Павловыхъ. Они находятся въ связи съ уступкою обществомъ войсковыхъ обывателей участка земли по Сумскому шоссе. О нихъ можетъ дать понятіе слѣдующее письмо графини Подгоричани на имя попечителя Сев. Осип. Потоцкаго: „Господинъ губернской землемѣръ Драгомиръ объявилъ мнѣ, писала графиня, что чрезполосная земля моя, лежащая близъ города Харькова, за кантемировскимъ садомъ, можетъ быть для университета нужною, ежели мѣсто для строенія его избрано будетъ въ той части; вслѣдствіе чего честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, ежели дѣйствительно земля сія для университета будетъ надобна, то я съ великимъ удовольствіемъ въ пользу онаго ее отдаю безъ всякаго удовлетворенія. Мнѣ весьма пріятно, что при семъ имѣю случай засвидѣтельствовать вашему сіятельству отличное мое къ вамъ почтеніе и преданность, съ которыми честь имѣю быть. Варвара Подгоричани (14 апрѣля 1804 г.)“¹⁾.

Такимъ образомъ, сумма всѣхъ денежныхъ пожертвованій должна была превысить 658000 р. (400000 р. отъ Харьковскаго дворянства, 108260 р. отъ Екатеринославскаго, 60000 р. отъ Харьковскаго городского общества, 40500 р. отъ Херсонскаго дворянства, 40000 р. отъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губ. и 9650 р. отъ частныхъ благотворителей). Сюда не входитъ земля, пожертвованная войсковыми обывателями въ количествѣ 125 дес., такъ какъ она не поддается болѣе или менѣе вѣрной оцѣнкѣ (оцѣнка ея въ крѣпостномъ актѣ представляется слишкомъ низкой).

Такими значительными пожертвованіями выразили свое сочувствіе къ учрежденію университета въ Харьковѣ почти всѣ сословія—дворянство, купечество и гражданство, войсковые обыватели. Университетъ съ своей стороны отплатилъ имъ за это сочувствіе, воспитавъ нѣсколько поколѣній жителей г. Харькова, Харьковской губ. и всей полуденной Россіи; цеховые и мѣщане, какъ мы видѣли, также сочувствовали предпріятію В. Н. Каразина. Наконецъ, и духовенство, какъ мы увидимъ далѣе, отнеслось къ новому просвѣтительному учрежденію съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

И такъ, В. Н. Каразинъ достигъ поставленной цѣли: всѣ сословія Харьковской губ. и дворянство сосѣднихъ отнеслись сочувственно къ его плану; дворянство, и купечество и гражданство сдѣлали значительныя

¹⁾ Ibidem.

пожертвованія на университетъ, его „предначертаніе“ было одобрено украинцами; ему выдали благодарственный адресъ, довѣренности и копии протоколовъ; его избрали депутатомъ по университетскому дѣлу и даже ходатаемъ передъ престоломъ Императора Александра по нѣкоторымъ важнымъ сословнымъ нуждамъ. Теперь оставалось только ѣхать въ Петербургъ и дѣйствовать на мѣстѣ. Къ сожалѣнію, не смотря на то, что онъ около этого времени (8 сентября 1802 г.) получилъ важный постъ правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, личное довѣріе и расположеніе къ нему Императора Александра пошатнулось еще въ августѣ мѣсяцѣ до отъѣзда его въ Харьковъ, какъ это ясно видно изъ письма его къ Государю отъ 8 августа 1802 г. ¹⁾.

Пріѣхавши въ Петербургъ, В. Н. Каразинъ хотѣлъ представить лично государю всѣ документы по дѣлу объ основаніи Харьковскаго университета, но доступъ во дворецъ былъ для него закрытъ—онъ долженъ былъ передать ихъ въ главное правленіе училищъ ²⁾. Дѣло Харьковскаго университета, по мѣткому замѣчанію одного изъ біографовъ В. Н. Каразина, „пошло въ долгій съ разными потайными пружинами ящикъ“ ³⁾.

Начались справки, запросы въ разныя вѣдомства; сношенія министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго съ мин. внутрен. дѣлъ Кочубеемъ. В. Н. Каразина все это замедленіе волновало, беспокоило; онъ пишетъ пространное и горячее письмо гр. Кочубею, гдѣ умоляетъ его сдѣлать докладъ государю о Харьковскомъ университетѣ ⁴⁾. Въ началѣ января 1803 года Каразинъ написалъ Кочубею новое письмо съ просьбою

¹⁾ Письмо это приведено Филадельфомъ Вас. Каразинымъ. (См. Рус. Стар. 1875, май, 79).

²⁾ Рус. Стар. 1875, май, стр. 79—80; тутъ помѣщено и письмо его къ Государю, гдѣ онъ указываетъ на пожертвованіе и проситъ Государя „рѣшить участь воспитанія въ полуденной Россіи“.

³⁾ Ibidem, стр. 80.

⁴⁾ 4-го декабря 1802 г.; см. Рус. Стар. 1875, сент., 186; тутъ же между прочимъ говоритъ: „слишкомъ годъ неуспѣшно занимался я сею мечтою, двѣ тягостныя поѣздки предпринималъ я для нея. Наконецъ, она перешла въ событіе, она принята благосклонно монархомъ. Всѣ члены прежняго комитета, вмѣстѣ съ идеею учрежденія университетовъ, единогласно полагали одинъ изъ нихъ въ Харьковѣ, руководствуясь къ сему мѣстнымъ лишь его положеніемъ; дворянство и гражданство сей губерніи не только предварили сіе мнѣніе особъ, но обнаружили неожиданный и понынѣ въ своемъ родѣ единственный порывъ патріотизма“. Въ заключеніе Каразинъ замѣчаетъ, если это пожертвованіе будетъ оставлено втунѣ, то это только докажетъ, что попытки частныхъ лицъ, клонящіяся къ общественному благу, суть ничто иное какъ безразсудство.

ускорить докладъ. Наконецъ, докладъ государю дѣйствительно состоялся и былъ имъ утвержденъ. 24 января 1803 г. состоялось Выс. опредѣленіе объ учрежденіи Харьковскаго университета; тогда же созданъ Харьковскій учебный округъ и опредѣленъ попечителемъ его графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій.

Въ промежутокъ же времени съ сентября 1802 г. по конецъ января 1803 г. были разрѣшены многіе вопросы, представленныя Каразинымъ отъ имени Харьковскихъ сословій. Еще 30-го сентября Харьковскій губернаторъ получилъ отъ государя рескриптъ слѣдующаго содержанія: „усмотрѣвъ изъ донесенія вашего распоряженіе Слободскаго украинскаго дворянства взнести на устроеніе предполагаемаго въ Харьковѣ университета 400000 р., поручаю вамъ объявить дворянству за сей благонамѣренный его подвигъ мою признательность. Увѣрьте его, что мнѣ пріятно видѣть въ семъ новый опытъ любви его къ просвѣщенію и общественной пользѣ, но въ то же время изъясните ему упованіе мое, что вносимая на сіе заведеніе сумма составитъ единственно изъ избытковъ съ настоящихъ ихъ собственныхъ доходовъ и никакъ не обратится въ новый налогъ на поселянъ, ими владѣемыхъ, въ семъ послѣднемъ случаѣ при отягощеніи крестьянъ не могу и согласиться на принятіе пожертвованій дворянства. Въ С.-П. сентября 30 дня 1802 года. На подлинномъ подписано собственною рукою Е. И. В. Александръ“ ¹⁾. Этотъ рескриптъ является еще новымъ доказательствомъ заботливости государя объ интересахъ крестьянъ. Въ связи съ нимъ нужно, конечно, поставить и запросъ министра внутрен. дѣлъ гр. Кочубея, адресованный также Харьковскому губернатору. О немъ мы узнаемъ изъ отношенія губернатора къ губ. предводителю дворянства ²⁾.

¹⁾ Архивъ Харьк. депутат. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. университета.

²⁾ „Его сіят. г. министръ внутр. дѣлъ въ предписаніи ко мнѣ изъясняетъ, что министръ просвѣщенія сообщилъ ему, что при общемъ соображеніи плана о заведеніи университетовъ, разсматривая предположеніе на установленіе университета въ Харьковѣ, кол. сов. Каразинымъ представленное, находитъ онъ нужнымъ знать, на какомъ точно основаніи дворянство сей губерніи расположило добровольную на заведеніе сіе складку и что изъ имѣющихся донынѣ о томъ у него свѣдѣній, не былъ онъ въ возможности удовлетворительно отвѣтствовать на сей вопросъ, а потому требуетъ доставить къ нему точное и подробное свѣдѣніе, каковымъ образомъ дворянство къ сему предположенію приступило: изъ доходовъ ли своихъ собственныхъ положило оно составить сію складку и расчисленіе оной по душамъ, каждымъ помѣщикомъ владѣемымъ, не означаетъ ли новаго какого либо на крестьянъ налога или принято только для означенія той части, каковую каждый добровольно взнести обязался. Вслѣдствіе сего, изъясняя вамъ

Губернаторъ прекрасно зналъ, какъ должна составиться сумма пожертвованій въ 400000 рублей, и видѣлъ, что губернский предводитель ничего новаго сообщить ему не можетъ; тѣмъ не менѣе онъ требовалъ новыхъ объясненій...

Тутъ оказали свое дѣйствіе два обстоятельства—дѣло, поднятое предв. двор. Изюм. уѣзда Капустянскимъ, и тайное нерасположеніе губернатора къ предпріятію Харьковцевъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ приводимыя ниже письма губ. предводителя къ губернатору и В. Н. Каразину. „Сего числа, писалъ Донецъ-Захаржевскій Артакову, доставя вашему превосходительству на требованіе ваше о суммѣ, для университета въ Харьковѣ составляемой, свѣдѣніе, почитаю нужнымъ дополнить неоднократно мои донесенія. На счетъ переписки по сему Изюмскаго г. предводителя Капустянского я озабочиваюсь В. Пр. утрудить въ необходимости всею объ ней подробностію, дабы избѣжать могущихъ встрѣтиться неприяностей. Ваше превосходительство имѣвъ отъ меня точную копію съ приговора въ полномъ собраніи дворянства, бывшемъ по случаю добровольной складки для предполагаемаго университета въ Харьковѣ, общемою волею утвержденнаго, сказать мнѣ первоначально изволили, что Изюмскій предводитель сдѣлалъ доносъ противу онаго здѣшнему г. губернскому прокурору Евецкому, у котораго я просилъ о семъ свѣдѣніи, но онъ отвѣчалъ, что доноса не имѣетъ, а потомъ черезъ три дня В. Пр. сказать изволили, что и вы отъ Капустянского оный получили и напослѣдокъ неоднократно требовать изволили у меня свѣдѣніи, почему приговоръ дворянства названъ полнымъ собраніемъ, который доставленъ къ вамъ, никѣмъ даже и Капустянскимъ не возмущаемый.

Г. Капустянскій имѣлъ мое предложеніе, съ доставленіемъ отъ В. Пр. мнѣ присланной копіи съ предписанія бывшаго г. прокурора А. А. Беклешова, дабы онъ ѣхавъ въ Харьковъ предварительно на

таковое г. министра внутрен. дѣлъ требованіе, прошу васъ доставить противу онаго полное и ясное свѣдѣніе (24 декабря 1802 г.)⁴. Въ отвѣтъ на это губ. предводитель объяснилъ: дворянство на предполагаемый университетъ въ Харьковѣ положило составить сумму 400000 р. собственно изъ своихъ доходовъ, а дабы каждый владѣлецъ по мѣрѣ своего имущества равно участвовалъ, расчисленіе, что кому платить причитается, означено по числу душъ за каждымъ написанныхъ, какъ то въ приговорѣ, въ полномъ собраніи дворянства по предмету сему бывшемъ сентября 1-го числа подписанномъ, означено, съ коего копію къ вашему превосходительству доставилъ (декабря 30 1802 года). (Ibidem). Губернаторъ не удовлетворился этимъ объясненіемъ, потребовалъ прямого отвѣта на запросъ министра. Предводитель дворянства далъ ему прежній отвѣтъ (4 января 1803 года).

дому своему въ уѣздѣ трактовалъ съ дворянствомъ о составленіи добровольной складки; то могъ ли онъ безъ нарушенія должности, не подписавъ приговора или не возражая оному, буде былъ на то уполномоченъ, ѣхать изъ собранія, а потомъ собирать безъ позволенія дворянства и дѣлать въ уѣздѣ приговоръ на положеніе цѣлой губерніей учиненное. Неподписаніе Капустянскимъ общаго приговора въ собраніи относилъ я къ строптивости и неприличному его поведенію, которое укротить на основаніи высокой грамоты, пожалованной дворянству, не затрудняя правительства, предоставлялъ я предложить при первомъ съѣздѣ дворянства; непозволенный же созывъ дворянства и учиненная нѣкоторымъ числомъ подписка противу общаго положенія, отъ которой и подписавшіе съ нимъ оную отрекаются, отписывая ко мнѣ нѣкоторые, что они вовлечены г. предводителемъ къ подпискѣ по сокрытію отъ нихъ общаго въ губерніи согласія, что есть преступленіе его должности, которое и болѣе было бы обнаружено требуемыми отъ Капустянскаго бумагами, коихъ онъ по многихъ моихъ требованіяхъ не доставляетъ собранію дворянства; о чемъ уже двукратно утруждалъ я ваше превосходительство. Послѣ всего сего и когда ваше превосходительство сами видѣли Капустянскаго совершенно неприличные къ вамъ и даже самому себѣ обидные отзывы, мнѣ остается просить еще о строжайшемъ предписаніи г. предводителю Капустянскому доставить требуемыя собранію отъ него бумаги, которыя раскроютъ разнорѣчіе въ донесеніяхъ (30 дек. 1802 г.)¹⁾.

Гораздо откровеннѣе выражался Донецъ-Захаржевскій въ конфиденціальномъ письмѣ къ В. Н. Каразину. „Васъ, конечно, удивить, писалъ онъ къ нему, столько-жъ, какъ и меня, благорасположеніе г. губернатора нашего къ Капустянскому, которое я нахожу о немъ въ перепискахъ, ибо то, что только служить къ одобренію Капустянскаго, все, даже и съ собственныхъ его бумагъ и моихъ выпущено или-же переображено и какъ таковыхъ свѣдѣній я не могу имѣть формально, то прилагаю къ вамъ точныя копіи съ моихъ къ г. губернатору отношеній и Капустянскаго; прошу васъ, мил. гос., яко депутата нашего сообразить оныя и буде найдете противурѣчія съ оными, или приданный тонъ видамъ, представить подлежащія его сіятельству министру внутреннихъ дѣлъ объясненія, для чего и копія съ писемъ, потребныя къ сему, включаю. Я подозреваю весьма въ согласіи съ Капустянскимъ по отзывамъ о немъ г. прокурора Евецкаго тѣмъ паче, что онъ и при подридахъ на города здѣшніе имѣлъ подставнаго съ аттестатами своего

¹⁾ Ibidem.

тестя и соглашалъ на кондиціи, противныя правамъ, пожалованнымъ здѣшнему краю, ибо какъ возможно, вѣдая поступки Капустянского и когда онъ неоднократно видѣлъ его въ развращенномъ состояніи, говорить о немъ съ одобреніемъ. Мнѣ очень прискорбно, что я васъ затруднить долженъ, равно и вы пожалѣйте меня, что я озабочиваюсь тогда, когда только бы ожидать долженъ благоволенія за усердіе къ общему благу, которому вамъ извѣстная партія Хорвата съ Максимовичемъ въ самомъ началѣ дѣлала возраженія, а напоследокъ и г. губернаторъ, и прокуроръ протестируютъ. Закрываю все искреннѣйшимъ почтеніемъ и преданностью¹⁾.

31 января 1803 г. послѣдовалъ новый Высочайшій милостивый рескриптъ Харьковскому дворянству уже безъ той оговорки, которая была въ первомъ. „Принявъ съ благоволеніемъ поступокъ Слободско-украинскаго дворянства, опредѣлившаго на заведеніе въ Харьковѣ университета составить отъ избытковъ своихъ, безъ умноженія налоговъ, столь знатное приношеніе, за сей благонамѣренный подвигъ и любовь къ истинному просвѣщенію“ государь изъявлялъ отличную признательность дворянству, предводителямъ 9 уѣздовъ (они были поименно перечислены) и Изюмскому помѣщику Николаю Романовичу Шидловскому, дѣйствовавшему въ этомъ полезномъ дѣлѣ отъ имени большинства Изюмскихъ дворянъ.

Губернскому предводителю дворянства пожалованъ былъ орденъ Анны 2-й степени, секретарю дворянскаго собранія Тихоцкому подарокъ²⁾. Тогда же объявлена была Высочайшая благодарность и Харьковскому гражданству въ особомъ письмѣ на имя губернатора. Указавъ на приведенный нами выше рескриптъ дворянству, государь продолжаетъ: „поручаю вамъ изъявить такую же благодарность и Харьковскому купечеству за содѣйствіе отъ избытковъ его въ семъ полезномъ заведеніи; въ знакъ благоволенія Моего къ купечеству, градскаго голову, именитаго гражданина Урюпина пожаловалъ Я въ коллежскіе ассессоры, а именитаго гражданина Аникѣева отличилъ золотою медалью, которая вслѣдъ за симъ доставлена будетъ³⁾“. Пожалованіе чина 8-го класса купцу 3-й гильдіи (какимъ былъ Е. Е. Урюпинъ) являлось въ то время экстраординарнымъ отличіемъ и оно объясняется дѣйствительно крупными услугами, оказанными Е. Е. Урюпинымъ дѣлу основанія Харьковскаго университета. Къ чести его нужно замѣтить, что онъ не тщеславился

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Устинова. Харьк. старина (Х. Г. В. 1878, № 37).

полученнымъ чиномъ. „Въ теченіе всего времени, какъ Урюпинъ былъ пожалованъ въ коллежскіе ассессоры, говоритъ г. Устиновъ, онъ только 2 раза подписалъ свой чинъ при своемъ должностномъ званіи. Въ первый разъ эта подпись встрѣчается у Урюпина только въ сообщеніи думѣ о своемъ пожалованіи. Затѣмъ я ея нигдѣ уже не встрѣчалъ, такъ что изъ этого нельзя не заключать, что Урюпинъ высоко цѣнилъ свое должностное положеніе и вообще, будучи человѣкомъ по своему времени очень образованнымъ, дорожилъ дѣломъ, а не внѣшностью. Изъ всей пересмотрѣнной мною дѣловой его переписки, веденной имъ въ большинствѣ случаевъ собственноручно, нельзя не заключать, что онъ, будучи купцомъ 3-й гильдіи и, слѣдовательно, человѣкомъ не сильнымъ въ торговомъ мірѣ, былъ весьма вліятельнымъ лицомъ не только въ купеческой средѣ, но и въ высшемъ обществѣ“ ¹⁾. Такимъ же живымъ, общественнымъ дѣятелемъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ не только въ своей духовной средѣ, но и въ дворянскомъ обществѣ, былъ извѣстный уже намъ священникъ О. Фотіевъ. Онъ держалъ лучшій въ Харьковѣ пансіонъ, изъ котораго вышли первые студенты Харьковскаго университета. Ему былъ пожалованъ золотой наперсный крестъ ²⁾.

Но В. Н. Каразинъ остался не совсѣмъ доволенъ такимъ распредѣленіемъ наградъ. Придавая имъ большое значеніе, въ качествѣ важнаго рычага при общественной дѣятельности, онъ подалъ даже государю особую докладную записку по этому вопросу, гдѣ между прочимъ заявлялъ, что награжденіе одного губернскаго предводителя недостаточно, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстно, какъ слабо и косвенно дѣйствовалъ онъ на пользу этого дѣла въ теченіе 1½ лѣтъ. „Въ пожертвованіяхъ Харьк. дворянства, писалъ онъ, проявилась искра *общественнаго духа*, столь необходимаго и столь мало у насъ, увы! примѣтнаго. Цѣлыя общества никогда не дѣйствуютъ массою, всегда должны быть инициаторы и правительство должно отличить ихъ отъ толпы, оцѣнить ихъ труды. Я умалчалъ даже о такихъ полезныхъ дѣятеляхъ, продолжаетъ далѣе Каразинъ, какъ Палицынъ, и назвалъ всего 5 лицъ, изъ коихъ прошу уѣздныхъ предводителей Щербинина и Алферова отличить чинами, а дворянъ Ковалевскаго и Кондратьева орденами“ ³⁾. Его ходатайство было уважено ³⁾. Образу дѣйствій Изюмскаго предводителя Капустянскаго въ сущности, какъ мы видѣли, было высказано косвенное неодобреніе со стороны Верховной власти и объ этомъ узнало все дворянство, такъ

¹⁾ Харьк. старина (Х. Г. В. 1878, № 40).

²⁾ Рус. Стар. 1875, сентябрь, стр. 190.

³⁾ Ibidem, стр. 193.

какъ Высочайшій рескриптъ былъ разосланъ во всѣ уѣзды. Но Капустянскій своей оппозиціей все таки сильно тормозилъ и дальнѣйшій ходъ дѣла, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма Шидловскаго къ Донцу-Захаржевскому.

„Любезный другъ Василій Михайловичъ!—Жаль мнѣ очень, что не могу выполнить желанія твоего, а благодарю за довѣренность. Ей, истинно, не знаю, что со мной будетъ, но мнѣ очень худо и въ болѣзни сей старой припадокъ мой весьма меня беспокоитъ. Сообщаю вамъ мнѣніе мое. Вы препоручаете, чтобы я испросилъ у дворянства нашего уѣзда довѣренность на избраніе меня обще со всѣми предводителями для составленія членовъ въ комиссіи университета. Удобно ли мнѣ сіе выполнить,—посудите сами! когда по первому предложенію вашему я сдѣлалъ мое отношеніе къ предводителю—и онъ мнѣ нагрубилъ только и написалъ много дерзостей неприличныхъ. Я вамъ приносилъ жалобу, но остаюсь я безъ свѣдѣнія, что вы на сіе предприняли; къ тому же и неудовольренъ я, чтобы дворянство яко частному человѣку по позыву его и по соглашенію что-либо предприняло. Созывъ дворянства въ посылаемыхъ къ нимъ отношеніяхъ долженъ быть поименный, а я, не имѣя списковъ дворянскихъ и въ требованіи оныхъ получа отказъ отъ предводителя, не могу сего выполнить. Да и созывъ сдѣлать, какъ я вамъ уже и писалъ, безъ особливаго вашего предписанія въ сихъ словахъ—„предписую вамъ гг. дворянъ Изюмскаго уѣзда, созвавъ въ г. Изюмъ, предложить имъ“ и такъ далѣе—не могу безъ подверженія себя одному только посмѣянію, ибо навѣрно никто не поѣдетъ на позывъ мой, а сіе послужитъ дальнѣйшимъ непріятностямъ. Я вамъ совѣтовалъ и теперь совѣтую чрезъ предводителя сдѣлать созывъ дворянъ въ г. Изюмъ и самимъ пріѣхать сюда. Вы все услышите сдѣлать навѣрно, а безъ сего, ей, ничего не будетъ кромѣ безпокойствъ вамъ въ непредвидимыхъ случаяхъ. Я не отрѣкаюсь быть въ комиссіи университета, если Богу угодно продлить жизнь мою; если же умру, не оставьте сиротъ моихъ“¹⁾. Изъ этого видно, что губернский предводитель потерялъ всякое самообладаніе и хотѣлъ прибѣгнуть къ очень непрактичному и рискованному средству, чтобы устранить Капустянскаго отъ участія въ университетской комиссіи, въ которой онъ, очевидно, не могъ приносить ничего кромѣ вреда. Нужно думать, что трезвое, основательное письмо Шидловскаго заставило Донца-Захаржевскаго отказаться отъ его неудачнаго плана борьбы съ Капустянскимъ и избрать болѣе подходящій путь—именно перенести это дѣло на рѣшеніе собранія всѣхъ уѣздныхъ

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

предводителей дворянства. Между тѣмъ, добившись путемъ самыхъ горячихъ настояній благоприятнаго движенія дѣла Харьковскаго университета въ Петербургѣ, Вас. Наз. Каразинъ рѣшился отправиться въ Харьковъ, чтобы устраивать университетское дѣло на мѣстѣ. Недавно передъ тѣмъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа гр. Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Но семейныя дѣла (въ Вѣнѣ умеръ его отецъ) принудили его отправиться за границу и поручить исправленіе своей должности попечителю Петербургскаго округа и президенту академіи наукъ Н. Н. Новосильцеву.

Передъ отправленіемъ своимъ въ чужіе края, Потоцкій избралъ двухъ лицъ, которые должны были позаботиться о скорѣйшемъ открытіи университета въ Харьковѣ; это были—назначенный профессоромъ во вновь учрежденный университетъ Илья Ѳеодоровичъ Тимковскій и В. Н. Каразинъ. Первому поручались визитаціи училищъ и устройство университета, второму—только это послѣднее. О Тимковскомъ Потоцкій писалъ министру еще 31 декабря 1802 г., гдѣ говорилъ между прочимъ о необходимости имѣть въ Харьковѣ, при заведеніи и устроеніи университета, человѣка, который-бы, „принадлежа уже къ нему въ качествѣ профессора, имѣлъ надлежащее участіе и наблюденіе въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, вмѣстѣ съ особами, избранными дворянствомъ, увѣдомлялъ-бы обо всемъ, что будетъ нужно и что будетъ соотвѣтствовать видамъ главнаго правленія училищъ“. Главное правленіе училищъ вполнѣ одобрило выборъ Потоцкаго (7 февраля 1803 г.). Тогда же сдѣлано было представленіе и о В. Н. Каразинѣ.

Въ виду намѣренія этого послѣдняго отправиться немедленно въ Харьковъ, Сев. Ос. Потоцкій писалъ въ правленіе: „пользуясь сею удобностью, полагаю я, что по случаю отправленія В. Н. Каразина въ Харьковъ, полезно будетъ возложить на него первоначальныя распоряженія относительно учреждаемаго тамъ университета. Бывши помѣщикомъ оной губерніи, онъ, вѣроятно, много споспѣшествовать можетъ Тимковскому“. Представленіе было уважено—и Василю Назаровичу было дано Потоцкимъ вѣрующее письмо, въ которомъ поручалось „принять всевозможныя мѣры касательно первоначальнаго устройства Харьковскаго университета“ для открытія его въ возможно скоромъ времени; „въ распоряженіяхъ вашихъ, говорилъ Потоцкій, будутъ вамъ вспомошествовать съ одной стороны г. профессоръ Тимковскій, котораго я не умею отправить отсюда въ качествѣ визитатора по училищной части всего Высочайше миѣ ввѣреннаго учебнаго округа, съ другой—комиссія тамошняго благороднаго дворянства и купечества, какъ скоро она по избранію составлена будетъ. Доносить о своихъ дѣйствіяхъ

и получать распоряженія Каразинъ долженъ былъ отъ Новосильцева; этому же послѣднему онъ обязанъ былъ и отсылать суммы патріотическаго фонда. Изъ этого видно, что Каразину были предоставлены широкія полномочія, какъ довѣренной особѣ попечителя: Тимковскій и коммиссія должны были только помогать ему въ его начинаніяхъ; онъ же былъ подчиненъ прямо Новосильцеву¹⁾. И такія полномочія объясняются, конечно, тѣмъ, что Каразинъ, во 1-хъ, въ это время занималъ важную должность правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, которое вѣдало тогда почти всѣми дѣлами Мин. Нар. Просв., а во 2-хъ, его руководящей ролью въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета.

Въ письмѣ къ Харьковскому губернатору А. К. Артакову Потоцкій писалъ: „Ваше Превосходительство предварены уже отъ министра Народнаго Просвѣщенія о новыхъ Высочайшихъ постановленіяхъ относительно до сей части, равно и о томъ, что Всемилостивѣйшему Государю Императору благоугодно было меня наименовать попечителемъ округа, къ коему въ отношеніи общественнаго воспитанія принадлежитъ Высочайше ввѣренная вамъ губернія. Въ семъ званіи имѣю честь поручить въ благорасположеніе ваше г. кол. сов. Каразина, коему, какъ участнику въ предположеніи дворянъ Слободской Украинской губ. соорудить университетъ, удостоенномъ Высочайшаго благоволенія, ввѣрилъ я мысли мои и начальныя распоряженія по сему предмету, совмѣстно съ профессоромъ Тимковскимъ, который отправленъ бывши визитаторомъ училищъ, такъ же не умедлитъ къ вамъ явиться. Удостоивъ г. Каразина милостиваго вашего вниманія и руководства, вы лично обязать изволите того, который въ нынѣшней своей должности не упуститъ никакаго случая увѣрить васъ опытами въ истинномъ почитаніи, съ каковымъ честь имѣть пребыть навсегда, такой то²⁾ (17 февр. 1803 г.)“.

Василій Назаровичъ выѣхалъ въ Харьковъ 18-го февраля, а Тимковскій остался пока въ Петербургѣ. И Каразинъ сталъ широко пользоваться предоставленною ему властью, тѣмъ болѣе что Тимковскаго пока еще не было, а дворянская коммиссія, какъ увидимъ далѣе, вовсе не была избрана. Такимъ образомъ нѣкоторое время онъ оставался единоличнымъ распорядителемъ всѣхъ дѣлъ. Прежде всего онъ обратился къ губернскому предводителю дворянства съ просьбой о выслѣхъ изъ *патріотическаго приношенія* 10000 руб. въ Петербургъ на имя Н. Н. Новосильцева. Деньги эти предназначались на покупку библіотеки, на доставку ея въ Харьковъ, а также для вновь назначен-

¹⁾ Рус. Старина, 1875, сентябрь, стр. 195—196.

²⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. университет.

ныхъ и утвержденныхъ профессоровъ. Библіотеку подбиралъ въ Петербургѣ самъ Каразинъ, а приглашенія профессоровъ устраивалъ, повидимому, Потоцкій. 26 марта В. Н. Каразинъ писалъ губ. предводителю Донцу-Захаржевскому.

„На основаніи врученнаго уже Вамъ отношеніи отъ попечителя Харьковскаго університета и округа его, графа Северина Осиповича Потоцкаго, и письма Его Сіятельства ко мнѣ, уполномочивающаго меня дѣйствовать здѣсь по сему предмету, о содержаніи коего изъ прилагаемой при семъ копіи судить изволите, за обязанность поставлю немедленно приступить къ исполненію мнѣ порученнаго. И прежде всего извѣстить васъ честь имѣю: 1) что я доставилъ Его Превосходительству, господину гражданскому губернатору, подобно-же порученныи мнѣ отношенія отъ графа Потоцкаго и отъ Министра внутреннихъ дѣлъ, коихъ копіи равнымъ образомъ у сего прилагаю, перваго подъ литерою В, а втораго подъ литерою С. Изъ полученныхъ свѣдѣній сужу я, что Высочайше назначена на Харьковскій народнаго просвѣщенія округъ сумма до ста тысячъ рублей на сей 1803 годъ, изъ коихъ большая часть безъ сумнѣнія обращена будетъ въ пользу университета.

Но отпускъ оной суммы еще не ассигнованъ, и вѣроятно нѣсколько времени пройдетъ еще, пока она можетъ быть получена. Въ разсужденіи чего, дабы, сколько способовъ нашихъ достанетъ, поспѣшить открытіемъ сего важнаго училища, не разсудите-ли Вы согласно со мною, отпривать немедленно въ С.-Петербургъ къ занимающему нынѣ должность попечителя за отсутствіемъ графа Северина Осиповича, господину президенту академіи наукъ и члену главнаго училищъ правленія, дѣйствительному камергеру Николаю Николаевичу Новосильцову, нѣкоторую сумму денегъ, заимообразно изъ кассы патріотическаго приношенія? По исчисленію моему, сдѣланному въ Петербургѣ и извѣстному обоимъ упомянутымъ членамъ главнаго училищъ правленія, довольно будетъ десяти тысячъ рублей. Отъ Васъ, милостивый государь, зависить взять для сего самыя пристойнѣйшія мѣры и отнестись къ господамъ уѣзднымъ предводителямъ. Съ моей стороны я въ доставленіи сей суммы въ распоряженіе Его Превосходительства Новосильцова не только не вижу ни малѣйшаго неудобства, но нахожу сіе совершенно согласнымъ съ 20-ю и 46-ю статьями предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія Высочайше изданныхъ по сей части; упомянутыя статьи не оставляютъ никакого сумнѣнія, что распоряженіе всѣми суммами на устроеніе и содержаніе училищъ принадлежитъ исключительно и единственно главному училищъ правленію и его членамъ каждому по своей части.

Сказанная сумма десять тысяч рублей употреблена будетъ на первоначальную покупку библіотеки, доставленіе ея, также на доставленіе сюда принятыхъ уже и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденныхъ профессоровъ, коимъ немедленно слѣдуетъ выдать на проѣздъ деньги и за треть жалованья впередъ.

За симъ, бывши всегда готовымъ съ таковою жъ откровенностію сообщать вамъ, и чрезъ васъ почтеннѣйшему корпусу Слободского Украинскаго дворянства каждое изъ моихъ дѣйствій, по данному мнѣ довѣрію, имѣющихъ составлять мою должность, имѣю честь быть съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію

Вашимъ, Милостивый Государь,
всепокорнымъ слугою Василій Каразинъ.

Марта 26-го дня
1803 года. Харьковъ.

Губернскій предводитель дворянства изъ 10000 собралъ 6000 (изъ валковскаго уѣзда 2600 р., богодуховскаго 1300, ахтырскаго 1450, зміевскаго 650) и отправилъ ихъ въ Петербургъ. Тогда же Василій Назарьевичъ обратилъ вниманіе и на помѣщеніе для вновь учреждаемаго университета. Дѣло о ген.-губернаторскомъ домѣ для временнаго помѣщенія въ немъ университета началось еще въ февралѣ 1803 г., когда министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ харьковскому губернатору Артакову: „главное правленіе училищъ, получивъ Высочайшее соизволеніе на заведеніе въ Харьковѣ университета и располагаясь вслѣдствіе того приступить къ построенію приличнаго ему дома, между тѣмъ, дабы не медлить открытіемъ университета, отнеслось ко мнѣ о назначенія для него на первый случай временнаго въ Харьковѣ помѣщенія. Предполагая съ одной стороны, что университетъ помѣщенъ быть можетъ въ бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ и зная съ другой, по дошедшимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, что если домъ сей нынѣ занять, дворянство, усердствуя скорѣйшему открытію училища, приметъ на себя замѣнить сіе помѣщеніе приличною квартирою, если другимъ образомъ распорядить сего будетъ не можно, я прошу Ваше Превосходительство увѣдомить меня, находите ли вы, по мѣстному вашему познанію, таковое предположеніе удобнымъ и можно ли будетъ въ непродолжительномъ времени привести его въ дѣйство“ ¹⁾.

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

Губернаторъ Артаковъ, нежелая идти противъ воли своего министра, высказался по этому вопросу въ смыслѣ благопріятномъ для университета. „Для помѣщенія на 1-й случай университета, писалъ онъ, не нахожу и съ моей стороны удобнѣйшаго въ Харьковѣ дома кромѣ дома ген.-губ., а посему самому и сдѣлалъ я распоряженіе о выводѣ приказа общественнаго призрѣнія, губернской чертежной и аукціона, кои помѣщены въ нижнемъ этажѣ вышеупомянутаго дома; во флигелѣ казеннаго-жъ дома, построеннаго на случай открытія намѣстничества и занимаемого нынѣ г. вице-губернаторомъ, каковой домъ въ разсужденіи его величины и пространной залы въ случаѣ надобности также можетъ быть занятъ съ удобностію для университета, ибо отъ дома ген.-губ. отдѣленъ онъ одною только улицею; самъ же я не умѣю очистить верхній этажъ, нынѣ мною занимаемый, коль скоро дороги въ городѣ просохнуть“¹⁾.

Въ письмѣ губернаторъ соглашался на уступку университету обояхъ домовъ; но несомнѣнно, что дѣлалъ онъ это крайне не охотно; въ данномъ случаѣ нарушались его собственные интересы: въ ген.-губ. домѣ помѣщались его квартира и присутственныя мѣста, которые нужно было переводить въ другое зданіе; а между тѣмъ подходящихъ домовъ въ то время въ Харьковѣ почти вовсе не было. Губернскій предводитель дворянства былъ въ натынутыхъ отношеніяхъ съ губернаторомъ, такъ какъ этотъ послѣдній поддерживалъ изюмскаго предводителя Капустянскаго, который своей оппозиціей тормозилъ дѣло пожертвованій. Это неудовольствіе ясно выразилось въ отвѣтѣ Донца-Захаржевскаго на обращеніе къ нему Артакова по дѣлу о генераль-губернаторскомъ домѣ. „Честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, писалъ Захаржевскій Артакову, что въ Харьковѣ есть два казенныхъ дома, купленныхъ изъ винной суммы для двухъ квартировавшихъ здѣсь шефовъ. Впрочемъ я не вправѣ одинъ безъ согласія дворянства располагать дворянскою суммою, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще; при томъ надѣюсь, что и Вы захотите сохранить въ цѣлости въ пользу университета безъ отвлеченія на посторонніе предметы всю дворянскую сумму; а потому не благоугодно-ли вамъ будетъ занять 2 вышеуказанные дома, нынѣ теперь не занятые: въ избѣжаніе же дальнѣйшихъ переписокъ препровождаю копію дворянскаго протокола, котораго Вы 4 раза требовали отъ меня по одному неосновательному донесенію Капустянскаго, который и понынѣ не отстраненъ вами отъ должности и не преданъ суду за свои упущенія по должности уѣзднаго предводителя“²⁾. Очевидно

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп., № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

²⁾ Архивъ Харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

В. Н. Каразинъ долженъ былъ исполнять свою миссію при очень неблагоприятныхъ условіяхъ. Между прочимъ ему предстояло убѣдить Донца-Захаржевскаго въ томъ, о чемъ писалъ тому губ. Артаковъ, и онъ это сдѣлалъ въ томъ письмѣ, отрывокъ изъ котораго мы привели уже раньше. „Получилъ я согласіе, писалъ онъ Донцу-Захаржевскому, на то, чтобы генераль-губернаторскій домъ служилъ для временнаго помѣщенія университета до того, пока приличное ему зданіе соорудится. Но какъ извѣстно мнѣ, что министръ къ сей толико благоспѣшествующей для новаго заведенія мѣрѣ никакъ не подвигнуть былъ увѣреніемъ, что дворянство приметъ на себя замѣнять нынѣшнее помѣщеніе господина губернатора приличною квартирою, или будетъ къ сему способствовать другимъ образомъ, то за долгъ мой почитаю представить на разсужденіе ваше, не должно ли по крайней мѣрѣ на счетъ дворянской суммы, хотя изъ кассы патріотическаго приношенія, привести въ жилое состояніе тотъ домъ, который господинъ губернаторъ нынѣ занять располагаетъ. Оной купленъ на счетъ общественныхъ сего города доходовъ и принадлежалъ прежде г-ну Мордвинову. Внутренняя починка и нѣкоторая дополнительная меблировка дому сего не можетъ, кажется, большаго стоить и нужна будетъ конечно только на первой разъ. Такимъ образомъ, какъ благородное общество, такъ и городское, оба содѣйствовали бы къ скорѣйшему исполненію желаній министра и попечителя“. Письмо возымѣло свое дѣйствіе: 8 мая В. Н. Каразинъ уже принялъ въ свое вѣдѣніе этотъ домъ (нынѣшня канцелярія совѣта, правленія и квартиры г. попечителя) ¹⁾. Сохранилась пріемная опись этого дома, изъ которой видно, что онъ дѣйствительно требовалъ большого ремонта и при томъ по размѣрамъ далеко не соответствовалъ своему новому назначенію (въ немъ было всего 32 комнаты) ²⁾. В. Н. Каразинъ потре-

¹⁾ Въ описаніи г. Харькова 1802 г. читаемъ: „домъ 2-хъ этажный со службами и флигелями, обведенный каменною оградой, построенный для жительства губернатора“.

²⁾ Въ виду того, что университетъ и теперь отчасти находится въ этомъ *временномъ* своемъ помѣщеніи, приводимъ цѣликомъ этотъ любопытный „расписной списокъ“: каменный корпусъ съ погребами о двухъ этажахъ подъ желѣзною крышею и стропилахъ таковыхъ же о 32 покояхъ, изъ коихъ въ нижнемъ этажѣ прихожія парадныя сѣни, а изъ нихъ въ правую сторону 7 покоекъ и 1 корридоръ, оставя-жъ оныя съ первыхъ сѣней влѣво другія сѣни, изъ коихъ ходъ на верхній этажъ и нижній залъ, изъ котораго въ правую сторону жилыхъ 7 покоекъ и маленькія сѣни съ лѣстницею на верхній этажъ и выходъ во дворъ, влѣво-жъ того зала полукруглый покой и изъ оного другія маленькія сѣни также съ лѣстницею въ верхній этажъ и выходъ во дворъ; особо съ сихъ сѣней ходъ прямо въ 4 покоя. Во всѣхъ тѣхъ нижняго этажа покояхъ мебели кромѣ всякаго въ пер-

увѣдомляете, и вмѣстѣ радуюсь, что дѣло идетъ порядочно и хотя мало по малу, но все успѣшно. Какъ ассигнованная изъ казны на университетъ сумма еще не выдана, то присланныя вами кстатѣ деньги послужать къ скорѣйшему отправленію г. профессора Тимковскаго и вмѣстѣ гг. профессоровъ Де-Ливинь и Осиповскаго и недавно принятаго мною адъюнкта Ланге; остатокъ же обратится на покупку книгъ; а что касается до г. профессора Рижскаго, который получилъ отъ меня дозволеніе остаться здѣсь по собственнымъ надобностямъ на мѣсяцъ или на два, то слѣдующія ему впередъ деньги получить онъ изъ тѣхъ, конхъ присылкою вы обѣщаете не замедлить, или изъ казенной суммы, которая будучи ассигнована, вѣроятно, вскорѣ и отпущена будетъ на университеты; равномѣрно тогда же неотложно пойдетъ дѣло о покупкѣ книгъ и типографіи. Нѣтъ здѣсь ни малѣйшаго сомнѣнія, что дворянство и граждане слободской-украинской губерніи, какъ теперь, такъ и въ предбудущее время съ одинакимъ соревнованіемъ соотвѣтствовать будутъ благоволенію къ нимъ государи императора, и не замѣшкаютъ свои приношенія составить въ общую сумму, которую предполагаю я употребить сколько можно болѣе на предметы казистые и пребывающіе, чтобы они всегда свидѣтельствовали, всегда напоминали потомству о семъ отличномъ и примѣрномъ для другихъ подвигѣхъ ко благу своего края и своего отечества, какъ-то: на новыя зданія, ботаническій садъ, разные кабинеты и тому подобное, также и на содержаніе бѣдныхъ студентовъ.

И если что изъ этой суммы издержано будетъ на предметы не столь видныя, то не иначе, какъ заимообразно, каково и ваше есть мнѣніе. Лестнымъ предзнаменованіемъ почитаю ревностное и дѣятельное благорасположеніе, какъ дворянства и гражданъ, такъ и господина губернатора тамошнихъ къ заведенію университета. Усугубить мои пощеченія объ немъ, съ живѣйшею преданностью смотрѣть на его успѣхи возрастающіе, побуждаюсь. Впрочемъ гг. профессоры обезпечены уже и удовольствованы отъ самой казны. Дому, такъ называемаго генералъ-губернаторскаго, кажется очень, и можетъ быть слишкомъ, достаточно для университета; и когда помѣщеніе въ немъ нѣсколькихъ профессоровъ есть уже излишекъ и роскошь, тѣмъ болѣе недостаетъ никакой надобности въ упоминаемомъ вами вице-губернаторскомъ домѣ, дабы не повести при томъ убыточныхъ и напрасныхъ издержекъ; между тѣмъ, какъ много потребно въ самомъ началѣ на одно необходимое и пристойнѣйшее. Въ этомъ я полагаюсь на искреннее усердіе ваше. О подробностяхъ же относительно расходовъ узнаете отъ г. Тимковскаго, которому дано уже отъ меня въ сей силѣ предписаніе и который такъ

неуспѣшно трудится здѣсь въ пользу университета. За симъ увѣдомляю васъ, что на всѣ вышеописанныя положенія, по содержанію вашего письма, и Николай Николаевичъ совершенно согласенъ. Нетерпѣливо желаю, выписавъ профессоровъ изъ чужихъ краевъ, навѣстить Харьковъ, по возвращеніи моемъ въ Россію.

Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и всегдашней
преданностію имѣю честь быть,
милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою

Гр. Северинъ-Потоцкій.

Апрѣля 11-го дня
1803 г.

Затѣмъ подробный отчетъ о своей харьковской дѣятельности В. Н. Каразинъ сообщилъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, исправляющему должность попечителя Н. Н. Новосильцеву. Отчетъ этотъ чрезвычайно интересенъ для уясненія роли Каразина въ первоначальномъ устройствѣ Харьковского университета. Изъ него видно, что Василій Назаревичъ заботился и о приготовленіи временныхъ помѣщеній для университета, и о приобрѣтеніи большого мѣста по Сумской дорогѣ подъ постоянныя зданія для него, и побуждалъ къ пожертвованіямъ сосѣднія губерніи, и хлопоталъ объ отпускѣ той суммы, которую должна была харьковскимъ дворянамъ казна, и заботился уже о студентахъ для будущаго университета, и высказывалъ свои соображенія объ устройствѣ училищной части въ предѣлахъ харьковского учебнаго округа. Въ вопросѣ о размѣрахъ временнаго помѣщенія для университета Каразинъ разошелся съ Потоцкимъ (онъ считалъ необходимымъ воспользоваться и вице-губернаторскимъ домомъ)—и дальнѣйшія событія показали, что правъ былъ Каразинъ; но самымъ важнымъ въ этомъ письмѣ является то мѣсто, въ которомъ проектируется устройство постоянныхъ зданій по Сумскому шоссе, гдѣ нынѣ университетскій садъ. Такимъ образомъ, первая мысль объ этомъ мѣстѣ принадлежитъ не Тимковскому, который еще не пріѣзжалъ тогда въ Харьковъ, а Каразину: Тимковскій былъ только продолжателемъ Каразина, съ чѣмъ вполне совпадаетъ и свидѣтельство Филадельфа Васильевича Каразина. По его словамъ, это огромное мѣсто въ 318000 кв. саж. уступали Василю Назаревичу за 6000 руб.¹⁾ Приводимъ письмо В. Н. Каразина къ Н. Н. Новосильцеву цѣликомъ.

„Исполнивъ отчасти порученіе о Харьковскомъ университетѣ, котораго удостоилъ меня господинъ попечитель онаго и его округа,

¹⁾ Рус. Старина, 1875, окт., стр. 270.

вамъ заступающему для меня мѣсто его сіятельства, какъ по безпредѣльной довѣренности, которую Вы отъ него по сему предмету на все время отсутствія его въ чужіе края имѣете, такъ и по дѣлательному, истинно патріотическому ревнованію о успѣхахъ просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, честь имѣю донести слѣдующее, въ дополненіе къ тому, о чемъ я уже предварилъ ваше превосходительство въ донесеніи моемъ изъ Харькова.

Въ проѣздѣ мой чрезъ Москву, нашелъ я тамъ господъ профессоръ Харьковскаго университета, Тимковскаго, Осиповскаго и Делявини; и давши имъ всѣ нужныя для нихъ мѣстные свѣдѣнія о будущемъ ихъ пребываніи, перваго просилъ и продолжать исполненіе всего того, что мнѣ собственно отъ графа Северина Осиповича предоставлено было. На сей конецъ, съ его согласія, снабдилъ я его отношеніями къ губернатору и губернскому предводителю. Господа профессора, по прибытіи въ Харьковъ, найдутъ удобное выгодное помѣщеніе въ казенномъ бывшемъ генераль-губернаторскомъ домѣ, которой и на основаніи позволенія, даннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, надлежащимъ образомъ принялъ отъ казенной палаты; и опись принятаго мною, равно какъ и планъ дому, у сего приложить честь имѣю. Что до послѣдняго принадлежитъ, то долженъ я донести вашему превосходительству, что, не взирая на предпріятыя и производимыя теперь передѣлки, не возможно помѣстить въ ономъ всего университета, ниже въ первоначальномъ, несовершенномъ его состояніи. Изъ росписанія, которое я сдѣлалъ, изволите Вы увидѣть необходимость въ другомъ казенномъ противолѣжащемъ домѣ, которой былъ построенъ въ видѣ залы на случай открытія намѣстничества, доселѣ съ нѣкотою передѣлкою внутри служилъ жилищемъ губернаторамъ и вице-губернаторамъ. Изъ послѣднихъ господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Картвелинъ оставилъ его, да и нынѣшній, господинъ Наврозовъ, по неудобности онаго къ помѣщенію малочисленной фамиліи, предпочелъ жить въ наемномъ домѣ, какъ и о томъ свѣдѣніе уже имѣю. Сомнѣваться не можно, что его сіятельство министръ внутреннихъ дѣлъ, столько содѣйствовавшій въ пользу сей части, по первому отзыву вашему, возьметъ на себя трудъ исходатайствовать у Государя Императора временную уступку обоихъ сихъ домовъ университету, доколѣ собственно для него назначенное зданіе на пристойномъ мѣстѣ сооружено будетъ. Кажется, что сіе не продолжится болѣе осьми лѣтъ, начиная съ его отккрытія. Между тѣмъ, упомянутые губерніскіе чиновники могутъ занимать другіе дома, принадлежащіе городу, какъ то изъ нихъ первый переѣхалъ уже въ домъ, купленный на счетъ общественныхъ городскихъ суммъ у г. Мордвинова,

которой для него приличнымъ образомъ при мнѣ исправленъ и меблированъ; для вице-губернатора осмѣлился бы и предложить домъ, купленный на счетъ таковыхъ же суммъ у г. Сонцева; оной стоитъ теперь въ пустѣ, и равномерно можетъ быть отдѣланъ соотвѣтственно своему назначенію. Употребленная на сіе изъ извѣстнаго капитала, принадлежащаго университету, издержка, равно какъ и та, каковой стоитъ будутъ передѣлка и приготовленіе обояхъ выше упомянутыхъ казенныхъ домовъ по предположенію, которое изъ представляемыхъ мною плановъ ихъ усмотрѣть изволите, весьма не важны въ сравненіи съ чрезвычайною пользою, какую доставитъ немедленное открытіе сего училища. Почти все къ сему уже изготовлено: остается вашему превосходительству отношеніями своими подвинуть духовныя и гражданскія начальства губерніи, составляющія Харьковскій округъ, къ обпародованію въ мѣстахъ имъ подвѣдомыхъ, что университетъ въ теченіи сентября мѣсяца непременно откроется, на тотъ конецъ, дабы желающіе молодые люди, приготовленные уже предварительнымъ ученіемъ, могли представиться въ оный заблаговременно. Подобныя же побужденія отъ васъ безъ сомнѣнія довершатъ то, что я началъ, относительно до приведенія въ дѣйство обнаруженной нѣкоторыми губерніями готовности соревновать слободской украинской приношеніями въ пользу университета. О екатеринославской и воронежской губерніяхъ я по полученнымъ мною отъ губернатора первой и нѣкоторыхъ дворянъ послѣдней свѣдѣніямъ никакъ не сомнѣваюсь. Ту же надежду можно имѣть относительно и до двухъ малороссійскихъ, о подвигѣ коихъ увѣдомлены вы уже отъ первѣйшаго виновника онаго, его сіятельства господина тамошняго генералъ-губернатора. Но съ другой стороны, какъ всѣ таковыя суммы, по предположенію вашему и графа Северина Осиповича, должны быть употреблены на вещи постоянныя, которыя бы остались навсегда въ виду у потомства, то текущія издержки университета и содержаніе его чиновниковъ требовать будутъ отпуска нѣкоторой доли назначенной на округъ его суммы, въ числѣ Высочайше ассигнованныхъ пятисотъ тысячъ по сей части на нынѣшній годъ. Безъ сомнѣнія, изволите Вы поспѣшить изъ сей же суммы перевести въ Вѣну къ графу Северину Осиповичу количество денегъ, въ которомъ онъ будетъ имѣть надобность на доставленіе профессоровъ и другія издержки, съ должностію его неразлучныя. Осмѣливаюсь также всепокорнѣйше просить отъ имени слободско-украинскихъ господъ дворянъ о благосклонномъ съ вашей стороны ходатайствѣ по департаменту внутреннихъ дѣлъ, дабы слѣдующіе имъ изъ казны за доставку въ 1789 году воловыхъ фуръ и лошадей къ арміи, и назначенные въ числѣ четырехсотъ тысячной

суммы къ первоначальному употребленію на университетъ, 66910 руб. были рѣшительно ассигнованы къ полученію.

Правительствующій сенатъ въ докладѣ своемъ призналъ уже сію сумму принадлежащую упомянутому дворянству; а подобная ей, слѣдовавшая екатеринославскимъ дворянамъ, въ свое время и отпущена. Если бы сія сумма могла получиться въ нынѣшнемъ году, то всѣ прочія обстоятельства позволили бы приступить къ изготовленію матеріаловъ для новаго университетскаго зданія и къ самому zaloженію оного, коль скоро избранное мною для сего мѣсто попечителемъ утверждено будетъ. Здѣсь имѣю честь приложить его планъ и именной списокъ обывательскихъ дворовъ и садовъ, которые должно будетъ для очищенія сего мѣста приобрести покупкою. Положеніе оного, возвышенность, свойство почвы, близость воды и многія другія причины, при обозрѣніи представляющіяся съ перваго взгляда, дѣлають его единственнымъ въ городѣ. Планъ самаго зданія готовится подъ присмотромъ моимъ и на моей квартирѣ архитекторомъ, титулярнымъ совѣтникомъ Васильевымъ, ученикомъ славнаго Г. Гваренія. Я буду имѣть честь поднести его вамъ въ непродолжительномъ времени. Наконецъ, обязанностью моею почитаю еще, основываясь на приобретенныхъ мною мѣстныхъ свѣдѣніяхъ, донести вашему превосходительству слѣдующее. Обширный округъ, котораго средоточіемъ Августѣйшему государю императору благоугодно было назначить городъ Харьковъ, и который заключаетъ въ себѣ почти всю полуденную часть Россіи, представляетъ въ самомъ началѣ величайшую удобность къ исполненію премудрыхъ намѣреній, ввѣренныхъ попечительности главнаго училища правленія. Въ семь округѣ нашелъ я жителей, понимающихъ цѣну народнаго воспитанія, издавна уже привыкшихъ уважать города, гдѣ преимущественно приобретаются его начала, жителей, которыхъ не трудно склонить къ споспѣшествованію училищныхъ заведеній всѣми способами. Увѣренну быть можно, что при нѣкоторомъ ободреніи со стороны правительства суммы, назначенныя на содержаніе тамъ училищъ, непримѣтно составятся на самыхъ мѣстахъ безъ малѣйшаго отягощенія казны отъ доходовъ, обществамъ принадлежащихъ, и отъ избытковъ частныхъ людей, чему въ обѣихъ малороссійскихъ губерніяхъ, попеченіями господина генералъ-губернатора, въ слободской и екатеринославской, собственными движеніями дворянства и гражданства представляются уже примѣры. Тамъ издавна заведенныя училища представляютъ въ себѣ счастливое соединеніе всѣхъ состояній, которыя, воспитываясь подъ однимъ кровомъ съ одинакими правами, не чувствительно привыкають взаимно уважать себя и дорожить общественнымъ союзомъ, на оди-

накой степени просвѣщенія основаннымъ. Торговля издавна располагавшая мѣста стеченій народныхъ съ удовольствіемъ находить, что въ нихъ же мудрое правительство расположило центральныя учрежденія въ пользу наукъ: она будетъ имъ способствовать. Изобиліе земли и кротость климата, доставляя болѣе досужества человѣку, болѣе располагая способности его заниматься нравственными предметами, представитъ большее число юношей, могущихъ посвятить себя ученію съ пользою для отечества. вмѣсто довода, осмѣливаюсь донести вашему превосходительству, что въ одномъ Харьковѣ, городѣ малолюдномъ, изъ числа самыхъ неважныхъ губернскихъ городовъ, нашелъ я около пятидесяти человѣкъ, годныхъ къ непосредственному поступленію студентами въ университетъ, и вмѣстѣ съ сѣмъ подношу нѣкоторыя произведенія въ Россійской словесности (среди обыкновенныхъ уроковъ представленныя учителямъ) четырнадцата и пятнадцатилѣтнихъ воспитанниковъ тамошнихъ училищъ, училищъ, возникшихъ безъ дальняго попеченія мѣстнаго начальства, и по нынѣ весьма недостаточно снабждаемыхъ учителями и учебными пособиями. Я увѣренъ, что вы сіи провинціальныя опыты найдете предвѣстіями самыхъ счастливыхъ въ будущности успѣховъ, и если изволите взять въ разсужденіе то великое число молодыхъ людей, которое наполняетъ обыкновенно духовныя и свѣтскія училищныя заведенія губерній орловской, курской, слободско-украинской, воронежской, екатеринославской и обѣихъ малороссійскихъ, и съ которыми одиѣ губерніи столичныхъ городовъ могутъ выдержать сравненіе, если изволите также представить количество духовныхъ и свѣтскихъ учителей, чиновниковъ въ разныхъ должностяхъ, въ томъ числѣ особливо землемѣровъ, архитекторовъ, инженеровъ, также и художниковъ, доставляемыхъ изъ губерній сего округа въ другія губерніи, то найдете конечно новыя побудительныя причины обратить на сей край и на будущій его университетъ вниманіе высокаго министерства. Въ семъ разумѣ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше испрашивать соображенія, не выгоды ли для казны и не соотвѣтственны ли общественной пользѣ будетъ, если изъ семинарій, находящихся въ Харьковскомъ округѣ, не требовать студентовъ въ С.-Петербургъ въ число ста человѣкъ, по предположенію имѣющихъ поступить въ учительскую гимназію, а вмѣсто сего по сношенію съ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ соразмѣрное количество оныхъ назначить къ поступленію въ Харьковскій университетъ, который безъ сомнѣнія откроется не позже сентября мѣсяца сего года и можетъ, на основаніи 39 статьи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, въ педагогическомъ институтѣ съ равнымъ успѣхомъ и въ то же время при-

готовить учителей къ исполненію мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ своего округа. Такимъ образомъ, затрудненія отъ дальняго пути и отъ перемѣны климата столько опасной для здоровья, равно какъ и отъ скоростижной перемѣны мѣста, окруженнаго стѣнами и почти безмолвнаго, на шумную и роскошную столицу, перемѣны, какъжется, не меньше опасной для нравственности молодыхъ людей, исчерпнуть сами собою. Семинаристы всеконечно предпочтутъ ѣхать въ Харьковъ, коль скоро не взяты будутъ мѣры необходимости, а на волю ихъ предоставится избрать тотъ или другой путь, да и неоспоримо истинною принять можно, что они больше причинъ будутъ имѣть къ соревнованію въ наукахъ, находясь почти въ виду своихъ родителей, родственниковъ, друзей и тѣхъ начальствъ, предъ очами которыхъ всегда лестно для нихъ было успѣхами отличатся. Съ другой стороны, я не вижу возможности наполнить педагогическій институтъ университета ближе и соотвѣтственнѣе его назначенію, какъ съ помощію семинаріи. Мысль вашего превосходительства была всегда, что не должно отлагать введеніе системы по части народнаго просвѣщенія, на предварительныхъ онаго правилахъ начертанной, и что тѣмъ менѣе должно отъ оной удалаться, на сей мысли я основываю покорнѣйшее мое представленіе. Впрочемъ, въ тамошнихъ мѣстахъ вообще ласкаются надеждою, что главное училищъ правленіе исходатайствуетъ всемилостивѣйшее позволеніе пользоваться преподаваніемъ наукъ въ университетахъ и гимназіяхъ безъ различія состояній духовнаго отъ гражданскаго. Будетъ ли сіе соотвѣтствовать общественной и государственной пользѣ, я не смѣю здѣсь разрѣшить, но представляю по всѣмъ правамъ судить о томъ вашему просвѣщенному разуму и вашему сердцу, которыхъ высокими предметами всегда были: слава возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ и благо его вѣроподданныхъ.

Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ.

Іюня 10-го 1803 г. ¹⁾).

¹⁾ Арх. харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив. Филадельфъ Васильевичъ сообщаетъ, что на копія этого представленія самъ Василій Назарьевичъ сдѣлалъ характерную приписку: „подъ разными видами и предлогами представляема была къ подписанію 4 раза; въ 5-й, наконецъ, соглашено написать приложенное здѣсь по сему предмету ноября“.... Изъ этого можно заключить, говоритъ Филадельфъ Васильевичъ, какъ не легко доставалась ему каждая министерская бумага по харьковскому дѣлу (Рус. Стар., ноябрь, 1875, стр. 473).